

Лиза Джейн Смит

Дневники вампира: Темный альянс

Дневники вампира – 4

1

— И тогда все будет, как раньше, — мягко сказала Кэролайн и стиснула руку Бонни.

Неправда. Ничего уже не будет так, как до смерти Елены. Ничего. И относительно вечеринки, которую затеяла Кэролайн, у Бонни были дурные предчувствия. Легкое ноющее ощущение в животе было верным признаком того, что идея с вечеринкой — очень и очень скверная.

— День рождения Мередит уже прошел, — напомнила она. — Он был в прошлую субботу.

— Но ведь она не отмечала. В смысле, по-настоящему не отмечала, как мы собираемся. У нас будет вся ночь, родители приезжают только в воскресенье утром. Да ладно тебе, Бонни, ты только представь себе, какой это будет для нее сюрприз.

«О да, — подумала Бонни. — За такой сюрприз она меня потом прикончит».

— Послушай, Кэролайн. Мередит не отмечала, потому что ей пока не до праздников. Устраивать веселье сейчас... Как-то это... не по-людски.

— *Ерунда!* Ты же отлично понимаешь, Елена порадовалась бы тому, что мы веселимся. Она любила вечеринки. А вот то, что прошло уже полгода после ее смерти, а мы все сидим и льем слезы, ей бы совсем не понравилось.

Кэролайн наклонилась к Бонни. Взгляд ее кошачьих глаз был серьезным и уверенным. Не было никакого притворства, не было обычных хитрых манипуляций. Бонни поняла: она говорит абсолютно искренне.

— Я хочу, чтобы мы снова дружили, как раньше, — сказала Кэролайн. — Мы ведь всегда праздновали дни рождения вместе, вчетвером, помнишь? А помнишь, как парни пытались заявиться к нам без приглашения? Интересно, в этом году попробуют?

Бонни чувствовала, что теряет возможность хоть как-то повлиять на ситуацию. «Ох какая плохая идея, ох какая плохая», — думала она. Кэролайн все говорила и говорила; от разговоров о старых добрых временах она расчувствовалась и впала в поэтическую мечтательность, а у Бонни не хватало духа напомнить ей, что старые добрые времена канули в Лету, как музыка диско.

— Нас ведь уже даже не четверо. Ну что это за веселье — втроем, — слабо запротестовала она, когда ей удалось вставить слово.

— Я собираюсь позвать Сью Карсон. По-моему, Мередит к ней неплохо относится.

Бонни была вынуждена согласиться: к Сью все относились неплохо. И все-таки Кэролайн должна понять: так, как раньше, уже не будет. Нельзя же просто поменять Елену на Сью Карсон и сказать: «Угу, теперь все в порядке».

«Как бы сделать, чтобы до нее дошло?» — думала Бонни. И вдруг ее осенило.

— Давай позовем Викки Беннетт, — сказала она.

Кэролайн посмотрела на нее с недоумением.

— Викки Беннетт? Шутишь? Эту чокнутую, которая разделась на глазах у половины школы? После всего, что было?

— Именно после всего, что было, — сурово сказала Бонни. — Послушай меня. Я знаю, что она никогда не была в нашей компании. Но она и со своей старой компанией уже не общается: они ее знать не хотят, а она их до смерти боится. Ей нужны друзья. А нам нужны люди. Давай пригласим.

Секунду Кэролайн выглядела безнадежно расстроенной. Бонни выпятила подбородок,

уперла руки в бока и стала ждать. Наконец Кэролайн вздохнула:

— Ладно, уговорила. Приглашу. Но ты должна придумать, как привести Мередит ко мне в субботу вечером. И — Бонни! — она ничего не должна знать. Я действительно хочу, чтобы это был сюрприз.

— Будет сюрприз, — мрачно сказала Бонни.

Кэролайн просияла и порывисто обняла ее. Бонни не ожидала ни того ни другого.

— Как я рада, что ты меня понимаешь, — сказала Кэролайн. — Будет так здорово снова собраться всем вместе.

«Она вообще ничего не поняла, — с удивлением подумала Бонни, когда Кэролайн вышла. — Ну как ей объяснить? Может, врезать как следует?»

И сразу же мелькнула вторая мысль: «Господи боже, теперь мне придется предупредить Мередит».

Впрочем, к вечеру Бонни передумала. Может быть, предупреждать Мередит и необязательно. Кэролайн хочет сделать ей сюрприз — ну и отлично. Сюрприз так сюрприз. По крайней мере, Мередит не станет переживать раньше времени. «Ладно, — решила Бонни, — милосерднее ничего ей не говорить».

Кто знает, — записала она в дневнике в пятницу вечером, — может быть, я несправедлива к Кэролайн. Может быть, ей стало стыдно за то, что она пыталась унижить Елену перед всем городом и обвиняла Стефана в убийстве. Может быть, за это время она повзрослела и научилась думать не только о себе, но и о других? Может быть, у нас получится удачная вечеринка.

«И, может быть, до завтрашнего вечера меня успеют выкрасть инопланетяне», — подумала она, закрывая дневник. Оставалось надеяться только на это.

Бонни делала записи в дешевом блокноте для аптечных рецептов с маленькими цветочками на обложке. Она завела дневник только после смерти Елены, но уже успела приобрести от него прямо-таки наркотическую зависимость. Только дневнику она могла сказать все, что хотела, не опасаясь получить в ответ ошарашенный взгляд и строгое: «Бонни Маккалог!» или «Ой, Бонни!»

Все еще думая о Елене, она выключила свет и юркнула под одеяло.

* * *

Она сидела на заросшем высокой травой ухоженном лугу, который тянулся во все стороны, сколько хватало взгляда. Небо было безукоризненно голубым, воздух — теплым и ароматным. Пели птицы.

— Как я рада, что ты зашла, — сказала Елена.

— Ох, да, — отозвалась Бонни. — Я, естественно, тоже. Конечно.

Она снова огляделась по сторонам, потом поспешно перевела взгляд на Елену.

— Еще чаю?

В руках у Бонни была чайная чашка, тонкая и хрупкая, как яичная скорлупа.

— Да-да, конечно. Спасибо.

На Елене было плотно облегающее платье в стиле XVIII века из тонкого белого муслина, которое подчеркивало изящество ее фигуры. Аккуратно, не пролив ни капли, Елена налила чай.

— Хочешь мышку?

— Что?

— Я спрашиваю, хочешь сэндвич к чаю?

— Ой. Сэндвич? Ага. Спасибо. — Это был изящный квадратик белого хлеба без корки, на котором лежал тонко нарезанный огурец с майонезом.

Все вокруг сияло и искрилось, как на картинах Сера.¹ «А ведь мы в Теплых Ручьях, на

¹ Жорж Сера — французский художник-постимпрессионист.

нашем старом месте для пикников, — сообразила Бонни. — Но вообще-то говоря, у нас есть темы поважнее чая».

— Кто сейчас делает тебе прическу? — спросила она. Елена ни за что не сумела бы сама так причесаться.

— Нравится? — Елена провела рукой по пышным, шелковистым светло-золотым волосам.

— Великолепно, — провозгласила Бонни таким голосом, каким говорила ее мать на торжественном банкете «Дочерей американской революции».²

— Да, волосы — это очень важно, сама понимаешь, — сказала Елена. Глаза у нее были лазурного оттенка, темнее, чем небо. Бонни смущенно дотронулась до своих жестких рыжих локонов. — Само собой, кровь тоже очень важна, — продолжала Елена.

— Кровь? Да-да, конечно, — нервно ответила Бонни. Она совершенно не понимала, о чем говорит Елена, и чувствовала себя так, словно шла по канату над озером, кишачим крокодилами. — Да, конечно, и кровь важна, — слабо поддакнула она.

— Еще сандвич?

— Спасибо.

Второй сандвич был с сыром и помидорами. Елена тоже взяла себе один и аккуратно откусила кусочек. Бонни смотрела на нее, и ей с каждой минутой становилось все неуютнее, а потом...

Потом она увидела, как с краев сандвича капает склизкая грязь.

— Что... *что это?* — спросила она дрожащим голосом. Только сейчас сон действительно стал похож на сон, и Бонни поняла, что не может пошевелиться — может только смотреть и тяжело дышать. Увесистая капля какой-то бурой гадости упала с сандвича Елены на клетчатую сКатрть. Да, это была грязь.

— Елена... Елена, что...

— Ах да, мы здесь все это едим. — Елена улыбнулась, обнажив почерневшие от грязи зубы. Ее голос изменился, стал словно бы мужским — неприятным и неестественным. — И ты тоже будешь.

Воздух уже не казался теплым и ароматным. Теперь он был знойным и тошнотворно-сладко пах гниющим мусором. Среди зеленой травы чернели ямы, и сама трава была не ухоженной, как раньше, а дикой, беспорядочно разросшейся. Это были не Теплые Ручьи. Бонни сидела на старом кладбище; как же она раньше этого не поняла? Вот только могилы были свежими.

— Еще мышку? — спросила Елена и мерзко захихикала.

Бонни опустила глаза на недоеденный сандвич, который держала в руках, и заорала: с его края свисал голый бурый хвост. Бонни отшвырнула сандвич, и тот с хлюпающим звуком ударился о могильный камень. Бонни вскочила. Ее подташнивало. Она стала судорожно вытирать руки о джинсы.

— Нет, уходить еще рано. Компания только собирается.

Лицо Елены менялось, волосы почти исчезли, а кожа серела и грубела. На блюде с сандвичами и в свежевырытых ямах что-то копошилось, но Бонни не могла заставить себя присмотреться. Она понимала, что сойдет с ума, если разглядит, что там шевелится.

— Ты не Елена! — выкрикнула она и побежала прочь.

Порыв ветра бросил ей волосы в глаза, и она ослепла. Преследователь был сзади; она чувствовала его прямо у себя за спиной. «Только бы добежать до моста», — подумала она и на что-то наткнулась.

— Я ждал тебя, — сказала существо, похожее на скелет, с длинными кривыми зубами, одетое в платье Елены. — Послушай меня, Бонни. — Чудовище сжало ее с нечеловеческой

² *Дочери американской революции* (с 1890 года) — американская организация, членами которой могут стать только женщины — потомки участников Войны за независимость.

силой.

— Ты не Елена! Ты не Елена!

— Послушай меня, Бонни!

Это снова был голос Елены, ее настоящий голос; он не был низким и уродливым, как тот, что говорил с Бонни до этого. Не искаженный омерзительными интонациями, голос звучал настойчиво, доносясь откуда-то сзади. Он ворвался в ее сон, как струя свежего холодного ветра.

— Бонни, слушай внимательно...

Все вокруг таяло — костлявые руки, схватившие Бонни, полуразрушенное кладбище, прогорклый жаркий воздух. На мгновение голос Елены был слышен отчетливо, но потом стал обрываться, как при плохой междугородной связи.

— ...Он искажает все вокруг, меняет. А я слабее, чем он... — Несколько слов Бонни не расслышала. — ...Но это очень важно. Тебе нужно найти... немедленно. — Голос стал пропадать.

— Елена, я тебя не слышу! Елена!

— ...простая магия, всего два ингредиента. Те, что я назвала...

— Елена!

Бонни сидела на кровати, прямая как струна. Она продолжала кричать и никак не могла остановиться.

2

— Вот и все, что я помню, — закончила Бонни. Они с Мередит шли по Подсолнечной улице между двумя рядами высоких викторианских домов.

— Но это точно была Елена?

— Да. И в самом конце она пыталась мне что-то сказать. Но я не все расслышала; поняла только, что это важно, безумно важно. Что думаешь?

— Про сэндвичи с мышами и свежие могилы? — Изящная бровь Мередит выгнулась дугой. — Думаю, что это Стивен Кинг пополам с Льюисом Кэрроллом.

«Может, она и права», — подумала Бонни. Но сон все равно не давал ей покоя; он мучил ее весь день, заставив померкнуть прежние тревоги. Теперь же, когда они с Мередит подходили к дому Кэролайн, эти тревоги вернулись с удвоенной силой.

«Надо было все ей рассказать», — думала она, искоса бросая беспокойные взгляды на Мередит. Нельзя, чтобы она пришла туда вот так, ни о чем не подозревая...

Мередит со вздохом подняла глаза на освещенное окошко в доме времен королевы Анны.

— Тебе действительно именно сегодня позарез нужны эти серьги?

— Да, очень нужны, честно-честно. — Теперь было уже слишком поздно. Оставалось делать хорошую мину при плохой игре. — Когда ты их увидишь, они тебе понравятся, — добавила она, чувствуя, что в ее голосе сквозят умоляющие нотки.

Мередит остановилась и с любопытством окинула лицо Бонни быстрым взглядом своих острых темных глаз. Потом она постучалась в дверь.

— Надеюсь только, что Кэролайн не собирается сидеть дома весь вечер. Тогда мы у нее застрянем надолго.

— Кэролайн? В субботу вечером? Не смей меня. — Бонни слишком долго задерживала дыхание, и теперь у нее начала кружиться голова. Вместо звонкого смеха получилось что-то нервное и фальшивое. — Как тебе такое могло прийти в голову? — продолжала она чуть ли не истерично, а Мередит одновременно с ней произнесла:

— Наверное, дома вообще никого нет, — и нажала кнопку звонка.

И тут за каким-то чертом Бонни пропищала:

— Дзынь-дзынь.

Мередит, которая уже взялась было за дверную ручку, вдруг замерла.

— Бонни, — сказала она тихо, — тебе не хватает кислорода?
— Нет. — В отчаянии Бонни схватила Мередит за руку и с мольбой посмотрела ей в глаза. Дверь стала открываться.
— Ради бога, Мередит, ты только не убивай меня.
— Сюрприз! — закричали три голоса.
— Улыбнись, — прошипела Бонни и толкнула остолебеневшую подругу в залитый светом шумный холл, прямо под душ из конфетти. Расплывшись в широкой кретинической улыбке, она пробормотала сквозь сжатые зубы: — Убьешь меня потом; я это заслужила. А сейчас просто улыбнись.

* * *

Было много дорогих воздушных шаров с напылением из фольги. Было много тщательно составленных цветочных композиций, и Бонни заметила, что орхидеи в букетах идеально сочетаются по цвету со светло-зеленым шейным платком Кэролайн. Это был шелковый платок от Гермес, с листочками и виноградными лозами. «Спорю на что угодно, к концу вечера она воткнет одну из этих орхидей себе в волосы», — подумала Бонни.

Взгляд голубых глаз Сью Карсон был немного тревожным, а растянувшиеся в улыбке губы подрагивали.

— Надеюсь, у тебя не было серьезных планов на вечер, Мередит, — сказала она.

— Ну, по крайней мере, ничего такого, что нельзя было бы отменить, — сказала Мередит. Она криво усмехнулась в ответ, но эта улыбка была теплой, и Бонни с облегчением перевела дыхание.

Сью, вместе с Бонни, Мередит и Кэролайн, была в свите Елены одной из приближенных фрейлин. Только она одна, не считая Бонни и Мередит, осталась на ее стороне, когда все остальные от нее отвернулись. На похоронах Елены она сказала, что настоящей королевой школы Роберта Ли была именно Елена и что в память о Елене она снимает свою кандидатуру с номинации «Снежная Королева года». Не любить Сью было невозможно. «Уфф! Пронесло», — мелькнуло в голове у Бонни.

— Я хочу, чтобы мы все вместе сфотографировались на диване, — сказала Кэролайн, усаживая их за букетами. — Викки, щелкни нас.

Никем не замеченная Викки Беннетт тихо стояла в сторонке.

— Да-да, сейчас, — сказала она, нервно откинула от глаз прядь светло-каштановых волос и взяла фотоаппарат.

«Как служанка», — подумала Бонни, а затем ее ослепила вспышка.

Пока на поляроидном снимке проступало изображение, а Сью и Кэролайн иронизировали по поводу чопорной светскости Мередит, Бонни кое-что еще заметила. Фотография получилась хорошей. Кэролайн выглядела, как всегда, потрясающе — ее каштановые волосы блестели, и прямо перед ней стояли светло-зеленые орхидеи. Мередит, не прилагая для этого никаких усилий, вышла задумчивой, ироничной и несколько зловещей красавицей. Сама Бонни, на голову ниже всех остальных, сидела с растрепанными рыжими волосами и глуповатым лицом. А в фигуре позади нее на диване было что-то странное. Это была Сью, именно Сью, и никто иной, но на секунду Бонни показалось, что светлые волосы и голубые глаза принадлежат кому-то другому. И этот кто-то пристально смотрел на нее, словно хотел сказать нечто важное. Бонни уставилась на снимок, нахмурившись и часто моргая. Изображение поплыло у нее перед глазами, а по спине пробежал нехороший холодок.

Нет, это Сью. Наверное, на секунду Бонни сошла с ума. Или это на нее так подействовала идея Кэролайн «снова собраться всем вместе».

— Теперь сниму я, — сказала она, вскакивая с дивана. — Садись, Викки, и подвинься. Нет, ближе, ближе — вот так!

Все движения Викки были стремительными, легкими и порывистыми. Когда погасла

вспышка, она выглядела как испуганный зверек, готовый в любой момент сорваться и убежать.

Кэролайн взглянула на фотографию лишь мельком. Она встала и пошла на кухню.

— Угадайте, что у нас будет на сладкое, — сказала она. — Я делаю собственный вариант «шоколадной смерти». Пойдемте, поможете мне взбить крем.

Вначале за ней пошла Сью, затем, после секундного замешательства, — Викки.

Дежурная улыбка сползла с лица Мередит, и она повернулась к Бонни:

— Ты должна была меня предупредить.

— Знаю. — Бонни виновато потупилась, но тут же снова подняла голову и улыбнулась. — Тогда ты бы не пришла, и мы не получили бы «шоколадную смерть».

— То есть все затевалось ради этого?

— Ну, и ради этого тоже, — рассудительно сказала Бонни. — Слушай, давай серьезно. Может, все получится не так уж плохо. Кэролайн искренне старается быть милой, а Викки полезно хотя бы иногда выбираться из дома...

— Как-то не похоже, чтобы ей это было полезно, — ответила Мередит откровенно. — У нее такой вид, будто ее вот-вот хватит сердечный приступ.

— Думаю, она просто нервничает.

Бонни считала, что у Викки были все основания нервничать. Почти всю прошлую осень Викки пробыла в трансе — ее медленно сводила с ума какая-то сила, природы которой она не понимала. Для всех было неожиданностью, что она оправилась так быстро.

Мередит продолжала хмуриться.

— И вообще, — сказала Бонни, утешая, — на самом деле твой день рождения не сегодня.

Мередит взяла фотоаппарат и стала вертеть его в руках. Не отрывая от него глаз, она проговорила:

— На самом деле — именно сегодня.

— Что? — Бонни уставилась на нее. — Что ты сказала?

— Я сказала, что день рождения у меня сегодня. Наверное, Кэролайн узнала об этом от своей матери; наши мамы когда-то дружили.

— Мередит, что ты такое говоришь? Твой день рождения был на прошлой неделе, тридцатого мая.

— Нет. Мой день рождения сегодня, шестого июня. Честное слово, могу показать водительские права. Родители стали праздновать его на неделю раньше, потому что шестое июня для нас нехороший день. В этот день на дедушку напали, и он сошел с ума. — У Бонни перехватило дыхание, она не могла выговорить ни слова, а Мередит хладнокровно продолжала: — Он пытался убить мою бабушку. И меня тоже. — Мередит аккуратно положила фотоаппарат в центр кофейного столика. — А теперь пора на кухню, — мягко сказала она. — Я чувствую запах шоколада.

Бонни по-прежнему сидела словно парализованная, но ее сознание бешено работало. Она смутно припомнила, что Мередит и раньше, не вдаваясь в подробности, упоминала о чем-то подобном, но не говорила, когда это произошло.

— Напали? Ты хочешь сказать, как на Викки? — пролепетала Бонни. Она не сумела выговорить слово «вампир», но не сомневалась, что Мередит ее поймет.

— Да, как на Викки, — ответила Мередит. — Пошли, — добавила она еще тише, — нас ждут. Я не хотела тебя расстроить.

* * *

«Раз Мередит не хотела меня расстроить, то и не буду расстраиваться, — думала Бонни, выливая горячий крем на шоколадный торт и шоколадное мороженое. — А то, что мы с ней дружим с первого класса, но она никогда об этом не рассказывала, просто пустяки».

И вдруг по ее коже побежали мурашки, и из каких-то темных уголков сознания

выплыли слова: *все не то, чем кажется*. Об этом предупреждал в прошлом году голос Онории Фелл, когда говорил через нее, и это пророчество обернулось жуткой правдой. А что, если ничего не закончилось?

Бонни решительно покачала головой. Сейчас не время об этом думать, надо позаботиться о вечеринке. «Я сделаю все, что смогу, чтобы вечеринка удалась и никто ни с кем не поссорился», — сказала она себе.

Как ни странно, для этого даже не пришлось особенно стараться. Поначалу Мередит и Викки все больше помалкивали, но Бонни приложила нечеловеческие усилия, чтобы разговорить Викки, а Мередит не смогла устоять перед грудой подарков в светлой оберточной бумаге на кофейном столике. К тому времени, когда она разворачивала последний, все уже болтали и веселились. Атмосфера дружбы и взаимной доброжелательности не исчезла и когда все пошли в комнату Кэролайн смотреть ее одежду, диски и фотоальбомы. Ближе к полуночи все улеглись в спальные мешки и продолжали разговаривать.

— Как поживает Аларих? — спросила Сью у Мередит.

Аларих Зальцман был кем-то вроде бойфренда Мередит. Он учился в аспирантуре в университете Дьюка и специализировался на парапсихологии. В прошлом году, когда на город напали вампиры, его вызвали в Феллс-Черч. Сначала он оказался по другую сторону баррикад, но в конце концов стал союзником и другом.

— Он в России, — сказала Мередит. — Перестройка, все такое. Поехал изучать их методы работы с экстрасенсами во времена холодной войны.

— Что ты скажешь ему, когда он вернется? — спросила Кэролайн.

Этот вопрос хотела бы задать и сама Бонни. Аларих был старше Меридит на четыре года, и она говорила, что ей надо вначале окончить школу; тогда они поговорят о своем будущем. И вот Мередит уже восемнадцать (исполнилось сегодня, напомнила себе Бонни), а до выпускного осталось две недели. Что теперь?

— Еще не решила, — сказала Мередит. — Аларих хочет, чтобы я поехала учиться в Дьюк, и меня туда берут, но я еще не уверена. Надо подумать.

Бонни была этому рада. Ей хотелось, чтобы Мередит училась вместе с ней в колледже Буна. Это лучше, чем все бросить и выйти замуж, или даже устроить помолвку. Глупо в таком возрасте выбирать себе парня раз и навсегда. Сама Бонни была знаменита своим непостоянством; она меняла парней, как перчатки. Бонни легко влюблялась, но так же легко охладевала.

— А я пока не встречала парня, который бы стоил того, чтобы хранить ему верность, — заявила она.

Все посмотрели на нее. Сью, которая лежала, опершись подбородком о кулаки, спросила:

— А Стефан?

Бонни могла бы предвидеть такой поворот. Сейчас, когда комнату освещал только тусклый ночник, а единственным звуком был шелест плакучей ивы у дома, разговор неизбежно должен был свернуть на Стефана. И Елену.

Стефан Сальваторе и Елена Гилберт уже превратились в городскую легенду, местных Ромео и Джульетту. Когда Стефан появился в Феллс-Черч, о нем стали мечтать все девушки. И Елена, самая красивая, самая популярная и самая неприступная девушка в школе, — тоже. И только заполучив его, она поняла, в какой опасности оказалась. Стефан не был тем, кем казался, у него была тайна, намного более страшная, чем можно было себе представить. А его брат Дамон оказался еще более загадочным и более опасным, чем Стефан. Елена оказалась между двумя братьями; она любила Стефана, но ее неудержимо влекли темные глубины Дамона. Наконец ей пришлось пожертвовать жизнью, чтобы спасти обоих братьев и тем самым отплатить за их любовь.

— Ну разве что Стефан. Но для этого надо быть Еленой, — сдалась Бонни. Атмосфера изменилась, став тихой и немножко грустной, как и положено для полуночных откровений.

— До сих пор не могу поверить, что ее больше нет, — негромко сказала Сью, закрыв глаза и покачав головой. — Она была такой живой, намного живее всех на свете.

— Ее пламя только ярче запылало, — сказала Мередит, разглядывая на потолке круги от красно-золотой лампы. Ее голос был мягким, но полным внутренней силы, и вдруг Бонни подумала, что это — самые правильные слова, которые ей приходилось слышать о Елене.

— Бывали периоды, когда я ее ненавидела, но не замечать ее я не могла никогда, — призналась Кэролайн. Она прищурила зеленые глаза, погружаясь в воспоминания. — Она была не из тех, кого можно игнорировать.

— Ее смерть открыла для меня одну истину, — сказала Сью. — Это может случиться с любой из нас. Нельзя терять ни минуты, потому что никогда не знаешь, сколько тебе осталось.

— Может быть, шестьдесят лет, а может — шестьдесят минут, — глухо добавила Викки. — Каждая из нас может умереть... да хоть сегодня вечером.

Бонни беспокойно поежилась. Но не успела она вставить слово, как Сью продолжила:

— До сих пор не укладывается в голове, что ее действительно нет. Иногда у меня бывает ощущение, что она где-то рядом.

— И у меня, — горячо отозвалась Бонни. Перед ее мысленным взором снова появились Теплые Ручьи, и на мгновение эта картинка показалась ей более живой, чем погруженная в полумрак комната Кэролайн. — Прошлой ночью я видела ее во сне, и мне показалось, что это не сон, а настоящая Елена, и она пытается мне что-то сказать. У меня до сих пор такое чувство, — добавила она, повернувшись к Мередит.

Все молча уставились на нее. Когда-то давно над Бонни посмеивались, если она говорила о чем-то сверхъестественном, но те времена прошли. Ее экстрасенсорные способности были непререкаемы и вызывали смешанное со страхом уважение.

— Правда? — выдохнула Викки.

— А что, по-твоему, она пыталась сказать? — спросила Сью.

— Не знаю. Под конец она изо всех сил старалась не потерять со мной контакт, но у нее не вышло...

Снова повисла пауза. Ее нарушила Сью, которая неуверенно сказала чуть подрагивающим голосом:

— А как по-твоему... Смогла бы ты *сама* вступить с ней в контакт?

Она высказала вслух то, о чем думали все. Бонни посмотрела на Мередит. В прошлый раз она отмахнулась от рассказа Бонни, но сейчас ее ответный взгляд был серьезным.

— Не знаю, — медленно проговорила Бонни. Ее не оставляли сцены из ночного кошмара. — Входить в транс и открывать себя для чего угодно... неизвестно ведь, с чем я могу там столкнуться. Короче, этого мне точно не хочется.

— А разве нет других способов общения с умершими? Что, если устроить спиритический сеанс? — спросила Сью.

— У родителей есть спиритическая доска, — объявила Кэролайн чуть громче, чем следовало.

Спокойная и уютная атмосфера была разрушена, в воздухе повисло необъяснимое напряжение. Девушки невольно выпрямились и обменялись испытующими взглядами. Даже боязливая Викки явно была заинтригована.

— У нас получится? — спросила Мередит у Бонни.

— И стоит ли это делать? — усомнилась Сью.

— На самом деле единственный вопрос — в другом. Хватит ли у нас смелости? — сказала Мередит.

И снова Бонни увидела, что к ней обращены все взгляды. Поборов последние сомнения, она пожала плечами. В животе у нее усиливалось щекочущее чувство.

— А почему бы и нет? — сказала она. — Мы ведь ничего не теряем.

Кэролайн повернулась к Викки:

— Викки, внизу, как спустишься по лестнице, стоит шкаф. Спиритическая доска лежит

на верхней полке, среди других настольных игр.

Она даже не сказала: «Ты бы не могла ее принести?» Бонни нахмурилась и открыла было рот, но Викки уже исчезла за дверью.

— Ты не могла бы вести себя чуточку повежливее? — сказала Бонни. — Ты что, репетируешь роль злой мачехи в спектакле про Золушку?

— Да ладно тебе, Бонни, — отмахнулась Кэролайн. — Ей повезло, что ее вообще сюда позвали. И она сама это отлично понимает.

— Да, я думаю, она уже на седьмом небе от нашей доброты, — сухо сказала Мередит.

— И кроме того... — начала Бонни, но тут ее прервали. Раздался высокий и тонкий звук, ставший под конец чуть тише, но ошибиться было невозможно. Это был крик. Потом — пауза, а потом — опять пронзительные крики, один за другим.

* * *

На секунду девушки в спальне остолбенели. Потом они помчались вниз по лестнице.

— Викки! — Длинноногая Мередит первой оказалась внизу.

Викки стояла у шкафа, вытянув руки вперед, словно защищаясь от чего-то. Продолжая визжать, она вцепилась в Мередит.

— Что с тобой, Викки? — спросила Кэролайн. Спросила не испуганно, а скорее раздраженно. На полу были разбросаны коробки с играми, фишки от «Монополии» и карточки для викторины. — Что ты развопилась?

— Меня что-то схватило! Я потянулась к верхней полке, и тут меня что-то схватило за талию!

— Сзади?

— Нет! Из шкафа.

Озадаченная, Бонни посмотрела на открытый шкаф, в котором плотно висели зимние пальто. Некоторые из них были такими длинными, что доставали до самого низа. Мягко высвободившись из объятий Викки, Мередит взяла зонтик и потыкала им развешенную в шкафу одежду.

— Не надо... — сорвалось с языка у Бонни, но зонтик не наткнулся ни на что, кроме ткани. Мередит зонтиком раздвинула пальто, и стала видна задняя стенка из кедрового дерева.

— Видишь? Тут никого нет, — мягко сказала она. — А это видишь? Рукава. Если наклониться слишком близко и оказаться между ними, вполне может показаться, что к тебе кто-то прикоснулся.

Викки сделала шаг вперед, толкнула болтающийся рукав и перевела глаза на верхнюю полку, потом прижала к лицу ладони, и ее длинные шелковые волосы скрыли и лицо, и руки. В первый момент Бонни испугалась, что Викки плачет, но потом услышала смех.

— О господи! А я-то... ох, какая же я дура! Сейчас я все уберу, — бормотала Викки.

— Потом, — твердо сказала Мередит. — Идем в гостиную.

Перед тем как выйти, Бонни обернулась и еще раз посмотрела на платяной шкаф.

* * *

Все расселись за кофейным столиком, выключив для пущего эффекта несколько лампочек. Бонни положила пальцы на маленькую пластмассовую планшетку. Она никогда не участвовала в спиритических сеансах, но примерно представляла себе, как это делается. Планшетка двигается по буквам, а буквы складываются в слова — если дух настроен поболтать.

— Надо, чтобы мы все к ней прикасались, — сказала она и окинула всех взглядом, чтобы убедиться, что ее послушались. Пальцы Мередит были длинными и изящными, пальцы Сью — совсем тоненькими и с овальными ногтями. У Кэролайн ногти были

бронзовыми. У Викки — обгрызенными.

— Теперь нужно закрыть глаза и сосредоточиться, — негромко сказала Бонни. Девушки послушались; в наступившей тишине слышалось только их шумное дыхание. Всеми завладело предвкушение чего-то необычного.

— Думайте о Елене. Представляйте себе ее. Если она где-то рядом, мы должны привлечь ее сюда.

Большая комната погрузилась в молчание. Закрыв глаза, Бонни представила себе светло-золотые волосы и лазурные глаза.

— Давай, Елена, — прошептала она. — Поговори со мной.

Планшетка начала двигаться.

Никто из девушек не мог вызвать это движение: толчки, перемещающие планшетку, как бы исходили из разных точек. Но все-таки маленький пластмассовый треугольник двигался — плавно, уверенно. Бонни не открывала глаз, пока планшетка не остановилась. Потом она взглянула на нее. Планшетка указывала на слово «Да».

Викки тихо всхлипнула.

Бонни обвела взглядом всех. Кэролайн учащенно дышала, прищулив зеленые глаза. Сью, единственная из них, до сих пор сидела, плотно зажмурившись. Мередит была бледна.

Все ждали дальнейших инструкций.

— Продолжаем сосредотачиваться, — сказала Бонни. Она чувствовала себя странно и глупо, обращаясь к пустому пространству перед собой. Но другого выхода не было, ведь она была здесь главным авторитетом.

— Это ты, Елена? — спросила она.

Планшетка описала маленький круг и вернулась на слово «Да».

И тут внезапно сердце Бонни застучало так бешено, что она испугалась, не задрожат ли ее пальцы. Пластик под руками словно превратился во что-то другое, стал наэлектризованным, как будто сквозь него пробивалась непонятная энергия. Бонни уже не чувствовала себя по-идиотски. В ее глазах стояли слезы. Она заметила, что и у Мередит заблестели глаза. Мередит посмотрела на нее и кивнула.

— А откуда мы знаем, что это правда? — громко и недоверчиво спросила Кэролайн.

«Она ничего не почувствовала, — поняла Бонни. — Ничего из того, что чувствую я». Экстрасенсорных способностей у Кэролайн было не больше, чем у деревяшки.

Планшетка снова пришла в движение; теперь она бегала по буквам так быстро, что Мередит едва успевала складывать их в слова. Даже без знаков препинания все было предельно ясно.

КЭРОЛАЙН НЕ БУДЬ ДУРОЙ, — гласило сообщение. — СКАЖИ СПАСИБО ЧТО Я ВООБЩЕ С ТОБОЙ РАЗГОВАРИВАЮ.

— Теперь сомнений нет, это Елена, — сухо сказала Мередит.

— Похоже на нее, но...

— Ну помолчи уже, Кэролайн, — сказала Бонни. — Елена, я очень рада, что ты... — Она поперхнулась и попыталась начать снова.

БОННИ НЕТ ВРЕМЕНИ НА СОПЛИ ДАВАЙ БЛИЖЕ К ДЕЛУ

«И это тоже Елена», — хмыкнула про себя Бонни и продолжала:

— Прошлой ночью я видела сон.

ЧАЙ

— Да! — Сердце Бонни стучало так быстро, как никогда в жизни. — Я хотела с тобой поговорить, но все пошло кувырком, мы стали терять контакт и...

БОННИ НЕ ВХОДИ В ТРАНС НЕ ВХОДИ В ТРАНС НЕ ВХОДИ В ТРАНС

— Поняла, — это был ответ на ее вопрос, и у нее отлегло от сердца.

ПОМЕХИ ИСКАЖАЮТ МОИ СООБЩЕНИЯ ТУТ ТВОРЯТСЯ ПЛОХИЕ ОЧЕНЬ ОЧЕНЬ ПЛОХИЕ ВЕЩИ

— Какие именно? — Бонни ниже склонилась к доске. — Что происходит?

НЕТ ВРЕМЕНИ!

Планшетка как будто поставила восклицательный знак. Она бешено дергалась от буквы к букве, словно Елена едва сдерживала нетерпение.

ОН СЕЙЧАС ОТВЛЕКСЯ И Я МОГУ ГОВОРИТЬ НО ВРЕМЕНИ МАЛО КОГДА МЫ ДОГОВОРИМ НЕМЕДЛЕННО УХОДИТЕ ИЗ ДОМА ВЫ В ОПАСНОСТИ

— В опасности? — переспросила Викки, которая явно была готова немедленно сорваться с места и убежать.

СТОП СНАЧАЛА ДОСЛУШАЙТЕ ВЕСЬ ГОРОД В ОПАСНОСТИ

— Что мы должны делать? — быстро спросила Мерedit.

ВАМ НУЖНА ПОМОЩЬ ОН В ДРУГОЙ ВЕСОВОЙ КАТЕГОРИИ НЕВЕРОЯТНО СИЛЬНЫЙ СЛУШАЙТЕ И ДЕЛАЙТЕ ЧТО Я ГОВОРЮ ВАМ НАДО СОВЕРШИТЬ РИТУАЛ ВЫЗОВА ПЕРВЫЙ ИНГРЕДИЕНТ ЭТО В...

Ни с того ни с сего планшетка дернулась прочь от букв и бешено заметалась по доске. Она остановилась на стилизованном изображении луны, потом — солнца, потом показала на надпись «Паркер Бразерс, инкорпорейтед».

— Елена!

Планшетка снова вернулась к буквам.

ЕЩЕ МЫШКУ ЕЩЕ МЫШКУ ЕЩЕ МЫШКУ

— Что это? — закричала Сью, широко раскрыв глаза.

Бонни стало страшно. Планшетка пульсировала энергией, темной, уродливой энергией, похожей на черную кипящую смолу; эта энергия обжигала ей пальцы. Но Бонни чувствовала и трепещущую струю золотой энергии — это была Елена, и она пыталась бороться.

— Не отпускайте! — в отчаянии крикнула она. — Не отпускайте руки!

МЫШКАГРЯЗЬТЕБЕПРИШЕЛКОНЕЦ, — говорила планшетка. — КРОВЬКРОВЬКРОВЬ. А потом... БОННИ УХОДИ БЕГИ ОН ЗДЕСЬ БЕГИ БЕГИ БЕ...

Планшетка яростно дернулась, выскользнула из-под пальцев Бонни и перелетела через доску, словно ее отшвырнули. Викки завизжала. Мерedit вскочила на ноги.

И тут свет погас, и весь дом погрузился во мрак.

3

Викки визжала не переставая. Бонни почувствовала, что ее охватывает паника.

— Викки, прекрати! Хватит, пора выбираться отсюда! — Чтобы ее услышали, Мерedit пришлось повысить голос. — Это твой дом, Кэролайн. Сейчас мы все возьмемся за руки, и ты отведешь нас к выходу.

— Ладно, — сказала Кэролайн. Судя по голосу, она была напугана не так сильно, как остальные.

«Иногда отсутствие воображения — это плюс, — подумала Бонни. — Сознание не подсовывает тебе страшные картинки того, что вот-вот случится».

Ей стало спокойнее, когда ее пальцы крепко сжала узкая холодная ладонь Мерedit. Свободной рукой она пошарила в воздухе и нащупала пальцы Кэролайн с твердыми длинными ногтями.

Она ничего не видела. Казалось, глаза должны были бы привыкнуть к темноте, но, когда Кэролайн повела их, Бонни по-прежнему ничего не могла различить. С улицы тоже не пробивалось никакого света: видимо, электричество отключилось повсюду. Кэролайн споткнулась обо что-то из мебели и выругалась; Бонни наткнулась на нее.

Сзади доносилось поскуливание Викки.

— Держись, — шептала Сью. — Держись, Викки, мы выберемся.

Медленно, шаркая ногами, они шли через тьму. Наконец Бонни почувствовала под ногами плитку.

— Это передний холл, — сказала Кэролайн. — Пойдите минутку; сейчас я найду дверь.

И ее пальцы выскользнули из руки Бонни.

— Кэролайн! Не отпускай руку... Где ты? Кэролайн, дай мне руку! — закричала Бонни, истерично, как слепая, хватая воздух.

Что-то большое и влажное из темноты схватило ее за пальцы. Это была рука. И принадлежала она не Кэролайн.

Бонни завизжала.

Викки тут же подхватила визг. Горячая влажная рука потянула Бонни вперед. Бонни вырывалась, упиралась, но безуспешно. Потом она почувствовала, что Мередит тащит ее к себе, схватив обеими руками за талию, и Бонни наконец выдернула руку.

Она развернулась и побежала, не понимая куда и смутно ощущая, что Мередит бежит где-то рядом. Она визжала, но не слышала своего визга. Только наткнувшись на огромное кресло и остановившись, она услышала собственный голос.

— Прекрати! Бонни, хватит, стой! — Мередит трясла ее. Они сползли на пол у спинки кресла.

— Что-то меня поймало! Что-то схватило меня, Мередит!

— Знаю. Тихо. Он все еще где-то здесь, — сказала Мередит. Чтобы снова не заорать, Бонни уткнулась лицом в плечо Мередит. Что, если он здесь, в этой комнате?

В повисшей тишине мучительно тянулись секунды. Как Бонни ни вслушивалась, она так и не сумела расслышать ни единого звука, кроме собственного дыхания и глухого стука своего сердца.

— Слушай меня! Надо найти заднюю дверь. По идее, мы сейчас в гостиной. Это значит, что кухня прямо за нами. Мы должны выйти туда, — сказала Мередит приглушенным голосом.

Бонни покорно кивнула, но потом резко вскинула голову.

— Где Викки? — хрипло прошептала она.

— Не знаю. Я стала тебя оттаскивать и выпустила ее руку. Пошли.

Бонни схватилась за нее:

— А почему она не кричит?

По телу Мередит пробежала волна дрожи.

— Я не знаю.

— Господи. Господи боже мой. Мы не можем бросить ее здесь, Мередит.

— *Придется.*

— Нельзя. Мередит, это я предложила Кэролайн пригласить ее. Она здесь из-за меня. И мы должны ее отсюда вытащить.

Повисла пауза. Потом Мередит прошептала:

— Ладно, уговорила. Но вообще-то, Бонни, ты выбрала совершенно неудачный момент, чтобы благородничать.

Хлопнула дверь, и обе девушки подскочили. Потом послышался частый и громкий стук. «Кто-то бежит по лестнице», — подумала Бонни. А потом, почти сразу, раздался громкий голос:

— Викки, где ты? Нет... Викки, нет! Не надо!

— Это Сюю, — выдохнула Бонни, вскакивая на ноги. — Она наверху.

— Ну почему у нас нет фонаря! — Мередит была в ярости.

Бонни понимала, что она имеет в виду. Слишком темно, чтобы вслепую бегать по дому. Слишком страшно. Ее разум был охвачен примитивным животным страхом. Ей нужен был свет, хоть какой-нибудь.

Она не могла снова идти на ощупь сквозь тьму, где притаились чьи-то руки, которые в любой момент могут ее схватить. Не могла себя заставить.

Но все-таки сделала один неуверенный шаг.

— Пошли, — выдохнула она, и Мередит пошла за ней в темноту.

Бонни напряженно ждала, что мокрая влажная рука высунется из тьмы и снова схватит ее. Каждая клеточка ее тела дрожала в ожидании этого прикосновения. Особенно дрожала рука, которую она вытянула перед собой, чтобы нащупывать дорогу.

А потом она сделала то, чего делать не стоило. Она вспомнила свой сон.

Тошнотворно-сладкий запах мусора моментально заполнил ее сознание. Она представила себе тварей, выползающих из ямы, вспомнила серое лицо Елены, безволосую голову; вспомнила гниющие губы, обнажающие жуткий оскал. Если ее схватило за руку *это...*

«Я больше не могу идти. Не могу, не могу, не могу, — думала она. — Мне ужасно жалко Викки, но идти я не могу. Пожалуйста, можно я просто постою здесь?»

Она шла, цепляясь за Мередит и едва не плача. И тут сверху донесся звук, страшнее которого она не слышала никогда в жизни.

Точнее, это была череда разных звуков, но они так быстро сменяли друг друга, что слились в единое целое. Сначала раздался вопль — это Сью кричала: «Викки! Викки! Нет!» Потом — оглушительный грохот, звон разбитого стекла, такой громкий, словно сразу разбилось сто окон. И одновременно, перекрывая его, — зависший в воздухе крик, крик абсолютного, первобытного ужаса.

А потом все прекратилось.

— Что это было? Мередит, что это?

— Плохи дела, — с трудом выговорила Мередит прерывающимся голосом. — Очень плохи. Бонни,пусти меня. Я схожу посмотреть.

— Нет-нет, не ходи одна, — отчаянно запротестовала Бонни.

Они отыскиали лестницу и с трудом поднялись наверх. Добравшись до второго этажа, Бонни услышала еще один звук, странный и тошнотворный. Звук падающих стеклянных осколков.

И тут зажегся свет.

Это произошло слишком неожиданно, и Бонни невольно вскрикнула. Она обернулась к Мередит и едва не закричала снова. Длинные волосы Мередит были всклокочены, скулы заострились, лицо побледнело и осунулось от страха.

Дзынь. Дзынь.

При свете было еще страшнее. Мередит шла по коридору к самой последней двери, из-за которой доносился звон. Бонни пошла было за ней, но вдруг поняла: она ни за что не хочет заглядывать за эту дверь.

Мередит потянула дверь на себя, и та открылась. На секунду она застыла в дверном проеме, а потом исчезла внутри. Бонни кинулась к двери.

— *Господи, не ходи сюда!*

Бонни не медлила ни секунды. Она нырнула в дверь и остановилась как вкопанная. В первую секунду ей показалось, что все крыло дома исчезло. Французское окно, отделявшее спальню от балкона, выглядело как после взрыва: древесина разлетелась в щепки, стекло разбилось. Маленькие кусочки стекла то тут, то там свисали с остатков деревянных рам и со звоном падали вниз.

Прозрачная белая занавеска, прикрывающая зияющую дыру, надувалась то внутрь, то наружу. Перед занавеской Бонни увидела силуэт Викки. Свесив по бокам руки, она стояла неподвижно, как каменное изваяние.

— Викки, ты цела, — Бонни испытала острое чувство облегчения, увидев ее живой. — Викки!

Викки не повернулась и ничего не ответила. Бонни опасно обошла ее и заглянула ей в лицо. Викки смотрела прямо перед собой, ее зрачки превратились в крохотные точки. Она с трудом дышала, издавая свистящие короткие вздохи, грудь ее вздымалась.

— Я следующая. Он сказал, что я следующая, — повторяла она шепотом, явно обращаясь не к Бонни. Похоже, она вообще ее не замечала.

Вздрогнув, Бонни попятилась. Мередит была на балконе. Когда Бонни оказалась у занавески, Мередит обернулась и попыталась преградить ей путь.

— Не смотри. Не смотри вниз, — сказала она.

Куда именно? Вдруг Бонни поняла. Она шагнула вперед, отстранив Мередит, а та

схватила ее за руку, чтобы удержать на самом краю головокружительного провала. Балконные перила разлетелись, как и французское окно, и Бонни был хорошо виден освещенный двор. На земле распростерлась человеческая фигура, похожая на сломанную куклу. Руки и ноги у нее были искривлены, шея выгнута под неестественным углом, а светлые волосы разметались по темной земле сада. Это была Сью Карсон.

В сознании Бонни воцарился хаос, но в этом хаосе отчетливо звучали, соперничая друг с другом, две мысли. Первая: Кэролайн уже больше никогда не соберет свою четверку. И вторая: то, что все это произошло в день рождения Мередит, нечестно. Просто нечестно.

* * *

— Извините, Мередит. Думаю, сейчас она к этому еще не готова.

Когда Бонни услышала голос отца у парадной двери, она апатично размешивала сахар в ромашковом чае. Она решительно отодвинула чашку. Торчать на этой кухне — вот к чему она на самом деле не была готова. Ей хотелось на свежий воздух.

— Я ненадолго, папа.

Мередит выглядела плохо, почти так же плохо, как прошлой ночью: заострившиеся черты лица, круги под глазами, напряженно сжатые губы.

— Мы просто съездим куда-нибудь, — сказала Бонни отцу. — Может быть, встретимся с кем-нибудь из ребят. Ты же сам говорил, что это было бы полезно, помнишь?

Что на это можно было возразить? Мистер Маккалог взглянул на свою миниатюрную дочь сверху вниз. Упрямый подбородок, унаследованный от него, был выставлен вперед, глаза смотрели в упор. Он сдался.

— Сейчас уже почти четыре. Возвращайся до темноты, — сказал он.

— Сами не знают, чего хотят, — проворчала Бонни, когда они с Мередит шли к ее машине. Оказавшись внутри, девушки сразу же заблокировали дверцы.

Заводя машину, Мередит бросила на Бонни мрачный понимающий взгляд.

— Твои тоже не поверили?

— Да нет, верили каждому слову. Пока я не добралась до сути. Я не понимаю, они что, идиоты?

Мередит усмехнулась.

— Поставь себя на их место. Есть труп без каких-либо следов насильственной смерти — только травмы от падения с высоты. Выясняется, что свет во всем районе погас из-за неполадок на «Вирджинии Электрик». Потом находят нас, мы бьемся в истерике и на все расспросы выдаем какую-то несуслазницу. Кто все это сделал? Какое-то чудовище с потными руками. С чего мы взяли? Нам рассказала наша покойная подруга Елена во время спиритического сеанса. Вполне естественно, что у них появляются некоторые... сомнения.

— Это было бы естественно, если бы они не сталкивались с подобным раньше, — возразила Бонни, стукнув кулаком по дверце машины. — Но они же *сталкивались*. Неужели они думают, что мы придумали собак, напавших на нас в прошлом году во время Снежного бала? Неужели они думают, что Елену убил кто-то, кого мы выдумали?

— Они уже начали забывать, — мягко сказала Мередит. — Ты сама это предсказывала. Жизнь вернулась в нормальную колею, и весь город вздохнул с облегчением. У них ощущение, что они проснулись после кошмарного сна, и меньше всего на свете им хочется повторения этого кошмара.

Бонни покачала головой.

— Ну конечно. Намного удобнее решить, что это компания глупых девиц устроила спиритический сеанс, а когда зажегся свет, все перепугались и разбежались. И одна из них напугалась так сильно, что махнула через окно.

Воцарилось молчание, а потом Мередит сказала:

— Как бы я хотела, чтобы Аларих был здесь.

В нормальной ситуации Бонни ткнула бы ее пальцем в бок и сладко промурлыкала:

«Ага, и я тоже». Несмотря на свой преклонный возраст — целых двадцать два года! — Аларих был одним из самых симпатичных мужчин, которых ей доводилось встречать. Но сейчас она с мрачным видом сжала руку Мередит.

— А ты можешь ему позвонить?

— В Россию? Я не знаю даже, в каком он городе.

Бонни закусил губу.

Вдруг она выпрямилась: Мередит выехала на Листрит, и они увидели, что на парковке собралась целая толпа молодежи.

Бонни и Мередит переглянулись, и Мередит кивнула.

— Почему бы и нет? — сказала она. — Может, они окажутся разумнее своих родителей.

Машина медленно въезжала на парковку, и Бонни наблюдала, как в их сторону поворачиваются недоумевающие лица. Когда они вышли, люди расступились, освобождая им путь.

Там была и Кэролайн. Она стояла, обхватив сложенными руками локти, и то и дело нервно потряхивала головой, отбрасывая назад каштановые волосы.

— Пока дом не отремонтируют, мы не будем там ночевать, — говорила она, зябко поеживаясь в своем белом свитере. — Папа говорит, на время ремонта мы снимем квартиру в Героне.

— А смысл? — спросила Мередит. — Он доберется до тебя и в Героне.

Кэролайн повернулась. Ее зеленые кошачьи глаза ускользали от прямого взгляда.

— Кто? — пролепетала она.

— Кэролайн, ну хоть ты-то не делай вида! — взорвалась Бонни.

— Я просто хочу куда-нибудь отсюда уехать, — сказала Кэролайн. Она подняла глаза, и тут Бонни поняла: она до смерти напугана. — Я так больше не могу. — И, словно стараясь придать своим словам убедительности, она стала выбираться из толпы.

— Пусть идет, Бонни, — сказала Мередит. — Все равно без толку.

— Вот именно, без толку. Потому что сама бестолочь, — зло сказала Бонни. Если даже Кэролайн, которая знает правду, так себя ведет, чего же ждать от остальных?

На лицах окружающих явно читался ответ: на них был написан такой отчаянный испуг, словно Бонни с Мередит принесли с собой какую-то страшную заразу. Словно это они были источником опасности.

— Не могу поверить, — пробормотала Бонни.

— Я тоже, — сказала Диана Кеннеди, подруга Сью. Она стояла рядом и выглядела не такой напуганной, как остальные. — Только вчера днем я разговаривала со Сью, и у нее было такое отличное настроение, она была такая счастливая! Нет, *этого не может быть*. — Диана всхлипнула. Ее парень обнял ее, а некоторые девушки в толпе тоже заплакали. Парни угрюмо переминались с ноги на ногу.

В мозгу Бонни забрезжил слабый лучик надежды.

— Она погибла, и она не последняя, — подхватила она. — Елена сказала, что весь город в опасности. Елена сказала... — Но тут ее голос упал. Она увидела, как изменились лица при упоминании Елены. Да, Мередит была права. Они хотели как можно скорее забыть все, что случилось прошлой зимой. Они не хотели ей верить.

— Да что с вами со всеми? — сказала она в отчаянии, надеясь, что ее хоть кто-нибудь услышит. — Вы что, всерьез считаете, что Сью сама выбросилась с балкона?

— Ну, есть такое мнение... — Парень Дианы спохватился и пожал плечами. — Но есть и другая версия... Вы сказали полиции, что в комнате была Викки Беннетт? И она опять свихнулась. А перед тем, как все произошло, вы слышали, что Викки кричала: «Нет, Сью, нет!»

У Бонни было такое ощущение, словно ее ударили под дых.

— Ты думаешь, что это *Викки*? Да ты сам в своем уме? Ну послушай же. Кто-то там, в доме, схватил меня за руку, и это была *не Викки*. Это он выбросил Сью с балкона, и Викки

не имеет к этому никакого отношения.

— Она вообще не то чтобы силачка, — веско добавила Мередит. — В ней сорок килограммов под дождем.

Кто-то сзади пробормотал, что душевнобольные иногда обнаруживают нечеловеческую физическую силу. А Викки стоит на учете...

— Елена сказала, что это мужчина, — почти прокричала Бонни, стремительно теряя самообладание. Лица вокруг были замкнутыми и отсутствующими. Но вдруг она увидела одно лицо, и ей сразу полегчало:

— Мэтт! Скажи им, что ты нам веришь.

Мэтт Ханикат стоял чуть поодаль, сунув руки в карманы и понурившись. Он поднял голову и посмотрел на Бонни; от выражения его глаз у Бонни перехватило дыхание. В его взгляде не было упрямого недоверия, как у остальных, но было нечто не менее страшное — крошечное отчаяние. Он пожал плечами, не вытаскивая рук из карманов.

— Да, верю. Верю каждому слову, — сказал он. — Но какая разница? Что от этого изменится?

Бонни едва ли не впервые в жизни не нашла, что сказать. После смерти Елены Мэтт впал в депрессию, но чтобы до такой степени...

— По крайней мере, Мэтт нам верит, — Мередит взяла инициативу в свои руки. — Что нам сделать, чтобы вы все тоже поверили?

— Попробуйте доставить сюда Элвиса по спиритическому каналу, — слышался голос, от звуков которого Бонни сразу вскипела. Тайлер. Тайлер Смоллвуд. Он стоял в дорогом свитере от Пери Элвиса и по-обезьяньи скалился, обнажив два ряда крепких белых зубов.

— Спиритическое электронное письмо от мертвой королевы выпускного бала было бы еще круче, но для начала прокатит, — добавил он.

Мэтт всегда говорил, что эта ухмылка просит кирпича. Но теперь Мэтт, единственный из парней, по крепости сложения не уступавший Тайлеру, стоял, мрачно уставившись в землю.

— Закрой рот, Тайлер. Ты понятия не имеешь, что там произошло, — сказала Бонни.

— Вы и сами знаете об этом не больше. Вот если бы вы не прятались в гостинной, то, может, и увидели бы, что там случилось. И тогда, глядишь, кто-нибудь вам и поверил бы.

Ответная колкость так и не слетела с языка Бонни. Она уставилась на Тайлера, открыла рот — и закрыла его. Тайлер подождал. Она ничего не отвечала, и он снова оскалился.

— Ставлю что угодно, это дело рук Викки, — сказал он, подмигивая Дику Картеру, бывшему парню Викки. — Она девочка крепкая — подтверди, Дик? И силенок у нее вполне хватило бы. — Он отвернулся и, тщательно выговаривая каждое слово, бросил через плечо: — Или другой вариант. В город вернулся этот тип Сальваторе.

— Ах ты скотина! — не выдержала Бонни. Даже Мередит в отчаянии что-то выкрикнула. При одном упоминании имени Стефана должно было начаться черт знает что, и Тайлер это отлично понимал. Все, повернувшись к своим ближайшим соседям, разом заговорили — тревожно, испуганно, возбужденно. Особенно нервничали девушки.

По сути, на этом общее собрание и закончилось. Многие и раньше порывались незаметно улизнуть, а теперь все стали расходиться по двое — по трое, не прекращая спорить.

Бонни сердито смотрела им вслед.

— Допустим, они бы тебе поверили. И что тогда, по-твоему, им надо было делать? — спросил Мэтт. Она не заметила, как он подошел.

— Понятия не имею. Но уж в любом случае не сидеть сложа руки, пока нас всех тут не прикончат. — Бонни попыталась поймать его взгляд. — Мэтт, ты как, нормально?

— Не знаю. А ты?

Бонни задумалась:

— Нет. То есть в каком-то смысле мне самой странно, что я так сносно себя чувствую,

потому что после смерти Елены я совсем ничего не могла делать. Вообще. Правда, со Сью мы не так близко дружили, ну и, кроме того... Да не знаю я! — Ей снова захотелось стукнуть по чему-нибудь кулаком. — Просто все это для меня... как-то чересчур.

— Ты в бешенстве.

— Да, я в бешенстве. — Наконец-то Бонни поняла, что за чувство терзает ее весь день. — Тот, кто убил Сью, не был просто плохим человеком. Ее убило зло, чистое, абсолютное зло. Кто бы это ни был, он не остановится. И это будет... Если мир устроен так, что такое можно творить безнаказанно... если это правда... — Она поняла, что не знает, как закончить фразу.

— Что тогда? Переедешь куда-нибудь? Я имею в виду, если окажется, что мир действительно так устроен?

В его глазах была горькая безнадежность. Бонни стало не по себе. И все-таки она сказала твердо:

— Я этого *не допущу*. И ты не допустишь.

В ответ он молча посмотрел на нее. Так смотрят на ребенка, который упрямо твердит, что Санта-Клаус существует на самом деле.

Тут подала голос Мередит:

— Если мы хотим, чтобы окружающие воспринимали нас всерьез, давайте сами к себе относиться серьезно. Елена *действительно* вступила с нами в контакт. Она чего-то хотела от нас. Если мы прекратим в этом сомневаться, то, может быть, поймем, чего именно.

При имени Елены лицо Мэтта исказила гримаса. «Бедный, ты все еще любишь ее, — подумала Бонни. — Есть ли хоть что-нибудь на этом свете, что заставило бы тебя ее забыть?»

— Ты поможешь нам, Мэтт? — спросила она.

— Помогу, — спокойно отозвался он. — Но я понятия не имею, что вы задумали.

— Остановить этого урода, пока он не убил еще кого-нибудь, — сказала Бонни. Впервые за все время она отчетливо поняла, что именно собирается делать.

— В одиночку? Видишь ли, ты совсем одна...

— Мы совсем одни, — поправила его Мередит. — Но, кстати, именно это пыталась сказать Елена. Что мы должны совершить магический обряд и вызвать подмогу.

— Простой ритуал и всего два ингредиента. — Бонни вспомнила свой сон. Она вдруг заволновалась. — Она сказала, что уже назвала мне ингредиенты. Но она ничего не говорила.

— Вчера вечером она говорила, что какие-то помехи искажают ее сообщения, — сказала Мередит. — И сейчас мне кажется, что она имела в виду твой сон. Как думаешь, ты действительно пила чай с *Еленой*?

— Да, — уверенно сказала Бонни. — То есть не то чтобы у нас было безумное чаепитие в Теплых Ручьях в буквальном смысле слова; я имею в виду, что именно Елена пыталась донести до меня какую-то информацию. А потом вдруг вторгся тот, другой, и вытолкнул Елену. Но она не сдавалась, и ближе к концу разговора ей на некоторое время удалось снова перехватить контроль.

— Хорошо, допустим. Но тогда надо как следует вспомнить самое начало сна, когда с тобой общалась именно Елена. Если ее сообщение было искажено какими-то помехами, оно могло дойти в подпорченном виде. Может быть, надо вспомнить не слова, а что-то другое. Что-нибудь, что она сделала...

Рука Бонни взметнулась к локонам:

— Волосы! — воскликнула она.

— Что?

— Волосы! Я спросила у нее, кто сейчас ее причесывает, мы заговорили об этом, и она сказала: «Волосы — это очень важно». И еще, Мередит, когда она вчера вечером пыталась назвать нам ингредиенты, первая буква была «В»!

— Точно! — В темных глазах Мередит загорелся огонь. — Теперь осталось узнать второй ингредиент.

— И его я тоже знаю! — Бонни не смогла сдержать нервный смех. — Сразу после того разговора о волосах она сказала мне еще одну фразу, а я решила, что это какая-то чушь. Она сказала: «Кровь тоже очень важна».

Мерedit закрыла глаза. Она задумалась.

— А вчера планшетка сказала: «Кровькровькровь». Я тогда решила, что это тот, второй, угрожает нам, но была неправа. — Она открыла глаза. — Как по-твоему, Бонни, мы решили задачу? Это действительно те самые ингредиенты или надо думать про грязь, про сэндвичи, мышей и чай?

— Те самые, — твердо сказала Бонни. — Эти ингредиенты вполне подходят для заклятий вызова. Уверена, что в моих книгах по кельтской магии найдется описание ритуала. Надо только понять, кого именно мы собираемся вызывать... — Она вдруг о чем-то задумалась и умолкла.

— Я все ждал, когда вы сообразите, — сказал Мэтт, впервые после долгой паузы. — Вы ведь понятия не имеете, кого надо вызвать.

4

Мерedit бросила на Мэтта насмешливый взгляд.

— Ха, — сказала она. — А сам как думаешь? Кого позвала бы Елена в минуту опасности?

Ухмылка сползла с лица Бонни и уступила место раскаянию, когда она увидела, какое лицо стало у Мэтта. Нельзя было его так поддразнивать. Нечестно.

— Елена сказала, что убийца очень силен, поэтому нам нужна помощь, — сказала она Мэтту. — А я не знаю больше никого, с кем знакома Елена и кто мог бы справиться с убийцей-сверхчеловеком.

Мэтт медленно кивнул. Бонни не понимала, что он чувствует. Когда-то они со Стефаном были лучшими друзьями, даже после того, как Елена выбрала Стефана. Но это было давно, и тогда Мэтт еще не знал, кто такой Стефан на самом деле и какими страшными способностями он обладает. В приступе ярости и отчаяния после смерти Елены Стефан едва не убил Тайлера Смоллвуда и еще пятерых парней. Смог ли Мэтт забыть об этом? Смирится ли он с возвращением Стефана в Феллс-Черч?

На лице Мэтта не дрогнул ни один мускул, и тогда опять заговорила Мерedit:

— Выходит, дело за малым. Надо уколоть палец и постричься. Бонни, проживешь без пары локонов?

Бонни так глубоко погрузилась в свои мысли, что едва не пропустила эти слова мимо ушей. Она помотала головой:

— Нет-нет-нет. Имеются в виду не наши волосы и кровь. Волосы и кровь того, кого мы собираемся вызвать.

— Что? Ерунда какая-то. Если бы мы смогли раздобыть кровь и волосы Стефана, с какой стати нам понадобилось бы его вызывать?

— Об этом я не подумала, — призналась Бонни. — Обычно, если люди планируют кого-то вызвать, они заранее запасаются всем необходимым. Что нам делать, Мерedit? Это же невыполнимая задача.

Мерedit нахмурилась.

— Если она невыполнимая, то зачем Елена стала бы этого требовать?

— Елена все время требовала от окружающих невыполнимого, — мрачно сказала Бонни. — Не смотри так на меня, Мэтт, ты отлично знаешь, что это правда. Она не была святой.

— Я думаю, что это вполне выполнимая задача, — сказал Мэтт. — Я знаю место, где совершенно точно осталась кровь Стефана, а если нам повезет, то и волосы. Склеп.

Бонни вздрогнула, а Мерedit спокойно кивнула.

— Ну разумеется, — сказала она. — Пока Стефана держали там связанным, он,

наверное, все вокруг залил кровью. А драка была такая, что волосы должны были лететь ключьями. Если только там никто ничего не трогал...

— Думаю, после смерти Елены туда вообще никто не заходил, — сказал Мэтт. — Полиция осмотрела место и ушла. Впрочем, есть только один способ узнать наверняка.

«Я была неправа, — подумала Бонни. — Мне казалось, что Мэтт и слышать не захочет о возвращении Стефана, а он делает все возможное, чтобы нам помочь».

— Мэтт, честное слово, я тебя сейчас расцелую! — сказала она.

На мгновение во взгляде Мэтта промелькнуло какое-то необычное выражение, которое Бонни как следует не поняла. Конечно, в его глазах читалось удивление, но не только оно. Ни с того ни с сего Бонни подумала: «А что бы он сделал, если бы я на самом деле его поцеловала?»

— Все вы, девушки, так говорите, — негромко сказал он и с нарочитым смирением пожал плечами. Было видно, что впервые за весь день у него немного отлегло от сердца.

Мерedit оставалась абсолютно серьезной.

— Пошли. У нас куча дел, а застрять в склепе после наступления сумерек — еще то удовольствие.

* * *

Склеп находился под стоящей на холме полуразрушенной кладбищенской церковью. «Сейчас ранний вечер, стемнеет еще не скоро», — повторяла про себя Бонни, когда они поднимались по холму, но ее руки все равно покрылись гусиной кожей. Даже новое кладбище по другую сторону церкви не навевало приятных чувств, а уж старое было жутким местом даже при дневном свете. Множество крошащихся надгробных камней, торчащих под неожиданными углами в высокой траве, напоминало о лежащих здесь тысячах молодых людей, погибших во время Гражданской войны. Чтобы ощутить их присутствие, не надо было быть медиумом.

— Неупокоившиеся души, — пробормотала она.

— Что? — спросила Мерedit, переступая через груды обломков, которая когда-то была фрагментом одной из стен старой церкви. — Смотри-ка, крышка гробницы еще отодвинута. Это хорошо. Вряд ли у нас хватило бы сил ее поднять.

Бонни с грустью обвела взглядом белые мраморные фигуры на крышке склепа. Онория Фелл лежала рядом со своим мужем, скрестив руки на груди, как всегда, печальная и безмятежная. Бонни понимала, что она уже ничем не поможет. Бывшая хранительница основанного ею города сдала свой пост.

«И оставила его на Елену», — с горечью подумала Бонни, глядя вниз, в четырехугольное отверстие, ведущее в склеп. В темноту уходили железные ступеньки.

У Мерedit был фонарик, но спуститься в подземелье все равно оказалось нелегко. Внутри было тихо и сыро, стены облицованы полированным камнем. Бонни старалась унять дрожь.

— Смотри, — негромко сказала Мерedit.

Мэтт направил луч фонарика на железные ворота, отделявшие преддверие склепа от главного помещения. То тут, то там на каменном полу виднелись черные пятна — пятна подсохшей крови. От вида запекшихся лужиц и ручейков Бонни стало дурно.

— Мы знаем, что Дамону досталось больше всех, — сказала Мерedit, двигаясь вперед. Ее голос звучал хладнокровно, но Бонни чувствовала, что это дается ей ценой огромных усилий. — Значит, сейчас мы с его стороны — здесь крови больше. Стефан говорил, что Елена стояла в центре. Тогда получается, что сам Стефан был... вот тут. — Она наклонилась.

— Давай я, — хрипло сказал Мэтт. — А ты поддержи фонарь. — Он стал скрести покрытый коркой камень пластмассовым ножиком, взятым из машины Мерedit. Бонни сглотнула и вознесла хвалу небесам за то, что во время обеда ограничилась чаем. Одно дело — отвлеченные разговоры о крови, и совсем другое — когда видишь ее собственными

глазами в таких количествах и знаешь, что это кровь твоего друга, которого здесь пытали...

Бонни отвернулась, стала смотреть на каменную стену и думать о Катрине. Давным-давно, в XV веке, во Флоренции Стефан и его брат Дамон влюбились в одну и ту же девушку — Катрину. Но им было неизвестно, что девушка, которую они любили, не была человеком. Когда-то она жила в немецкой деревне, и там ее во время тяжелой болезни обратили в вампира, чтобы спасти ей жизнь. А Катрина, в свою очередь, превратила в вампиров обоих юношей.

Потом, вспоминала Бонни, она инсценировала собственную смерть, чтобы они перестали враждовать из-за нее. Но это не помогло. Братья возненавидели друг друга еще сильнее, чем прежде, а она возненавидела за это их обоих. Она вернулась к обратившему ее вампиру, и со временем в ней поселилось то же зло, что жило в нем. Наконец у нее осталось одно-единственное желание — погубить братьев, которых она когда-то любила. Она заманила их обоих в Феллс-Черч, чтобы убить их, и здесь, в этом зале, ей почти удалось исполнить свой план. Елена погибла, пытаясь ее остановить.

— Вот и все, — сказал Мэтт. Бонни заморгала и очнулась. Мэтт держал в руках бумажную салфетку с комочками засохшей крови Стефана. — Теперь волосы.

Они стали водить по полу пальцами. Там была пыль, обрывки листьев и еще что-то мелкое — Бонни старалась не думать о том, что это может быть. Попадались им и светло-золотые волосы. «Волосы Елены, — думала Бонни. — Или Катрины». Внешне они были очень похожи. Но там были и другие волосы, короткие, жесткие и чуть-чуть вьющиеся. Волосы Стефана.

Разобраться в мусоре и завернуть нужные волосы в другую салфетку оказалось делом долгим и кропотливым. Большую часть работы сделал Мэтт. Когда они закончили, все уже порядком вымотались, а свет, проникавший вниз через прямоугольное отверстие в потолке, стал мутно-синим. На лице Мередит играла кровожадная улыбка.

— Есть, — сказала она. — Тайлер хотел, чтобы Стефан вернулся, — хорошо, устроим так, что он вернется.

И тут Бонни, которая была по-прежнему погружена в свои мысли и плохо осознавала, что делает, вдруг похолодела.

Она думала о чем-то другом, вовсе не о Тайлере, но, когда прозвучало его имя, в ее сознании всплыла одна мысль, которая посетила ее еще там, на парковке, а потом в пылу споров вылетела из головы. Но теперь, после слов Мередит эта мысль вернулась. «Откуда он узнал?» — подумала она, и ее сердце бешено заколотилось.

— Бонни! Что с тобой?

— Мередит, — тихо сказала Бонни, — скажи, ты говорила полицейским, что мы были именно в гостиной, когда наверху случилась беда со Сью?

— Нет. Кажется, я просто сказала, что мы были на первом этаже. А что?

— А то, что я тоже не говорила. Викки вообще ничего не могла сказать, она опять впала в кататонию, Сью мертва, а Кэролайн в тот момент с нами не было. *Но Тайлер откуда-то это знал.* Помнишь, он сказал: если бы вы не прятались в гостиной, то увидели бы, что там случилось. Откуда он узнал об этом?

— Бонни, если ты хочешь сказать, что убийца — Тайлер, то это чушь. Тайлер элементарно слишком туп, чтобы устроить все это безобразие, — сказала Мередит.

— И еще кое-что. Мередит, в прошлом году на балу в честь окончания года Тайлер дотронулся до моего голого плеча. Никогда не забуду. У него была большая, мясистая, горячая, влажная рука, — вспомнила Бонни и содрогнулась. — Точно такая же рука схватила меня вчера ночью.

Но Мередит покачала головой. Мэтт тоже явно не поверил.

— Если так, то Елена напрасно убеждала нас вызвать Стефана, — сказал он. — С Тайлером я и сам легко разобрался бы. Парочка правых хуков — и вопрос исчерпан.

— Сама подумай, Бонни, — добавила Мередит. — Неужели Тайлер смог бы двигать планшетку или проникнуть в твой сон? Ты серьезно?

Нет, не смог бы. Как медиум Тайлер был такой же деревяшкой, как Кэролайн. Этого Бонни не отрицала. Но отмахнуться от своей интуиции она тоже не могла. Да, это звучало очень неправдоподобно, но все же она была уверена: той ночью Тайлер был в доме.

— Давайте лучше пойдем, — предложила Мередит. — Уже темно, твой отец будет сердиться.

На обратном пути все молчали. Бонни продолжала думать о Тайлере. Войдя в дом, они тайком пронесли наверх салфетки со своей добычей и принялись листать книги Бонни по друидской и кельтской магии. С тех самых пор, как Бонни узнала, что принадлежит к древней магической расе, она стала интересоваться друидами. Наконец в одной из книг она нашла описание обряда.

— Нам надо купить свечи, — сказала она. — И чистую воду — лучше всего в бутылке, — добавила она, обращаясь к Мередит. — Еще нужен мел, чтобы начертить на полу круг, и еще что-нибудь, в чем можно разжечь маленький огонь. Думаю, найду в доме. Торопиться некуда: ритуал надо начинать в полночь.

Время до полуночи тянулось медленно. Мередит уже купила в магазине все необходимое и вернулась. Они без особого аппетита поужинали с родителями Бонни. В одиннадцать часов Бонни начертила на деревянном полу своей спальни круг, поставила в него маленькую скамеечку и сложила на нее все необходимые ингредиенты. Когда пробило полночь, она приступила к делу.

Мэтт и Мередит наблюдали, как она разводит в глиняной чашке небольшое пламя. Позади чашки Бонни поставила три горящих свечи, а в середину той, что стояла по центру, воткнула иголку. Потом развернула салфетку и как следует размешала комочки запекшейся крови в винном бокале с водой. Вода стала ржаво-красной.

Она развернула вторую салфетку. Три клочка темных волос упали в огонь и сгорели, наполнив комнату омерзительным запахом. Потом в огне зашипели три капли красной воды.

Ее глаза нашли слова на странице открытой книги:

*Стремительно спешишь ко мне,
Трижды призванный моим заклатьем,
Трижды потревоженный моим огнем,
Приди ко мне без промедления.*

Она три раза громко прочитала заклинание. Потом села на корточки. Огонь, дымя, продолжал гореть. Плясало пламя свечей.

— И что теперь? — спросил Мэтт.

— Я не знаю. Тут сказано только, что надо подождать, пока средняя свеча догорит до иголки.

— А что потом?

— Думаю, мы увидим сами.

* * *

Тем временем во Флоренции был рассвет.

Стефан наблюдал, как девушка спускается вниз по лестнице, придерживаясь одной рукой за перила, чтобы удерживать равновесие. Она двигалась медленно, словно во сне. Казалось, что она плывет по воздуху.

Неожиданно она покачнулась и крепче ухватилась за перила. Стефан мгновенно оказался рядом и поддержал ее под локоть:

— Ты в порядке?

Девушка посмотрела на него — тоже как будто во сне. Она была очень хорошенькой, с эффектно растрепанными светлыми волосами, дорого одетая по последней моде. Туристка. Он догадался, что она американка, еще раньше, чем та успела заговорить.

— Да... кажется... — Взгляд темных глаз блуждал.

— Сумеешь найти обратную дорогу? Где ты живешь?

— На Виа Деи Конти, около башни Медичи. Я из университета Гонзага, приехала сюда по флорентийской программе.

Проклятье! Она не туристка, а студентка. Значит, что ей будет что рассказать — и она непременно расскажет однокурсникам о том, как накануне вечером с ней познакомился симпатичный молодой итальянец. Парень с темными, как ночь, глазами. Парень, который пригласил ее в свой роскошный дом на Виа Турнабуони, угостил ужином и вином, а потом при свете луны в своей комнате или, может быть, во внутреннем дворике придвинулся к ней близко-близко, посмотрел прямо в глаза и...

Стефан отвел взгляд от шеи, на которой краснели две ранки. Он столько раз видел эти отметины, так почему же они продолжали вызывать у него такие сильные эмоции? Но он ничего не мог поделать: его начинало подташнивать, а в желудке разгоралась изжога.

— Как тебя зовут?

— Рэйчел. Пишется через «э». — Она произнесла свое имя по буквам.

— Хорошо, Рэйчел. Посмотри на меня. Ты вернешься к себе в *пансион* и забудешь все, что произошло этой ночью. Ты не знаешь, где была и кого видела. И меня ты тоже никогда не видела. Повтори.

— Я забуду все, что произошло этой ночью, — сказала она, не сводя с него глаз. Если бы Стефан пил человеческую кровь, у него было бы больше Силы, но на это ее хватало. — Я не знаю, где была и кого видела. Я не видела тебя.

— Хорошо. Денег на обратную дорогу хватит? Возьми. — Стефан достал из кармана горсть мятых бумажек, в основном по пятьдесят и сто тысяч лир, и проводил девушку до дверей.

Убедившись, что она села в такси, он вернулся в дом и отправился напрямик в спальню Дамона.

Дамон, развалясь, сидел у окна и чистил апельсин. Он еще не одевался. Когда Стефан зашел, Дамон недовольно посмотрел на него.

— Обычно перед тем, как войти, стучат, — сказал он.

— Где ты ее нашел? — сказал Стефан. Увидев недоумевающий взгляд Дамона, он добавил: — Эту девушку. Рэйчел.

— Ее так зовут? Забыл поинтересоваться. В баре Джилли. Или в баре Марио. А какая разница?

Стефан изо всех сил сдерживался.

— Ты еще много чего забыл. Например, заставить ее обо всем забыть. Тебе так нейдет, чтобы тебя поймали, Дамон?

Губы Дамона искривились в улыбке, и он содрал с апельсина еще один оранжевый завиток.

— Меня *нельзя* поймать, братишка, — сказал он.

— И что ты сделаешь, когда за тобой придут? Когда кто-нибудь сообразит — боже праведный, у нас на Виа Торнабуони живет чудище, которое пьет человеческую кровь? Всех поубиваешь? Дождешься, пока они выломают входную дверь, а потом растворишься в темноте?

Дамон с вызовом встретил взгляд брата, на его губах играла все та же ироничная улыбка.

— А чем не вариант? — сказал он.

— Проклятье! — сказал Стефан. — Послушай меня, Дамон. Так продолжаться не может.

— Весьма тронут тем, что ты заботаешься о моей безопасности.

— Это нечестно, Дамон. Девушку, которая не хотела...

— Нет, братишка, хотела. Даже не представляешь себе, *как* она хотела.

— А ты сказал ей, *что именно* ты собираешься сделать? Ты предупредил ее, что

бывает, когда смешиваешь свою кровь с кровью вампира? Рассказал о видениях, о ночных кошмарах? *Этого* она хотела? — Дамон явно не собирался отвечать, и Стефан продолжил: — Ты сам знаешь, что это неправильно.

— Если честно, знаю, — сказав это, Дамон улыбнулся одной из своих коротких нервных улыбок. Она мелькнула и тут же исчезла.

— Но тебе наплевать, — упавшим голосом сказал Стефан, глядя в сторону.

Дамон отбросил апельсин. Его интонации были нежными, бархатными.

— Видишь ли, братишка, мир полон того, что ты считаешь неправильным, — сказал он. — Может быть, лучше расслабиться и перейти на сторону победителя? Так гораздо приятнее, поверь мне на слово.

У Стефана внутри все бурлило от ярости.

— Как ты смеешь? — резко спросил он. — Пример Катрины тебя ничему не научил? Она тоже перешла на сторону победителя.

— Катрина слишком рано умерла, — сказал Дамон. Он опять улыбался, но взгляд его был холодным.

— И теперь ты думаешь только об одном. О мести. — Стефан смотрел на брата и чувствовал, что его грудь сдавливает страшная тяжесть. — О мести и собственных удовольствиях, — прибавил он.

— А разве в мире есть что-нибудь другое? Удовольствия — единственное, что существует на самом деле, братишка. Удовольствия и Сила. А ты по природе такой же охотник, как и я, — сказал Дамон. Потом он добавил: — Впрочем, не припомню, чтобы я звал тебя с собой во Флоренцию. Если тебе тут не нравится, может, поедешь в какое-нибудь другое место?

Тоска, сдавившая грудь Стефана, стала невыносимо острой, но его ответный взгляд был непреклонным.

— Ты сам знаешь, почему я здесь, — тихо сказал он. Дамон опустил глаза, и Стефан наконец испытал чувство мрачного удовлетворения.

В голове Стефана зазвучали слова Елены. Она умирала, ее голос слабел, но Стефан слышал каждое слово. «Вы должны заботиться друг о друге. Стефан, ты обещаешь мне? Обещаешь, что вы будете заботиться друг о друге?» Он пообещал и сдержит свое слово. Сдержит, чего бы это ни стоило.

— Ты знаешь, почему я не уезжаю, — повторил он отвернувшемуся Дамону. — Ты можешь сделать вид, что тебе наплевать. Ты можешь обмануть весь мир. Но я знаю правду.

Милосерднее всего в этот момент было бы оставить Дамона в покое, но Стефан был не в том настроении, чтобы проявлять милосердие.

— И еще о той девушке, которую ты привел. О Рэйчел, — добавил он. — С волосами все в порядке, а вот цвет глаз не тот. У Елены были голубые глаза.

После этих слов он развернулся, собираясь оставить Дамона, чтобы тот побыл один и поразмыслил над его словами — естественно, если Дамон вообще способен разумно мыслить...

Он не успел дойти до двери.

* * *

— Есть! — резко сказала Мередит, глядя на горящую свечу и иголку.

Бонни глубоко вдохнула. Перед ней что-то разворачивалось, какая-то серебряная нить, серебряный канал связи. И она понеслась по нему, не в силах ни остановиться, ни сбавить скорость. «О господи, — думала она, — а что будет, когда я долечу до конца и ударюсь...»

Вспышка в голове Стефана была беззвучной, бесцветной и мощной, как удар грома. Одновременно он почувствовал, что какая-то сила властно тащит его куда-то вперед, и он должен следовать за ней. Это не было похоже на подсознательные импульсы, исходившие от Катрины, когда она заставляла его что-нибудь делать; нет, это был экстрасенсорный крик.

Приказ, которого нельзя слушаться.

Он понял, что внутри этой вспышки кто-то есть, но сам себе не поверил.

* * *

Бонни?

Стефан! Это ты! У нас получилось!

Бонни, как ты это сделала?

Мне рассказала Елена. Честное слово, Стефан, это она. У нас беда, и нам нужен...

И вдруг все закончилось. Канал связи закрылся — свернулся до размеров булавочной головки. Он исчез, но после него вся комната вибрировала Силой.

Стефан с братом молча смотрели друг на друга.

* * *

Бонни шумно перевела дыхание — она и не заметила, что не дышала все это время, — и открыла глаза, хотя и не помнила, как закрывала их. Она лежала на спине. Мэтт и Мередит сидели рядом на корточках; вид у них был встревоженный.

— Что это было? Получилось? — требовательно спросила Мередит.

— Получилось.

Они помогли ей подняться.

— Я вступила в контакт со Стефаном. Я говорила с ним. Теперь нам остается только ждать и гадать, придет он или нет.

— Ты сказала ему про Елену? — спросил Мэтт.

— Да.

— Значит, он уже в пути.

5

*Понедельник, 8 июня,
23.15*

Дорогой дневник!

Похоже, сегодня ночью у меня бессонница, так что я вполне могу написать тебе пару строк. Весь день я ждала каких-то событий. Ведь не может же быть, чтобы после так здорово проведенного заклęcia вызова ничего не случилось.

Но ничего не произошло. Я не пошла сегодня в школу, потому что мама решила оставить меня дома. Ей не понравилось, что Мэтт и Мередит так долго просидели у меня в воскресенье вечером, и она сказала, что я должна отдохнуть. Но всякий раз, когда я ложусь в кровать, у меня перед глазами встает лицо Сью.

На похоронах Елены речь произносил отец Сью. Кто будет произносить речь на похоронах Сью в среду?

Надо перестать думать обо всем этом.

Попробую-ка я еще раз заснуть. Может, если я лягу спать в наушниках, то не увижу Сью?

Бонни положила дневник в тумбочку у кровати и достала плеер. Глядя в потолок слипающимися глазами, она пробежала по частотам. В наушниках, пробиваясь сквозь помехи, зазвучал голос ведущего:

— А сейчас старый, но нестареющий хит блистательных пятидесятых для всех поклонников этой музыки. Группа «Спэниелз», компания «Виджей». «Спокойной ночи,

милая».

И Бонни унесла музыка.

* * *

У фруктовой воды с мороженым был вкус земляники. Ее любимый. Музыкальный автомат играл песню «Спокойной ночи, любимая», а на прилавке не было ни пылинки. Но Елена, решила Бонни, никогда не стала бы надевать солнце-клеш.

— Вот это лишнее, — сказала она, показывая на юбку. Елена подняла голову от мороженого с фруктами и орехами. Ее светлые волосы были завязаны в хвостик. — Хотя, с другой стороны, кому до этого есть дело?

— Тебе, глупышка. Я-то здесь ненадолго.

— А-а. Ну да. — Бонни отпила фруктовой воды. Это сон. У нее были причины опасаться снов, но времени думать об этом сейчас не было.

— Мне нельзя задерживаться, — сказала Елена. — Наверное, он уже знает, что я здесь. Я пришла только, чтобы сказать тебе... — Она нахмурилась.

Бонни посмотрела на нее сочувственно.

— Тоже не можешь вспомнить? — Она сделала еще один глоток. У фруктовой воды был странный привкус.

— Я умерла слишком молодой, Бонни. От меня многого ждали, я должна была многое сделать. А сейчас я должна помочь тебе.

— Спасибо, — сказала Бонни.

— Все не так-то просто. У меня слишком мало Силы. Приходится бороться и все время что-то организовывать. И это трудно.

— Трудно, очень трудно, — кивнула Бонни. Она чувствовала странное головокружение. Что там было, в этой фруктовой воде?

— У меня мало власти, и все вокруг становится странным. Мне кажется, это делает он. Он все время встает на моем пути. Он шпионит за тобой. Каждый раз, когда мы пытаемся вступить в контакт, он вмешивается.

— Ага. — Комната поплыла у нее перед глазами.

— Бонни, ты слушаешь меня? Он может использовать твой страх против тебя самой. Он всегда делает так, чтобы проникнуть внутрь...

— Ага...

— А ты не пускай его. Расскажи об этом всем. И скажи Стефану... — Тут ее голос оборвался, и она судорожно зажала рот рукой. В ее стакан с мороженым что-то упало.

Это был зуб.

— Он пришел. — Голос Елены звучал странно, нечленораздельно. Бонни в ужасе, как загипнотизированная, уставилась на зуб. Зуб лежал на горке взбитых сливок посреди дробленого миндаля.

— Бонни, скажи Стефану...

Шлепнулся еще один зуб, за ним — еще один. Елена всхлипнула. Теперь она закрывала рот обеими руками. В глазах был страх и обреченность. — Бонни, не уходи...

Но Бонни уже пятилась. Вокруг все вихрилось. Фруктовая вода булькала и выплескивалась из стакана, только это была уже не фруктовая вода, а кровь. Ярко-красная и пузырящаяся, как мокрота, которую отхаркивает умирающий. У Бонни сжался желудок.

— Скажи Стефану, что я люблю его! — Это был голос беззубой старой женщины, и фраза закончилась истерическим рыданием. Бонни с облегчением провалилась в темноту и забылась.

* * *

Бонни закусила кончик фломастера. Она не отрываясь смотрела на часы и считала дни

в уме. Осталось выдержать еще восемь с половиной учебных дней. И каждая минута времени, проведенного в школе, обещала быть мучительной.

Какой-то парень, попятившийся от нее на лестнице, высказался предельно откровенно: — Ты не обижайся. Просто все, с кем ты дружишь, погибают.

Бонни убежала в туалет и расплакалась.

Ей хотелось только одного — чтобы не было школы, не было этих трагических лиц и укоризненных — или, хуже того, — *сочувствующих* глаз. Директор выступил по школьному радио с речью о «новой беде» и «невосполнимой потере», и Бонни чувствовала, как ее спину сверлят чужие взгляды.

Когда зазвенел звонок, она первой выбежала из дверей класса. Вместо того чтобы пойти на урок, Бонни опять отправилась в туалет и стала дожидаться следующего звонка. Когда коридоры опустели, она поспешила в крыло с кабинетами иностранных языков. Она промчалась мимо доски с информацией о выпускных торжествах, даже не посмотрев на нее. Какие выпускные экзамены, какой аттестат? Какое все это имеет значение, если к концу месяца все они могут быть мертвы?

С разбегу она чуть не наткнулась на стоящего посреди коридора человека. Бонни подняла глаза и увидела изысканно потертые заграничные топсайдеры. Над ними обнаружили старые джинсы, обтягивающие крепкие мускулы. Узкие бедра. Красивая грудь. Лицо, способное свести с ума любого скульптора, — чувственный рот, высокие скулы. Темные очки. Чуть растрепанные черные волосы. У Бонни перехватило дыхание.

«Господи, я и забыла, как он прекрасен, — подумала она. — Прости меня, Елена, но сейчас я брошусь ему на шею».

— Стефан! — выдохнула она.

Опомнившись, она испуганно осмотрелась по сторонам. Никого. Она схватила Стефана за руку.

— Ты что, спятил, зачем ты пришел сюда? Совсем сдурел?

— Мне надо было тебя найти. Думал, дело срочное.

— Срочное, срочное, но...

Он очень странно смотрелся в коридоре школы. Неуместно. Как олень среди овец. Бонни попыталась толкнуть его к кладовке.

Он не собирался туда идти. И он был сильнее.

— Бонни, ты сказала, что хочешь поговорить...

— Тебе надо спрятаться! Сейчас я сбегаю за Мэттом и Мередит, приведу их, и тогда мы поговорим. Но, если нас кто-нибудь увидит, тебя линчуют. У нас произошло еще одно убийство...

Стефан изменился в лице и послушно зашел в кладовку. Он открыл было рот, но тут же передумал.

— Я подожду, — только и сказал он.

Ей понадобилось всего несколько минут, чтобы вытащить Мэтта с занятий по автомобильному делу, а Мередит — с лекции по экономике. Они поспешили к кладовке и торопливо вывели Стефана из школы, стараясь сделать это как можно незаметнее. Получилось у них неважно.

«Наверняка кто-нибудь нас видел, — думала Бонни. — Вопрос только в том, кто именно, и насколько длинный у него язык».

— Надо отвести его в безопасное место. Наши дома не рассматриваются, — говорила Мередит. Они торопливо пересекали школьную парковку.

— Хорошо, но только куда? Пойдите, может быть, в общежитие?... — Тут Бонни осеклась. Прямо перед ней стояла маленькая черная машина. Итальянская машина. Гладкая, изящная и сексуальная. Тоже неуместная здесь. Стекла, в нарушение всех правил, были слишком темными — внутрь не заглянуть. Потом Бонни заметила сзади значок с фигуркой жеребца.

— О господи.

Стефан с тревогой посмотрел на «феррари».

— Это машина Дамона.

Три пары глаз уставились на него в ужасе.

— Дамона? — переспросила Бонни срывающимся голосом. Последняя надежда: Стефан имеет в виду, что одолжил машину у Дамона.

Но тут стекло опустилось, и за ним показались черные волосы, такие же гладкие и блестящие, как поверхность машины, темные очки и белозубая улыбка.

— Бонджорно, — ласково сказал Дамон. — Кого-нибудь подвезти?

— О господи, — снова пролепетала Бонни. Но не отошла ни на шаг.

Стефан не скрывал раздражения.

— Мы едем к общежитию. Следуй за нами. Припаркуешься у амбара — так, чтобы тебя никто не заметил.

Мерedit пришлось увести Бонни от «феррари». Нет, Дамон не нравился Бонни, и она ни за что не разрешила бы ему опять поцеловать себя, как тогда, на вечеринке у Алариха. Она знала, что он опасен. Может быть, не настолько, как Катрина, но все-таки опасен. Он убивал просто так, ради удовольствия. В прошлый Хэллоуин он убил учителя истории мистера Таннера на благотворительной вечеринке в доме с привидениями. Он мог убить кого угодно и когда угодно. Именно поэтому, когда Бонни смотрела на него, она чувствовала себя мышью, которая не может отвести взгляда от красивой черной змеи.

Сев в машину, Бонни и Мерedit переглянулись.

— Стефан не должен был брать его с собой, — сказала Мерedit.

— Может, он приехал сам? — предположила Бонни. Она сомневалась, что Дамон из тех, кого *можно взять с собой*.

— Интересно, зачем. Наверняка не для того, чтобы нам помогать.

Мэтт промолчал. Он словно бы и не заметил всеобщего беспокойства — просто смотрел в ветровое стекло и думал о чем-то своем.

На небе собирались тучи.

— Мэтт?

— Не трогай его, Бонни, — сказала Мерedit.

«Отлично, — думала Бонни, чувствуя, как ее накрывает черная депрессия. — Мэтт, Стефан и Дамон. Снова вместе и все дружно думают о Елене».

Они остановились за старым амбаром, возле которого уже была припаркована приземистая черная машина, зашли внутрь и обнаружили там Стефана. Когда он обернулся, Бонни увидела, что на нем нет темных очков. По телу Бонни пробежал легкий озноб, а волоски на руках и на шее встали торчком. Стефан был не такой, как остальные парни, которых она знала. В глубине его абсолютно зеленых, как листва весеннего дуба, глаз сейчас таилась тьма.

Секунду все трое в замешательстве молча смотрели на Стефана. Никто не знал, что сказать.

Наконец Мерedit подошла к нему и взяла за руку.

— У тебя усталый вид, — сказала она.

— Я торопился. Старался добраться как можно быстрее. — Он обнял ее, быстро, импульсивно. «Раньше он ни за что не позволил бы себе такого, — подумала Бонни. — Он был такой сдержанный».

Она подошла, чтобы тоже обнять Стефана. Его тело под футболкой было холодным, и она усилием воли подавила дрожь. Когда она отпустила его, в ее глазах стояли слезы. Что она чувствовала сейчас, когда Стефан Сальваторе вернулся в Феллс-Черч? Облегчение? Грусть от воспоминаний, которые привели его сюда? Страх? Она знала только одно: ей хочется плакать.

Стефан и Мэтт смотрели друг на друга. «Ну вот», — подумала Бонни. Это было почти забавно: на лицах у них было написано абсолютно одно и то же. Тоска, усталость — и желание все это скрыть. Что бы ни происходило, Елена всегда будет стоять между ними.

Наконец Мэтт протянул руку, а Стефан пожал ее. Потом оба отступили на шаг, явно довольные, что с формальностями покончено.

— Где Дамон? — спросила Мередит.

— Болтается где-то неподалеку. Я подумал, что нам захочется пару минут отдохнуть от его общества.

— Лучше бы пару десятков лет, — не удержалась Бонни, а Мередит добавила:

— Ему нельзя доверять, Стефан.

— Думаю, вы ошибаетесь, — ровным голосом сказал Стефан. — Он может быть очень полезен, если захочет.

— Ага. В свободное от убийств время. По паре-тройке человек каждый вечер, — сказала Мередит, вздернув брови. — Не надо было приводить его сюда, Стефан.

— Он меня не приводил.

Голос прозвучал за спиной у Бонни, в пугающей близости. Бонни подскочила и инстинктивно отпрянула к Мэтту, который стиснул ее плечо.

На лице Дамона промелькнула тень улыбки — чуть вздернулись кончики губ. Он был без темных очков; его глаза не были зелеными — они были черными, как ночное небо. «Он чуть ли не красивее, чем Стефан», — промелькнула у Бонни шальная мысль. Она нащупала руку Мэтта и вцепилась в нее.

— Теперь она твоя девушка? — непринужденно спросил Дамон.

— Нет, — ответил Мэтт, но не отпустил ее руку.

— Ты начал говорить, что Стефан тебя не приводил, — напомнила Мередит, стоявшая с другой стороны. Казалось, она меньше остальных была напугана появлением Дамона.

— Нет, — сказал Дамон, не отводя взгляда от Бонни. «Он не поворачивается к собеседнику, как все люди, — подумала она. — Просто смотрит, куда ему хочется, с кем бы ни разговаривал».

— Меня привела ты.

— Я? — Бонни вздрогнула, но не очень поняла, что он имеет в виду.

— Ты. Ведь это ты совершила магический обряд?

— Магичес...

Проклятье! Перед мысленным взором Бонни промелькнула картинка — белая салфетка, а на ней черные волосы. Она посмотрела на волосы Дамона. Они были более прямыми и красивыми, чем у Стефана, но такими же черными. Ну конечно же, Мэтт ошибся, когда сортировал их.

В голосе Стефана звучало нетерпение:

— Ты послала за нами, Бонни, и вот мы здесь. Что случилось?

Все, кроме Дамона, который так и остался стоять, уселись на полустгнившие тюки сена. Стефан сидел, наклонившись, упершись руками в колени и не сводя глаз с Бонни.

— Ты сказала мне... Ты сказала, что Елена разговаривала с тобой. — Он сделал заметную паузу перед тем, как выговорил это имя. Лицо его было каменным.

— Да, — она выдавила улыбку. — Мне приснился сон, Стефан, очень странный сон...

Она рассказала Стефану про свой сон и про все, что случилось потом. Она рассказывала долго. Стефан внимательно слушал, и его зеленые глаза вспыхивали при каждом упоминании имени Елены. Когда Бонни дошла до событий, которыми закончилась вечеринка у Кэролайн, и рассказала, как они увидели во дворе тело Сью, кровь отхлынула от его лица, но он по-прежнему не проронил ни слова.

— Пришли полицейские и сказали, что она мертва, но мы это и сами знали, — закончила Бонни. — Викки они увели с собой. Бедная Викки, она только бредила, и все. Нам не разрешили с ней поговорить, а ее мать вешает трубку, когда мы звоним. Некоторые говорят, что Викки виновата в случившемся, хотя это чушь. Но ведь они не верят, что мы разговаривали с Еленой, а значит, не поверят и тому, что она сказала.

— А Елена сказала «он», — перебила ее Мередит, — и повторила это несколько раз. Это мужчина, причем с огромной экстрасенсорной силой.

— Именно он тогда схватил меня за руку в коридоре, — сказала Бонни. Она рассказала Стефану о своих подозрениях по поводу Тайлера, но, как справедливо говорила Мередит, было очень непохоже, чтобы это был Тайлер. У него не было ни ума, ни экстрасенсорных способностей.

— А Кэролайн? — спросил Стефан. — Она что-нибудь видела?

— Она шла первой, — ответила Мередит. — Нашла дверь и выскочила из дома, пока мы все метались внутри. Она слышала крики, но перепугалась и не рискнула вернуться. Сказать по правде, я ее не виню.

— Значит, никто, кроме Викки, не видел, что там случилось?

— Да. А Викки ничего не говорит, — Бонни вернулась к тому месту, где ее прервали. — Когда мы поняли, что нам никто не верит, мы вспомнили слова Елены о заклятии вызова. Мы догадались, что она хотела вызвать тебя, потому что считала, что ты сможешь помочь. Ну и как, ты... сможешь?

— Я попробую, — сказал Стефан. Он встал и отошел на несколько шагов и некоторое время молча, не шевелясь, стоял к ним спиной. Потом обернулся и посмотрел Бонни в глаза.

— Бонни, — сказал он негромко, но требовательно, — во сне ты встретила с Еленой лицом к лицу. Как, по-твоему, сможешь ли ты сделать это еще раз, если войдешь в состояние транса?

Бонни была слегка напугана выражением его глаз. Глаза сияли на его бледном лице, как два изумруда. На секунду она словно бы заглянула под маску, которую он носил, чтобы скрыть свои чувства. Там было столько муки, столько тоски, что ей самой стало больно.

— Может быть, у меня и получится, но, Стефан...

— Тогда так и сделаем. Здесь и сейчас. И выясним, сможешь ли ты взять меня с собой. — Эти глаза гипнотизировали ее, но дело тут было не в Силе, а в его отчаянном желании. Бонни очень хотела бы ему помочь — она готова была сделать для него все что угодно. Но воспоминания о последнем сне слишком пугали ее. Она больше не сможет пережить этот кошмар; просто *не сможет*.

— Стефан, это слишком опасно. Я стану уязвимой перед любыми силами, и... И мне страшно. Если это существо завладеет моим разумом, то я даже не представляю себе, что может случиться. Я не могу, Стефан. Даже обычный спиритический сеанс будет для него прямым приглашением.

Первую секунду ей казалось, что он не оставит ее в покое. Его рот упрямо сжался, а глаза засверкали еще ярче. Но потом огонь в них медленно угас.

Бонни почувствовала, что у нее разрывается сердце.

— Прости меня, Стефан, — шепотом сказала она.

— Ничего, справимся сами, — сказал он. Он снова надел маску, но его улыбка была неестественной, она как будто причиняла ему боль. — Сначала мы должны выяснить, кто убийца, и что ему здесь понадобилось. Единственное, что нам известно, — это то, что в Феллс-Черч снова пришло зло.

— Но почему? — спросила Бонни. — Почему зло обязательно приходит именно сюда? Неужели мало того, что уже произошло?

— Удивительное совпадение, — хмыкнула Мередит. — Ну за что такому маленькому городу такое большое счастье?

— Это не совпадение, — сказал Стефан. Он встал и поднял руки, словно бы не зная, с чего начать. — На земле есть места... они отличаются от остальных мест, — сказал он. — В них сконцентрировано очень много энергии, позитивной или негативной, хорошей или дурной. Некоторые из этих мест были такими изначально — Бермудский треугольник, например, или Солсберийская равнина, где построен Стоунхендж. Некоторые *стали* такими. Особенно те, где было пролито много крови, — он посмотрел на Бонни.

— Неупокоившиеся души, — сказала она тихо.

— Да. Здесь ведь были бои, так?

— Да, во время Гражданской войны, — сказал Мэтт. — Именно тогда была разрушена

кладбищенская церковь. Это была настоящая резня, в которой никто не победил, и почти все были убиты. В окрестных лесах полно могил.

— А земля пропитана кровью. Такие места притягивают все сверхъестественное. Они привлекают зло. Именно поэтому в Феллс-Черч появилась Катрина. Я тоже почувствовал все это, когда впервые оказался здесь.

— А теперь здесь появилось что-то еще, — сказала Мередит неожиданно серьезно. — Но как же с этим бороться?

— Для начала надо понять, с чем именно мы боремся. Я думаю... — Но не успел он закончить, как послышался скрип, и на тюки сена упал бледный солнечный луч, в котором танцевали пылинки. Кто-то открыл дверь.

Все застыли в ожидании, готовые вскочить и бежать или драться. Однако в фигуре, придерживающей локтем тяжелую дверь, не было решительно ничего угрожающего.

Миссис Флауэрс, владелица общежития, улыбалась им, и в уголках ее глаз собрались морщинки. В руках она держала поднос.

— Я решила, детки, что вам захочется чего-нибудь попить, пока вы разговариваете, — сказала она безмятежно.

Все ошеломленно переглянулись. Откуда она узнала, что они здесь? И почему так спокойно к этому отнеслась?

— Вот и славно, — продолжала миссис Флауэрс. — Это виноградный сок из моего собственного «конкорда». — Она поставила бумажный стаканчик перед Мередит, потом перед Мэттом и Бонни. — А вот имбирное печенье. Свежее. — Она обнесла их подносом. Бонни заметила, что Стефану и Дамону она ничего не предложила.

— А вы двое, если захотите, наведаетесь в мой погреб и попробуйте ежевичного вина, — сказала миссис Флауэрс, обращаясь к братьям, и Бонни была готова поклясться, что она при этом подмигнула.

Лицо Стефана выражало неуверенность; он глубоко вздохнул.

— Кхм. Миссис Флауэрс...

— Ваша старая комната ничуть не изменилась с тех пор, как вы ее оставили. После вас туда никто не заходил. Она в вашем распоряжении. Мне вы нисколько не мешаете.

У Стефана был такой вид, словно он утратил дар речи.

— Э-э-э... Спасибо. Спасибо вам огромное, но...

— Если ты боишься, что я кому-нибудь разболтаю, выкинь это из головы. Я сплетничать не люблю. Никогда не болтала языком и не собираюсь начинать. Как тебе сок? — Она неожиданно повернулась к Бонни.

Бонни торопливо сделала глоток.

— Вкусно, — честно призналась она.

— Когда допьете, выбросьте стаканчики в ведро. Я люблю, чтобы был порядок. — Миссис Флауэрс оглядела сарай, покачала головой и вздохнула. — Просто ужас. Такая милая девочка. — Она пристально посмотрела на Стефана. Ее глаза были похожи на бусинки из оникса. — Да, мой мальчик, на этот раз работы у тебя по горло.

И с этими словами она вышла, продолжая качать головой.

— Ну и дела! — протянула Бонни, удивленно глядя ей вслед. Остальные изумленно переглядывались.

— «Такая милая девочка»... Кого она имела в виду? — нарушила молчание Мередит. — Сью или Елену? — Прошлой зимой Елена прожила в этом самом амбаре целую неделю, но миссис Флауэрс, по идее, не должна была об этом знать. — Может, это ты сказал про нас? — спросила она у Дамона.

— Ни слова. — Дамон был удивлен не меньше остальных. — Она же просто старушка. Немного не в себе.

— Она соображает лучше, чем мы думали, — сказал Мэтт. — Помните, когда мы целыми днями смотрели, как она возится в подвале... как вы считаете, она была в курсе, что мы наблюдаем за ней?

— Не знаю, что и думать, — медленно проговорил Стефан. — Честно говоря, я просто рад, что она на нашей стороне. Кроме того, теперь у нас есть где укрыться.

— И виноградный сок, — усмехнулся Мэтт. — Хочешь? — Он протянул тонкий стаканчик Стефану.

— Да уж, пей свой сок и... — Стефан и сам почти улыбался. На какой-то миг Бонни увидела их такими, какими они были до смерти Елены. Друзья, которым так же легко друг с другом, как ей с Мередит. Острая боль пронзила ее.

«Но ведь Елена не умерла, — вдруг подумала она. — Сейчас мы ощущаем ее присутствие сильнее, чем когда-либо. Она руководит всем, что мы говорим или делаем».

Стефан снова стал серьезным.

— Когда зашла миссис Флауэрс, я как раз собирался сказать, что надо поторапливаться. Думаю, начать следует с Викки.

— Ничего не получится, — мгновенно откликнулась Мередит. — Ее родители никого к ней не пускают.

— Тогда придется их обойти, — сказал Стефан. — Дамон, ты идешь с нами?

— В гости к еще одной симпатичной девушке? Думаешь, я упущу такую возможность?

Бонни с тревогой посмотрела на Стефана. Выходя с ней из амбара, он успокаивающе сказал:

— Все будет нормально. Я глаз с него не спущу.

Бонни отчаянно на это надеялась.

6

Дом Викки стоял на углу, и они подошли к нему с переулка. Небо затянуло тяжелыми фиолетовыми тучами. Пробивавшийся из-за них свет выглядел так, словно они смотрели на него сквозь толщу воды.

— Кажется, будет буря, — сказал Мэтт.

Бонни посмотрела на Дамона. Ни он, ни Стефан не любили яркий свет. И она чувствовала, как от обоих исходит Сила, — словно низкое гудение, идущее откуда-то изнутри их тел.

Дамон улыбнулся и сказал, не поворачивая головы:

— Как насчет снега в июне?

Бонни усилием воли подавила дрожь.

Пока они были в амбаре, она иногда поглядывала на Дамона и каждый раз убеждалась, что он слушает ее рассказ с равнодушным и скучающим видом. У него, в отличие от Стефана, не дрогнул ни один мускул на лице, когда она упоминала имя Елены или рассказывала о смерти Сью. Что он на самом деле испытывал к Елене? Как-то раз он вызвал метель и оставил ее замерзать. Что он чувствует теперь? Хочет ли он вообще поймать убийцу?

— Это спальня Викки, — сказала Мередит. — Там, в эркере.

Стефан посмотрел на Дамона:

— Сколько еще людей в доме?

— Двое. Мужчина и женщина. Женщина пьяна.

«Бедная миссис Беннетт», — подумала Бонни.

— Мне надо, чтобы они заснули, — сказал Стефан.

Вопреки желанию, Бонни была заморожена волной Силы, исходившей от Дамона. Раньше ее экстрасенсорные способности были слишком слабыми, и она не могла до конца прочувствовать грубую энергию его Силы, но теперь все стало по-другому. Теперь она воспринимала ее так же отчетливо, как гаснущий сиреневый свет или запах жимолости, растущей под окном Викки.

Дамон пожал плечами:

— Они спят.

Стефан тихо постучал по стеклу кончиками пальцев.

Ничего не произошло — по крайней мере, Бонни ничего не заметила. Однако Стефан и Дамон переглянулись.

— Она уже наполовину в трансе, — сказал Дамон.

— Она напугана. Лучше я, меня она знает, — сказал Стефан и уперся пальцами в стекло. — Викки, это Стефан Сальваторе, — сказал он. — Я пришел помочь тебе. Пригласи меня в дом.

Он говорил тихо, и услышать его с той стороны было невозможно. Но все же через мгновение занавески раздвинулись, и за окном появилось лицо.

Бонни ахнула.

Длинные светло-русые волосы Викки были растрепаны, а кожа бела как мел. Огромные черные круги под глазами. Пересохшие и потрескавшиеся губы.

— Она как будто специально оделась, чтобы играть безумную Офелию, — срывающимся голосом выговорила Мередит. — Ночная рубашка, и все такое.

— У нее такой вид, как будто она во власти злых сил, — мрачно сказала Бонни.

Механически, как заводная кукла, Викки открыла одну из створок окна, и Стефан спросил:

— Можно войти?

Викки обвела всех остекленевшим взглядом. На секунду Бонни показалось, что она их не узнает. Потом она заморгала и медленно проговорила:

— Мередит... Бонни... Стефан? Ты вернулся. Что ты здесь делаешь?

— Пригласи меня в дом, Викки. — Голос Стефана был гипнотическим.

— Стефан... — последовала долгая пауза. — Заходи.

Она отошла от окна, и он, опершись на подоконник, запрыгнул в комнату. За ним последовал Мэтт, потом Мередит. Бонни, на которой была мини-юбка, осталась на улице с Дамоном. Она пожалела, что утром, собираясь в школу, не надела джинсы, но тогда она и предположить не могла, что им предстоит такая экспедиция.

— Ты не должен быть здесь, — сказала Викки Стефану ровным голосом. — Он придет, чтобы забрать меня. Он заберет и тебя.

Мередит обняла ее. Стефан спросил коротко:

— Кто?

— Он. Он приходил ко мне во сне. Он убил Сью. — Деловитое спокойствие Викки было страшнее любой истерики.

— Викки, мы пришли, чтобы помочь тебе, — ласково сказала Мередит. — Теперь все будет хорошо. Мы не позволим ему ничего с тобой сделать, честное слово.

Викки развернулась к Мередит. Она оглядела ее с ног до головы, словно увидела перед собой невиданное чудо. А потом начала смеяться.

Это было страшно. Хриплый хохот, похожий на сухой треск. Викки смеялась и смеялась, пока Бонни не захотелось заткнуть уши. Наконец Стефан сказал:

— Хватит, Викки.

Смех перешел в рыдания, а когда Викки снова подняла голову, ее взгляд был уже не столько остекленевшим, сколько тревожным.

— Вы все умрете, Стефан, — сказала она, качая головой. — Никто не может встать у него на пути и быть живым.

— Мы должны узнать о нем как можно больше, и тогда мы *сможем* встать у него на пути, — сказал Стефан. — Помоги нам. Расскажи, как он выглядит.

— Во сне я не могу его рассмотреть. Это тень без лица, — прошептала Викки, и ее плечи ссутулились.

— Но ты видела его в доме Кэролайн, — настаивал Стефан. — Викки, послушай, — добавил он, когда она резко отвернулась от него, — я знаю, что ты напугана, но это очень важно, важнее, чем ты можешь себе представить. Мы с ним не справимся, если не поймем, с чем имеем дело, а у тебя — и только у тебя — есть нужная информация. Ты должна нам

помочь.

— *Я не могу вспомнить...*

Голос Стефана был неумолим:

— Я знаю, как помочь тебе вспомнить, — сказал он. — Ты разрешишь мне?

Проползло несколько мучительных секунд. Наконец Викки испустила долгий, булькающий вздох, и все ее тело обмякло.

— Делай что хочешь, — равнодушно сказала она. — Все равно. Для меня это уже неважно.

— Ты храбрая девушка. Теперь посмотри на меня, Викки. Я хочу, чтобы ты расслабилась. Расслабься и смотри на меня. — Его интонации стали убаюкивающими. Прошло несколько минут, и глаза Викки закрылись.

— Сядь. — Стефан усадил ее на кровать, а сам, присев на корточки у ее ног, смотрел ей прямо в лицо. — Викки, тебе хорошо и спокойно. Что бы ты ни вспомнила, это не причинит тебе никакого вреда, — мягко говорил он. — Я хочу, чтобы ты вернулась к вечеру субботы. Ты в доме Кэролайн, на втором этаже, в большой спальне. С тобой Сью Карсон и кто-то еще. Мне надо, чтобы ты увидела...

— Нет! — Викки стала дергаться взад-вперед, словно старалась от чего-то убежать. — Нет! Я не могу...

— Викки, успокойся. Он тебе ничего не сделает. Он тебя не видит, а вот ты можешь увидеть его. Слушай меня.

Стефан говорил, и рыдания Викки затихли. Но она продолжала дергаться.

— Ты *должна* увидеть его, Викки. Помоги нам справиться с ним. Как он выглядит?

— *Он похож на дьявола!*

Это был почти вопль. Мередит, сидевшая рядом с Викки, схватила ее за руку, посмотрела через окно на Бонни, и та, вздрогнув, поглядела на нее в ответ расширившимися глазами. Бонни совершенно не понимала, что Викки имеет в виду.

— Расскажи подробнее, — хладнокровно сказал Стефан.

Рот Викки искривила гримаса. Ее ноздри раздувались, словно она почувствовала какой-то омерзительный запах. Когда она заговорила, то выговаривала каждое слово по отдельности, как будто они вызывали у нее тошноту.

— На нем... на нем старый плащ. Когда дует ветер, плащ хлопает его по ногам. Это он заставляет ветер дуть. У него светлые волосы. Почти белые. Они дыбом стоят вокруг его головы. Его глаза очень голубые. — Викки облизала губы и сглотнула, словно ее тошнило. — Голубой цвет — цвет смерти.

Послышались раскаты грома. Дамон быстро посмотрел вверх и нахмурился. Его глаза сузились.

— Он высокий. Он смеется. Он идет ко мне и смеется. Но тогда Сью кричит: «Нет, нет» — и пытается оттащить меня. Тогда он берет ее вместо меня. Стекло выбито, а за стеклом — балкон. Сью плачет и кричит: «Нет, пожалуйста». И тогда я вижу, как он... вижу, как он выбрасывает ее... — Викки начала задыхаться, а голос стал срываться.

— Все хорошо, Викки. На самом деле ты не там. Ты в безопасности.

— Пожалуйста, не надо! Нет!.. Сью! *Сью! Сью!*

— Викки, побудь со мной еще. Послушай меня. Я должен кое-что понять. Посмотри на него. Скажи, есть ли на нем синий драгоценный камень?..

Голова Викки моталась взад и вперед; она всхлипывала все громче и громче:

— Нет! Нет! Я следующая! Я следующая!

Внезапно она широко раскрыла глаза, словно вышла из транса. Она задыхалась. Потом резко повернула голову.

Картина, висящая на стене, мелко дрожала.

К ней присоединилось зеркало в бамбуковой раме, потом — флакончики с духами и тюбики с губной помадой на комод. С треском, как попкорн, со стойки попадали украшения. Дробный звук становился все громче. С вешалки упала соломенная шляпка. С

зеркала дождем посыпались фотографии. Кассеты и диски полетели с полок и разложились на полу, как розданные в начале партии игральные карты.

Вскочила Мередит, потом, сжав кулаки, — Мэтт.

— Сделайте что-нибудь! Сделайте что-нибудь! — пронзительно кричала Викки.

Но дрожь не прекращалась. Мэтт и Мередит озирались по сторонам и видели, как все больше и больше предметов пускается в пляс. Все, что можно было сдвинуть с места, вибрировало, дрожало, дергалось. В комнате как будто бушевало землетрясение.

— Хватит! Хватит! — кричала Викки, закрыв уши руками.

Прямо над домом, как взрыв, грохнул гром.

Бонни подпрыгнула от страха, когда небо рассек зигзаг молнии. Она инстинктивно ухватилась за что-то руками. И ровно в ту же секунду, когда сверкнула молния, висевший на стене комнаты постер словно разрезало по диагонали невидимым ножом. Бонни подавила крик ужаса и крепче сжала пальцы.

А потом в одно мгновение все прекратилось. Как будто кто-то выключил рубильник.

В комнате стало тихо. Медленно покачивалась бахрома торшера. Постер свернулся двумя маленькими рулончиками. Викки медленно опустила руки.

Мэтт и Мередит потрясенно озирались по сторонам.

Бонни зажмурилась и пробормотала что-то вроде молитвы. И лишь снова открыв глаза, она увидела, за что схватилась. Под пальцами у нее была мягкая и холодная кожаная куртка. Рукав Дамона.

Он не отстранился от нее, он вообще не шевелился. Чуть наклонившись вперед и прищурившись, он внимательно оглядывал комнату.

— Посмотрите на зеркало, — сказал он.

Все послушались. Бонни задохнулась и снова с силой сжала пальцы. Она не заметила, когда именно это появилось, но понимала: когда в комнате творилось безумие.

На зеркале в бамбуковой раме были три слова, написанные коралловой губной помадой Викки.

Спокойной ночи, милая.

— Господи, — прошептала Бонни.

Стефан повернулся и посмотрел на Викки. «Как он вдруг изменился, — подумала Бонни, — он двигается непринужденно, но внутренне собранно, как воин, узнавший о предстоящей битве. Или как дуэлянт, только что получивший вызов».

Стефан достал из заднего кармана какой-то сверток и развернул его. Там оказались веточки с длинными зелеными листьями и лиловыми цветочками.

— Это вербена. Свежая вербена, — сказал он тихо, ровным и настойчивым голосом. — Я нарвал ее неподалеку от Флоренции; сейчас она там в цвету. — Он взял руку Викки и вложил в нее сверток. — Я хочу, чтобы ты всегда держала ее при себе. Разложи понемножку в каждой комнате, а если получится, то спрячь в одежду родителей, чтобы она была и у них. Если у тебя будет вербена, он никогда не сможет завладеть твоим разумом. Он может напугать тебя, Викки, но не заставит тебя сделать что-нибудь — например, открыть для него окно или дверь. И еще одно, Викки. Это очень важно.

Викки дрожала, ее лицо сморщилось. Стефан взял обе ее руки в свои, заставив смотреть ему в глаза, и продолжал говорить, медленно и с расстановкой:

— Если я правильно понимаю, Викки, он не сможет войти в дом, если ты ему не разрешишь. Поговори с родителями. Скажи им, что очень важно, чтобы они не впускали в дом посторонних. Впрочем, я сам могу внушить им это прямо сейчас. — Он бросил взгляд на Дамона, который пожал плечами и кивнул с таким видом, словно его от чего-то отвлекли. Бонни отпустила рукав его куртки.

Викки склонилась к вербене.

— Он все равно придет, — сказала она тихо, но с такой уверенностью, что от ее слов повеяло жутью.

— Нет, Викки. Послушай меня. С этого момента мы будем наблюдать за домом. Мы

будем его караулить.

— Это *не имеет значения*, — сказала Викки. — Вам его не остановить. — Она начала смеяться и плакать одновременно.

— И все-таки мы попробуем, — сказал Стефан. Он посмотрел на Мерedit и Мэтта, и те кивнули. — Отлично. Больше ты ни на секунду не останешься одна. Как минимум один из нас все время будет присматривать за тобой с улицы.

Викки только покачала опущенной головой. Мерedit стиснула ее руку и встала, а Стефан мотнул головой в сторону окна.

Когда все оказались на улице, Стефан сказал негромко:

— Оставлять ее без охраны нельзя, но сам я сейчас не могу дежурить. У меня есть одно дело, и мне надо, чтобы со мной пошел кто-то из девушек. Оставлять здесь Бонни или Мерedit одну я тоже не хочу, — он обернулся к Мэтту: — Мэтт, ты не мог бы...

— Я останусь, — сказал Дамон.

Все в изумлении уставились на него.

— Но ведь это логично, нет? — Дамон, казалось, был искренне удивлен. — Или ты считаешь, что *они* смогут что-то сделать, столкнувшись с ним?

— Они вызовут *меня*. Я могу читать их мысли на очень большом расстоянии, — сказал Стефан. Он явно не хотел уступать позиции.

— А-а, ну-ну, — протянул Дамон. — В случае чего я тоже могу тебя вызвать, братишка. Просто от ваших изысканий у меня уже скулы сводит. В конце концов, здесь не хуже, чем в любом другом месте.

— Ей нужен защитник, а не насильник, — сказал Стефан.

Улыбка Дамона была просто обворожительной.

— Ты про *это*? — Кивком головы он показал на девушку, которая по-прежнему сидела на кровати, склонившись над вербеной. Вся ее фигура, от растрепанных волос до босых ног, являла собой не самое привлекательное зрелище. — Извини, братишка, но я легко найду что-нибудь получше. — На секунду Бонни показалось, что черные глаза, сверкнув, метнулись в ее сторону. — Ты всегда говорил, что хотел бы мне доверять, — добавил он. — У тебя появился шанс доказать, что это правда.

Казалось, Стефан искренне хотел ему поверить. Но все-таки подозрительное выражение не исчезло с его лица. Дамон ничего не говорил, он просто улыбался, хитро и загадочно. «Он как будто хочет сказать: нет, мне *нельзя* доверять», — мелькнуло у Бонни в голове.

Два брата стояли и смотрели друг на друга, и в воздухе повисло напряженное молчание. Бонни отчетливо увидела, как они похожи: один — серьезный и сосредоточенный, другой — иронично-покорный, но оба потрясающе красивые.

Стефан медленно вздохнул.

— Ладно, — сказал он наконец вполголоса. Бонни, Мэтт, Мерedit — все смотрели на Стефана, но он, казалось, их не замечал. Он обращался к Дамону так, словно кроме них здесь никого не было. — Стой тут, у дома, так, чтобы тебя никто не заметил. Когда я закончу со своими делами, то вернусь и подменю тебя.

Брови Мерedit взлетели так высоко, что казалось, они вот-вот коснутся волос, но она не сказала ни слова. Бонни старалась подавить чувство беспокойства. «Стефан знает, что делает, — сказала она себе. — По крайней мере, я на это *надеюсь*».

— Постарайся не задерживаться, — сказал Дамон спокойно.

Они ушли, оставив Дамона, почти неразличимого в сумерках на фоне черных грецких орехов, которые росли на заднем дворе дома Викки, — и саму Викки, по-прежнему сидевшую, раскачиваясь взад-вперед.

Когда они сели в машину, Мерedit спросила:

— Куда теперь?

— Хочу проверить одну гипотезу, — коротко сказал Стефан.

— Что убийца — вампир? — спросил Мэтт с заднего сиденья, где он сидел вместе с

Бонни.

Стефан бросил на него внимательный взгляд.

— Да.

— Поэтому ты сказал Викки, чтобы она никого не приглашала в дом? — спросила Мередит, явно не желавшая оставаться в стороне от бурной интеллектуальной деятельности. «Вампиры, — вспомнила Бонни, — не могут зайти в помещение, где живут и спят люди, если их туда не пригласить». — И поэтому спросил, не было ли у него синего камня?

— Амулет против солнечного света, — сказал Стефан, протягивая вперед правую руку. На среднем пальце красовалось серебряное кольцо с лазуритом. — Без него прямые лучи солнца нас убивают. Если убийца — действительно вампир, на нем должен быть такой камень. — Словно бы машинально Стефан потрогал что-то под футболкой. Через секунду Бонни сообразила, что это.

Кольцо Елены. Стефан дал ей это кольцо с самого начала, а после ее смерти забрал его себе и повесил на цепочку. «Чтобы у меня всегда была какая-то ее вещь», — сказал он тогда.

Бонни обернулась к сидевшему рядом с ней Мэтту и увидела, что его глаза закрыты.

— Как мы узнаем, вампир это или нет? — спросила Мередит.

— Я знаю только один способ, и он не из приятных. Но других вариантов у нас нет.

У Бонни екнуло сердце. Если этот способ даже для Стефана «не из приятных», то что говорить о ней?

— И что это за способ? — уныло спросила она.

— Я должен осмотреть тело Сью.

Повисла мертвая тишина. Даже обычно невозмутимая Мередит, казалось, была не в своей тарелке. Мэтт отвернулся и уперся головой в стекло.

— Ты издеваешься? — спросила Бонни.

— К сожалению, нет.

— Но ведь... Боже мой, Стефан! Ничего не получится. Нас туда не пустят. Что мы им скажем? «Извините, пожалуйста, мы хотим осмотреть тело и проверить, нет ли на нем подозрительных дырочек»?

— Бонни, прекрати, — сказала Мередит.

— Даже не подумаю, — огрызнулась Бонни. — Это чудовищная идея. И, кроме того, полиция уже осматривала тело и не нашла ничего, кроме травм, полученных при падении.

— Полицейские не знали, что искать, — сказал Стефан. В его голосе зазвенела сталь. И это заставило Бонни вспомнить нечто, о чем она старалась забыть. Стефан был одним из *них*. Из охотников. Ему уже приходилось видеть мертвецов. Может быть, некоторых из них убил он сам.

«Он пьет кровь», — подумала она и содрогнулась.

— Ну что? — спросил Стефан. — Вы еще со мной?

Бонни попыталась как можно глубже вжаться в сиденье. Мередит изо всех сил вцепилась в руль. И тут, повернувшись к ним, заговорил Мэтт, который до этого смотрел в окно.

— У нас же нет выбора? — спросил он устало.

— Прощание с покойными в похоронном бюро с девятнадцати до двадцати двух, — вполголоса сказала Мередит.

— Тогда придется подождать, пока прощание закончится. Похоронное бюро запрут, и мы сможем остаться с ней наедине, — сказал Стефан.

* * *

— Ничего более жуткого мне в жизни не приходилось делать, — тоскливо прошептала Бонни. В похоронном бюро было тихо и холодно. Перед этим Стефан вскрыл наружный замок тоненькой скрепкой.

Зал последнего прощания был устлан коврами, стены обиты древесиной дуба. Даже при

свете дня это было мрачное место; в темноте же казалось, что его вызывающая приступ удушья теснота таит в себе бесконечное множество каких-то гротескных, уродливых фигур. Возникало ощущение, что за каждой из бесчисленных цветочных композиций кто-то прячется.

— Мне здесь совсем-совсем не нравится, — жалобно сказала Бонни.

— Раньше начнем — раньше закончим, — сжав зубы, процедил Мэтт.

Он включил фонарик, и Бонни старалась глядеть куда угодно, только не туда, куда светил его луч. Она не хотела смотреть на гроб. Не хотела. Она стала рассматривать цветы. Сердечко, выложенное из красных роз. Где-то за стенами здания, как спящий зверь, урчал гром.

— Теперь его надо открыть... вот тут, — говорил Стефан. Хотя Бонни и не собиралась смотреть, но все-таки посмотрела.

Внутри прямоугольный гроб был обит белой тканью со светло-розовыми полосками. На этом фоне светлые волосы Сью светились, как у сказочной спящей красавицы. Но Сью была не похожа на спящую. Она была слишком бледной, слишком неподвижной, словно восковой.

Бонни подошла поближе и всмотрелась в ее лицо.

«Так вот почему здесь так холодно, — догадалась она. — Чтобы воск не таял». Ей стало чуть легче.

Стефан протянул руку и дотронулся до розовой блузки с высоким воротником. Он расстегнул верхнюю пуговицу.

— О господи, — оскорбленно прошептала Бонни.

— А для чего мы, по-твоему, сюда пришли? — сердито прошептал в ответ Стефан. Но его пальцы замерли над второй пуговицей.

Бонни посмотрела еще немножко, а потом приняла решение.

— Отойди, — сказала она, а когда Стефан чуть замешкался, отпихнула его. Мередит встала вплотную к ней, и теперь они образовали живую стенку между телом Сью и парнями. Они понимающе переглянулись. Если действительно придется снять со Сью блузку, пусть мальчики пока погуляют.

Бонни расстегивала маленькие пуговицы, а Мередит держала фонарь. На ощупь кожа Сью была такой же восковой, как и на вид, а когда Бонни касалась ее кончиками пальцев, то чувствовала холод. Бонни неловко отвернула ворот блузки, под которой оказалось белое кружевное белье. Потом, собравшись с духом, она отодвинула блестящие золотые волосы Сью от бледной шеи. Волосы были твердыми от лака.

— Никаких отметин, — сказала она, рассматривая горло. Она была горда тем, что ее голос почти не дрожал.

— Это правда, — каким-то странным голосом сказал Стефан, — но есть кое-что другое. Посмотрите. — Он аккуратно обогнул Бонни и показал пальцем на шрам, тонкий и светлый, как и кожа вокруг него, однако вполне различимый — тонкая линия, тянущаяся от ключицы до груди. Она вела прямо к сердцу. Длинный палец Стефана проплыл в воздухе вдоль этой линии, и Бонни замерла, готовая ударить его руку, если она дотронется до кожи.

— Что это? — недоуменно спросила Мередит.

— Загадка, — сказал Стефан. Голос у него по-прежнему был странным. — Такой шрам у вампира означает, что он давал свою кровь человеку. Так всегда делается. Человеческим зубам не прокусить нашу кожу, и если мы собираемся поделиться своей кровью с человеком, то сами делаем надрез. Но Сью не была вампиром.

— Естественно, не была! — воскликнула Бонни.

Она пыталась отогнать от себя картину, которую тут же услужливо нарисовало ее воображение. На груди Стефана есть точно такой же надрез. Елена наклоняется над ним и впивается, всасывается в него...

Она содрогнулась и поняла, что зажмурилась.

— Что-нибудь еще надо осмотреть? — сказала она, открывая глаза.

— Нет. Это все.

Бонни застегнула пуговицы. Поправила волосы Сью. А потом, пока Мередит и Стефан укладывали крышку гроба на место, медленно вышла из зала и подошла к входной двери. Там она остановилась и стояла, обхватив себя руками.

Кто-то дотронулся до ее локтя. Это был Мэтт.

— Ты сильнее, чем кажешься, — сказал он.

— Да, пожалуй... — Она попыталась пожать плечами. И вдруг расплакалась навзрыд. Мэтт обнял ее.

— Я понимаю, — сказал он. И все. Он не сказал: «не надо плакать», «не принимай близко к сердцу» или «все будет хорошо». Только эти два слова. «Я понимаю».

— У нее волосы все в лаке, — всхлипывала она. — Сью *никогда* не пользовалась лаком для волос. Это ужасно. — Почему-то сейчас ей казалось, что это — самое страшное.

А он молча держал ее в объятиях.

Через некоторое время Бонни пришла в себя. Она почувствовала, что вцепилась в Мэтта слишком крепко, почти до боли, и ослабила руки.

— Я тебе все рубашку намочила, — сказала она виновато, шмыгая носом.

— Не имеет значения.

В его голосе было что-то такое, что заставило ее отступить на шаг и всмотреться в него. Он был таким же, как тогда, на школьной парковке. Таким потеряннным, таким... опустошенным.

— Мэтт, что с тобой? — прошептала она. — Пожалуйста, скажи мне.

— Я уже говорил, — сказал он. Он смотрел куда-то в сторону, далеко. — Здесь лежит мертвая Сью, хотя так не должно быть. Ты сама говорила, Бонни. Чего стоит мир, в котором происходят такие вещи? Мир, в котором девушек вроде Сью убивают за просто так, в котором голодают дети Афганистана, а с детенышей китов заживо сдирают шкуру?.. Если мир таков, что вообще может иметь значение? Всему и так конец. — Он сделал паузу и, казалось, опомнился. — Ты понимаешь, о чем я?

— Не уверена. — Бонни подумала, что, пожалуй, ей и не хочется понимать. Слишком страшно. Но ее охватило острое желание пожалеть его, сделать что-нибудь, чтобы это отчаяние исчезло с его лица. — Мэтт, я...

— Мы закончили, — раздался голос Стефана позади.

Мэтт обернулся на голос, и выражение его лица стало еще безнадежнее.

— Иногда я думаю, что мы уже все закончили, — сказал он, отодвигаясь от Бонни, но не стал объяснять, что он имеет в виду. — Поехали.

7

Стефан приближался к дому на углу нехотя, заранее боясь того, что он может там увидеть. Он уже почти не сомневался, что Дамон бросил свой пост. И вообще — надо быть полным идиотом, чтобы положиться на Дамона.

Но, дойдя до заднего двора, он заметил, как между черными грецкими орехами скользнула какая-то тень. Его глаза, глаза охотника, более зоркие, чем у людей, разглядели черную фигуру, прислонившуюся к дереву.

— Ты не очень-то торопился.

— Надо было развести всех по домам, убедиться, что с ними все в порядке. И поесть.

— Животная кровь, — брезгливо сказал Дамон, всматриваясь в маленькое круглое пятнышко на футболке Стефана. — Судя по запаху, кролик. Впрочем, для тебя сойдет.

— Дамон, я дал вербену Бонни и Мередит...

— Разумная предосторожность, — ответил Дамон и оскалился.

Стефан испытал привычный прилив раздражения. Ну почему с Дамоном всегда так сложно? Почему любой разговор с ним обязательно превращается в прогулку по минному полю?

— Я пошел, — продолжал Дамон, забрасывая куртку через плечо. Он обернулся и улыбнулся зловещей улыбкой. — Не жди к ужину.

— Дамон!

Дамон остановился вполборота к нему. Он не смотрел на Стефана, но слушал внимательно.

— Меньше всего нам надо, чтобы какая-нибудь девушка в городе завопила: «Вампир!» — сказал Стефан. — Или показала кому-нибудь отметины. Здесь жителям уже приходилось сталкиваться с подобным, и они поймут, что это значит.

— Я учту. — Это было сказано с издевкой, но из всего, что Стефан слышал от брата за всю жизнь, эта фраза больше всего напоминала обещание.

— И еще одно. Дамон...

— Что?

— Спасибо тебе.

А вот это было лишнее. Дамон резко развернулся. Глаза его были холодными и недобрыми. Чужими.

— Не жди от меня ничего, братишка, — сказал он с угрозой в голосе. — Потому что обязательно разочаруешься. И не воображай, что сможешь мною манипулировать. Три этих человеческих существа, может быть, и пойдут за тобой, а я — нет. Я пришел сюда, потому что у меня есть свой интерес.

Он ушел прежде, чем Стефан нашелся, что ему ответить. Впрочем, какая разница? Дамон все равно никогда его не слушал. Даже по имени никогда не обращался. Только это высокомерное «братишка».

«И вот теперь он ушел доказывать свою ненадежность», — подумал Стефан. Замечательно. Он может выкинуть какую-нибудь мерзость только для того, чтобы продемонстрировать Стефану, что способен на нее.

Усталый, Стефан выбрал дерево, прислонился к нему спиной, присел на корточки и стал смотреть в ночное небо. Он попытался проанализировать то, что им было известно раньше, и то, что он узнал этим вечером. «Викки описала убийцу — высокий, светловолосый, голубоглазый», — думал он... Это описание кого-то ему напоминало. Кого-то, кого он сам не видел, хотя и слышал о нем...

Бесполезно. Сосредоточиться на загадке ему не удавалось. Он устал, ему было одиноко и отчаянно хотелось покоя. Но жестокая правда жизни заключалась в том, что никакого покоя не предвиделось.

«Ты сказала мне неправду, Елена», — подумал он.

Была одна фраза, одно обещание, которое она повторяла вновь и вновь. «Что бы ни случилось, Стефан, я буду с тобой. Скажи, что ты мне веришь». И он твердил, не в силах сопротивляться магии ее слов: «Да, Елена, верю. Что бы ни случилось, мы будем вместе».

Но она бросила его. Пусть и не по своей воле, но, в конечном счете, какое это имело значение? Она ушла и оставила его одного.

Бывали минуты, когда единственное, чего ему хотелось, — это отправиться за ней.

«Надо срочно подумать о чем-то другом, о чем-то другом», — твердил он себе, но было слишком поздно. Вырвавшиеся наружу воспоминания о Елене витали вокруг него, слишком болезненные, чтобы их можно было вынести, и слишком прекрасные, чтобы прогонять их.

Их первый поцелуй. Потрясение от пьянящей сладости ее губ, соприкоснувшихся с его губами. Потом — новые потрясения, одно за другим, все более и более сильные. Елена словно бы проникла в сокровенные глубины его существа, те глубины, о которых он сам почти успел забыть.

Тогда он испугался — ему показалось, что рушится его защита. Все его тайны, все средства обороны, все хитрости, которые он пускал в ход, чтобы не позволять никому приближаться к себе, — Елена сломала все это и обнажила его уязвимые стороны.

Обнажила его душу.

И наконец он понял, что сам этого хотел. Он хотел, чтобы Елена увидела его без

защитных механизмов, без возведенных им самим стен. Он хотел, чтобы она узнала его таким, какой он на самом деле.

Страшный? Да. Когда она наконец узнала его секрет, когда увидела, как он пожирал птицу, его скрутило от стыда. Он был уверен, что при виде крови у него на губах она в ужасе и омерзении отвернется от него.

Но когда той ночью он заглянул ей в глаза, то увидел там понимание. Прощение. Любовь.

Ее любовь исцелила его.

И тогда он понял, что они никогда не смогут обойтись друг без друга.

Стали всплывать другие воспоминания, и Стефан жадно хватался за них, несмотря на то что они, словно острые когти, разрывали его сердце. Ощущения. Елена, такая нежная в его объятиях. Прикосновение ее волос к его щеке, легкое, как крылышко мотылька. Линия ее губ, их вкус. Потрясающая полуночная синева ее глаз.

Ничего этого больше нет. Все это навсегда исчезло для него.

Но ведь Бонни нашла Елену. Дух Елены, ее душа все еще блуждали где-то рядом.

И он мог бы ее призвать. Кто как не он? В его распоряжении была Сила. И у него было больше прав искать ее, чем у кого бы то ни было.

Он знал, как это делается. Надо закрыть глаза. Представить себе человека, которого хочешь вызвать. Это просто. Он мог увидеть Елену, ощутить ее. Потом — позвать, послав в пространство свою тоску и свое страдание. Распахнуть душу и добиться того, чтобы призыв был услышан.

Это еще проще. Ему было плевать на любую опасность. Он собрал всю свою тоску, всю свою боль и отправил их на поиски, как молитву.

И... ничего не почувствовал.

Только пустоту и собственное одиночество. Только молчание.

Его Сила была не такой, как у Бонни. Он не смог прикоснуться к той, которую любил больше всего на свете, к той единственной, которая имела для него значение.

Еще никогда в жизни он не чувствовал себя таким одиноким.

* * *

— *Чего-чего* ты хочешь? — переспросила Бонни.

— Найти материалы по истории города Феллс-Черч. В первую очередь — все, что касается основателей города, — сказал Стефан. Они все вместе сидели в машине Мередит, стоявшей на некотором расстоянии от дома Викки. Был вечер следующего дня, и все, кроме Стефана, только что вернулись с похорон Сью.

— Это как-то связано со Сью? — Взгляд темных глаз Мередит, таких спокойных и умных, сейчас был устремлен на Стефана. — Думаешь, ты разгадал загадку?

— Не исключено, — проговорил он. Весь сегодняшний день он размышлял. Он сумел стряхнуть боль прошлой ночи и снова взял себя в руки. Пускай он не смог вызвать Елену — все равно он докажет, что она не напрасно верила в него. Он сделает то, чего она хотела. Он сосредоточился на деле, и это его успокаивало. Позволяло не поддаваться эмоциям.

— У меня есть идея насчет того, что здесь произошло, — добавил он, — но это долгая история, и мне не хотелось бы рассказывать, пока я не удостоверюсь.

— Почему? — запротестовала Бонни. «Как она не похожа на Мередит», — подумал Стефан. Огненно-рыжие волосы и такой же темперамент. Тонкое лицо в форме сердечка и светлая, прозрачная кожа производили обманчивое впечатление. Бонни была умна и находчива, пускай даже сама только-только начала это осознавать.

— Потому что, если я ошибся, могут пострадать невинные. Пойми, пока это только догадки. Но я обещаю: если сегодня ночью я найду доказательства своей правоты, то все вам расскажу.

— Может, поговоришь с миссис Гримсби? — посоветовала Мередит. — Она работает в

городской библиотеке и многое знает об основании Феллс-Черч.

— Опять-таки Онория, — сказала Бонни. — Она же была одной из основательниц города.

Стефан бросил на нее короткий взгляд.

— Я так понял, что Онория Фелл перестала с тобой разговаривать, — сказал он, осторожно подбирая слова.

— Я не имею в виду, чтобы ты поговорил *с ней*. Ее нет — пшшш, испарилась, — досадливо поморщилась Бонни. — Я имею в виду ее дневник. Он в библиотеке, вместе с дневником Елены. Миссис Гримсби выложила их на стенд у абонементного стола.

Стефан был удивлен. Ему не понравилось, что дневник Елены выставлен на всеобщее обозрение, но записки Онории могли оказаться именно тем, что он искал. Онория Фелл была не просто мудрой женщиной; она была прекрасно осведомлена о делах потусторонних. Она была колдуньей.

— Библиотека уже закрыта, — сказала Мередит.

— Это даже лучше, — сказал Стефан. — Никто не узнает, чем мы интересуемся. Думаю, двое пойдут туда, а двое останутся дежурить здесь. Мередит, если ты пойдешь со мной...

— Я бы посидела тут, если не возражаешь, — сказала Мередит. — Устала, — пояснила она, увидев, что он изменился в лице. — Быстрее отдежурю — быстрее вернусь домой. Почему бы тебе не пойти с Мэттом? А мы с Бонни посидим тут.

Стефан по-прежнему не сводил с нее глаз.

— Ладно, — медленно сказал он. — Хорошо. Если только Мэтт не возражает. — Мэтт пожал плечами. — Значит, так и сделаем. Это займет часа два, а то и больше. Сидите в машине и заблокируйте дверцы. Тогда вы будете в безопасности.

Если его подозрения верны, то новых нападений можно еще какое-то время не опасаться — по крайней мере, ближайшие несколько дней. С Бонни и Мередит *ничего не должно было случиться*. Но теперь его мучил вопрос, что стоит за отказом Мередит. Он был уверен, что дело тут не только в усталости.

— Кстати, а где Дамон? — спросила Мередит, когда они с Мэттом уже собрались уходить.

Стефан почувствовал, как напряглись мышцы его живота.

— Не знаю.

Он ждал, что кто-нибудь задаст этот вопрос. Он не видел брата с прошлой ночи и не имел ни малейшего представления о том, чем он сейчас занят.

— Рано или поздно он даст о себе знать, — сказал он и захлопнул дверцу со стороны водительского кресла, где сидела Мередит. — Чего я, собственно говоря, и опасаясь.

Всю дорогу до библиотеки они с Мэттом шли молча, стараясь держаться тени и избегая освещенных участков. Он не мог позволить себе, чтобы его заметили. Хотя Стефан вернулся, чтобы помочь городу Феллс-Черч, он явственно ощущал, что город Феллс-Черч не хочет его помощи. Он был здесь незванным гостем, чужаком. Если его поймут, ему не поздоровится.

Вскрыть замок на двери библиотеки оказалось легко — элементарный пружинный механизм. Дневники были именно там, где говорила Бонни.

Усилием воли Стефан остановил уже протянутую к дневнику Елены руку. Там были записи, сделанные в последние дни ее жизни, написанные ее почерком. Если он сейчас начнет об этом думать...

Он сосредоточил все внимание на лежащей рядом книге в кожаном переплете. Разбирать выцветшие чернила на пожелтевших страницах было нелегко, но через несколько минут его глаза привыкли к мелкому сложному почерку с изысканными завитками.

В дневнике рассказывалась история Онории Фелл и ее мужа, которые вместе со Смоллвудами и еще несколькими семьями давным-давно пришли сюда, в эти пустынные места. Им угрожала не только оторванность от внешнего мира и голод, но и дикая природа. Онория рассказывала об их жизни просто и откровенно, без всякой сентиментальности.

На этих страницах Стефан нашел то, что искал.

Покрутив затекшей шеей, он внимательно перечитал запись. Потом откинулся на спинку стула и закрыл глаза.

Он был прав. Сомнения развеялись. Значит, он правильно понял, что именно произошло недавно в Феллс-Черч. На секунду его охватил приступ бешеной ярости, и ему захотелось рвать, крушить, терзать. Сью. Прелестная Сью, подруга Елены, погибла... ради *этого*. Кровавый ритуал, кощунственное посвящение. Ему хотелось *убивать*.

Потом приступ ярости миновал, и на смену ему пришла страстная решимость остановить то, что происходит, и навести порядок.

«Я обещаю тебе, — прошептал он, мысленно обращаясь к Елене, — я остановлю это. Не знаю, каким способом, но остановлю».

Он поднял глаза и увидел, что Мэтт смотрит на него.

Мэтт держал в руках дневник Елены, заложив его большим пальцем. Сейчас его глаза были такими же темно-синими, как у Елены. Слишком темными, полными смятения, грусти и чего-то похожего на ожесточение.

— Ты нашел, что искал, — сказал Мэтт. — И то, что ты нашел, очень плохо.

— Да.

— Чего, в сущности, и следовало ожидать. — Мэтт вернул дневник Елены на полку. В его голосе слышалось чуть ли не удовлетворение. Как у человека, чьи ожидания только что подтвердились.

— Я мог бы сэкономить твоё время. — Мэтт обвел глазами темную библиотеку, позвякивая мелочью в кармане. При взгляде на него могло показаться, что он спокоен, но голос его выдавал. Он звенел от напряжения. — Представь себе самое худшее, что только может быть, — и попадешь в точку, — закончил он.

— Мэтт... — Стефан почувствовал укол беспокойства. После своего прибытия в Феллс-Черч он был слишком занят, чтобы внимательно присмотреться к Мэтту. Только теперь он понял, что это непростительная глупость. Что-то в Мэтте было ужасающе неправильно. Все его тело было напряжено. А разум, чувствовал Стефан, погружен в боль и отчаяние.

— Что с тобой, Мэтт? — тихо спросил Стефан. Он встал и подошел к нему. — Я что-то сделал не так?

— Я в норме.

— Ты дрожишь.

Это было правдой. По натянутым мускулам Мэтта пробегали судороги.

— Говорю тебе: я в норме! — Мэтт отшатнулся от него и защитным жестом свел плечи. — И вообще — что ты мог сделать не так? Ну разве что увел у меня девушку и позволил ее убить.

Этот укол был другим. Удар был направлен в сердце Стефана — и попал прямо в цель. Как лезвие, когда-то давно убившее его. Стефан попытался дышать ровно. Он не доверял себе и поэтому предпочел ничего не говорить.

— Прости меня. — Голос Мэтта был свинцово-тяжелым, а когда Стефан взглянул на него, то увидел, что напряженные плечи опустились. — Это было скотство — так говорить.

— Ты сказал чистую правду. — Стефан помедлил, а потом добавил ровным голосом: — Но дело ведь не только в этом, верно?

Мэтт не ответил. Он смотрел в пол, ковыряя что-то невидимое носком ботинка. В тот момент, когда Стефан уже отчаялся что-нибудь услышать, он поднял на него глаза и задал ответный вопрос:

— Мир. Какой он на самом деле?

— Какой... что?

— Мир. Ты его повидал, Стефан, у тебя ведь было лет четыреста-пятьсот форы, так? И я хочу спросить. Мир, в общем и целом, стоит того, чтобы его спасать? Или он, в общем и целом, просто большая куча дерьма?

— Ох! — Стефан закрыл глаза.

— А люди, а, Стефан? Род человеческий. Кто мы такие — болезнь или просто симптом? Вот смотри. Возьмем кого-нибудь, например... например, Елену, — на мгновение голос Мэтта дрогнул, но он продолжил: — Елена пожертвовала жизнью, чтобы в этом городе могли спокойно жить такие девушки, как Сью. А теперь Сью мертва. Все началось заново. И никогда не закончится. Нам не победить. Какие ты делаешь из этого выводы?

— Мэтт...

— Вот что я хочу спросить на самом деле: в чем смысл? Может, все это — какая-то космическая шутка, которой я не понимаю? Или просто огромная идиотская ошибка? Понимаешь, что я хочу сказать?

— Понимаю, Мэтт. — Стефан сел и запустил пальцы в волосы. — Если ты помолчишь минутку, я попытаюсь ответить тебе.

Мэтт пододвинул стул и сел на него верхом:

— Поехали. Ты уж постарайся.

Он смотрел на него угрюмо и вызывающе, но Стефан видел, что за этим взглядом скрывается невыносимая боль.

— Я повидал много зла, Мэтт, больше, чем ты можешь себе представить, — начал Стефан. — Я сам творил зло. Зло всегда будет частью моей натуры, как бы я этому ни сопротивлялся. Иногда мне казалось, что человеческая раса — зло, намного большее, чем наша. Иногда — что в обеих наших расах так много тех, кто сеет зло, что уже неважно, что происходит со всеми остальными.

Впрочем, если разобраться, то я знаю ненамного больше, чем ты. Нет, я не могу тебя утешить: мол, конечно, смысл есть. Или: да, рано или поздно все будет хорошо. — Стефан посмотрел Мэтту в глаза и сказал, тщательно подбирая слова: — Но у меня к тебе встречный вопрос. Ну и что тогда?

Мэтт уставился на него.

— И что тогда?

— Вот именно. И что тогда?

— Если вселенная — это зло и, как ни старайся что-нибудь исправить, все равно все без толку? — В голосе Мэтта все отчетливее звучало недоверие.

— Да, именно. Ну и что тогда? — Стефан наклонился вперед. — Что ты, Мэтт Ханикат, станешь делать, если окажется, что все, что ты сказал, — правда? Что будешь делать ты, лично ты? Сложишь руки и поплывешь по течению?

Мэтт крепко сжал спинку стула.

— Ты это о чем?

— Можно ведь и так — просто плыть по течению. Дамон все время это твердит. Можно встать на сторону зла — ведь зло всегда побеждает. И никто тебя не упрекнет. Ведь если весь мир таков, то с какой стати ты должен быть другим?

— К чертям собачьим! — заорал Мэтт. В его синих глазах пылал огонь; он даже привстал со стула. — Пускай Дамон так и делает! Но, даже если мы проиграли, это не повод сидеть сложа руки. Даже если я буду точно знать, что мы проиграли, я все равно буду бороться. Проклятье, я должен бороться!

— Я знаю. — Стефан откинулся на спинку, и на его губах промелькнула слабая улыбка. Она была усталой, эта улыбка, но в ней ясно читалось, что в этот момент он чувствует внутреннюю близость с Мэттом. А через секунду он догадался по лицу Мэтта, что тот это понял.

— Я знаю. И я тоже так считаю, — продолжал Стефан. — Нельзя сдаваться только потому, что у нас мало шансов. Мы должны бороться, потому что иначе остается только одно — сдаться.

— Я *не собираюсь* сдаваться, — стиснув зубы, сказал Мэтт. Наконец-то пламя, которое все это время пылало глубоко внутри, пробилось наружу. — Ни в чем. И никогда.

— Никогда — это довольно долгий срок, — усмехнулся Стефан. — В общем, не знаю,

стоит оно того или не стоит, но я тоже собираюсь бороться. Я понятия не имею, есть ли у меня шансы. Но я попытаюсь.

— Это единственное, что мы можем, — сказал Мэтт. Он медленно встал и выпрямился. Напряжение ушло из его мышц, а глаза опять стали голубыми, пронзительными — такими, какими их помнил Стефан. — Ладно, — тихо закончил он. — Если ты нашел то, что искал, лучше бы нам вернуться к девушкам.

Стефан задумался, стараясь переключиться.

— Мэтт, если я все понял правильно, то в ближайшее время девушкам ничего не грозит. Хотя все равно будет лучше, если ты их подменишь. А я почитаю еще кое-что, раз уж пришел сюда. Был такой человек, по имени Гервасий Тильберийский,³ который жил в начале XIII века.

— Еще до тебя? — ухмыльнулся Мэтт, и на лице Стефана появилась тень улыбки. Секунду они стояли молча, глядя друг на друга.

— Договорились. Думаю, встретимся у дома Викки. — Мэтт пошел было к двери, но тут же остановился. Внезапно он снова обернулся и протянул руку: — Я рад, что ты вернулся, Стефан.

Стефан пожал его руку:

— А я рад, что ты это сказал.

Больше он не произнес ни слова, но где-то внутри почувствовал тепло, которое чуть-чуть смягчило острую боль.

И чувство одиночества.

8

Оттуда, где сидели Бонни и Мередит, было видно только окно Викки. Лучше было бы подобраться поближе, но тогда их могли увидеть.

Мередит допила остатки кофе из термоса, зевнула, тут же виновато спохватилась и посмотрела на Бонни.

— Тоже не можешь заснуть ночью?

— Ага. С чего бы это, интересно? — усмехнулась Мередит.

— Думаешь, парни все-таки решились немножко поболтать?

Мередит бросила на нее удивленный взгляд, а потом улыбнулась. Бонни сообразила: Мередит не ожидала, что она догадается.

— Очень надеюсь, — сказала Мередит. — Мне кажется, Мэтту от этого немного полегчает.

Бонни кивнула и снова откинулась на спинку. Никогда еще в машине Мередит не было так уютно.

Когда она снова посмотрела на Мередит, темноволосая девушка уже спала.

Замечательно. Просто замечательно. Бонни устала на кофейную гущу на дне кружки и состроила рожицу. Расслабляться нельзя: если они обе заснут, может случиться беда. Она сжала кулаки так, что ногти впились в ладони, и стала смотреть на освещенное окно Викки.

Когда картинка у нее перед глазами раздвоилась и поплыла, Бонни поняла: надо срочно что-то предпринимать.

Свежий воздух. Вот что поможет. Даже не стараясь поменьше шуметь, она разблокировала дверцу и повернула ручку. Дверь со щелчком открылась, но Мередит продолжала дышать спокойно и глубоко.

³ *Гервасий Тильберийский* (ок. 1150 — ок. 1228) — английский юрист и писатель, автор книги «Императорские досуги», представляющей свод географических и исторических материалов, а также мифов, легенд и анекдотов.

«Похоже, она действительно здорово устала», — подумала Бонни, выбираясь наружу. Она осторожно захлопнула дверь, оставив Мередит внутри. И только тут сообразила, что у нее нет ключей.

Проклятье. Теперь, чтобы вернуться в машину, придется будить Мередит. А пока можно сходить проведать Викки. Может быть, она еще не спит.

Несмотря на тяжелое пасмурное небо, ночь была теплой. За домом чуть заметно шевелилась листва грецких орехов. Стрекотали сверчки, но их монотонное пение не нарушало общего ощущения тишины.

Запах жимолости ударил ей в нос. Бонни легонько постучала ногтями по окну Викки, пытаясь увидеть что-нибудь в щелку между шторами.

Ответа не было. Бонни разглядела на кровати кучу одеял и сверху — копну свалившихся каштановых волос. Викки тоже спала.

Стоя под окном, Бонни ощущала, что вокруг нее словно сгущается тишина. Замолкли сверчки, деревья замерли в неподвижности. И все-таки она изо всех сил старалась что-то расслышать. Что-то, что, как она точно знала, было поблизости.

Бонни понимала: она тут не одна.

Об этом ей говорили не органы чувств, а пробудившееся не так давно шестое чувство, порой заставлявшее холодеть ее руки и позвоночник и позволявшее распознавать присутствие Силы, — ее шестое чувство говорило ей вполне отчетливо: тут... тут что-то есть. Причем совсем близко. И оно следит за ней.

Она медленно обернулась, отчаянно стараясь двигаться бесшумно. Если она не будет шуметь, то, может быть, это *что-то* не тронет ее? Может, оно ее не заметит?

Тишина стала глухой и угрожающей. Она пульсировала у нее в ушах, смешиваясь с биением сердца. Бонни никак не могла отделаться от мысли, что в любую секунду что-то может с визгом броситься на нее из этой тишины.

«Что-то с горячими влажными руками», — думала она, вглядываясь в темный двор. Серое на черном, черное на черном — вот и все, что ей удалось рассмотреть. Тени. Все тени шевелились, и каждая из них могла быть *этим*. *Этим* с горячими влажными руками, сильными настолько, что они легко смогут раздавить ее...

Треск веточки прогремел в ее ушах оглушительным выстрелом.

Она резко обернулась на звук, изо всех сил напрягая зрение и слух. Но там были только тьма и тишина.

Сзади к ее шее прикоснулись пальцы.

Бонни резко развернулась, едва не свалившись без чувств. Она слишком испугалась, чтобы завизжать. Когда она разглядела, кто это, ее тело сковал ужас, а мышцы отказались служить. Она просто рухнула бы на землю, если бы ее не подхватили.

— Ты чего-то испугалась? — ласково спросил Дамон.

Бонни потрясла головой. К ней еще не вернулся дар речи. Она до сих пор была готова упасть в обморок, но изо всех сил старалась прийти в себя.

Он не стиснул ее крепче, но и не отпустил. А пытаться вырваться было бы так же бессмысленно, как пробивать голыми руками кирпичную стену. Она сдалась и попыталась дышать ровно.

— Неужели *меня*? — продолжал Дамон. Он улыбнулся с притворной укоризной, словно у них был какой-то общий секрет. — Меня бояться не надо.

Интересно, как Елена смогла ему сопротивляться? «Да ничего она не смогла», — вспомнила Бонни. В конце концов Елена сдалась, Дамон одержал верх и сделал все, что хотел.

Он убрал одну руку — лишь для того, чтобы легонько провести пальцем по ее верхней губе.

— Пожалуй, мне лучше уйти, — сказал он, — и больше тебя не пугать. Ты хочешь этого?

«Как кролик и удав, — подумала Бонни. — Вот как чувствуют себя кролики.

Единственная разница в том, что он вряд ли собирается меня убивать. Впрочем, я могу отдать концы сама». Она чувствовала, что ноги у нее вот-вот подкосятся, и она рухнет на землю. По всему ее телу разливалось тепло; она трепетала.

Думай о чем-нибудь другом... скорее. Бездонные черные глаза заполняли собой всю вселенную. Бонни показалось, что она может разглядеть в них звезды. *Думай. Быстро.*

«Елене бы это не понравилось», — подумала она, когда его губы коснулись ее губ. Не то слово. Проблема была в том, что у нее не было сил произнести это вслух. Тепло расплзлось, заполняя все уголки ее тела, от кончиков пальцев на руках до ступней. Губы Дамона были прохладными, как шелк, но все остальное было таким теплым. Бояться не надо. Надо просто стать послушной и отдаться течению. Сладкая истома захлестнула ее...

— *Это еще что такое?!*

Чей-то голос взорвал тишину и разрушил чары. Бонни вздрогнула и поняла, что может повернуть голову. В конце двора стоял Мэтт. Его руки были сжаты в кулаки, а глаза похожи на кусочки голубого льда. Обжигающе холодного льда.

— Отойди от нее, — сказал Мэтт.

К удивлению Бонни, Дамон разжал объятия. Она отступила на шаг и, тяжело дыша, одернула платье. К ней вернулась способность рассуждать.

— Ничего страшного, — сказала она Мэтту почти нормальным голосом. — Я просто...

— Возвращайся в машину и жди там.

«Э, нет, секундочку», — подумала Бонни. Она, конечно, была рада, что пришел Мэтт, он появился как нельзя более кстати, но теперь чуть-чуть переигрывает в старшего брата, защитника и покровителя...

— Значит, так, Мэтт...

— В машину, — повторил он, не сводя глаз с Дамона.

Мередит ни за что не позволила бы так собой командовать. И Елена тоже. Бонни уже открыла рот, собираясь сказать Мэтту, чтобы он сам шел в машину, но вдруг кое-что поняла.

За последний месяц она впервые увидела, что Мэтта что-то по-настоящему волнует. Его голубые глаза снова заблестели — холодным блеском праведного гнева, перед которым отступал даже Тайлер Смоллвуд. Мэтт вдруг снова стал живым и полным энергии. Он снова стал самим собой.

Бонни закусила губу. Еще секунда ушла на борьбу с самолюбием, потом она справилась с ним и потупила взор.

— Спасибо, что выручил, — шепнула она Мэтту и ушла.

* * *

Мэтт был так взбешен, что не рискнул подходить к Дамону слишком близко — боялся, что ударит его. А леденящая тьма в глазах Дамона подсказывала, что это не самая удачная идея.

Когда Дамон заговорил, его голос был спокойным, почти бесстрастным:

— Тебе известно, что кровь для меня — не прихоть. Это необходимость. И ты мне помешал. Я делал только то, что мне нужно для жизни.

Этого циничного безразличия Мэтт вынести не смог. «Мы для них просто еда, — вспомнил он. — Они хищники, мы — добыча. И вот он запустил когти в Бонни. Бонни, которая не смогла бы справиться даже с котенком».

— Если так, — проговорил он с презрением, — может, найдешь кого-нибудь в своей весовой категории?

Дамон улыбнулся, и в воздухе повеяло холодком.

— Например, тебя?

Мэтт молча смотрел на него. На его лице двигались желваки. Прошла секунда, и он коротко сказал:

— Попробуй.

— Я ведь могу не только *попробовать*, Мэтт. — Дамон сделал в его сторону шаг — шаг подкрадывающейся пантеры.

Мэтт вдруг вспомнил камышовых котов, их мощные прыжки и острые, как кинжалы, зубы. И еще вспомнил, на что был похож Тайлер год назад, после того как Стефан потолковал с ним в железном сарае. На сырую отбивную. Мясо и кровь.

— Как там звали учителя истории? — бархатным голосом промурлыкал Дамон. Похоже, ситуация доставляла ему удовольствие. — Кажется, мистер Таннер? С ним я не только *попробовал*.

— Ты убийца.

Дамон кивнул. Он не обиделся — как будто Мэтт просто называл его по имени.

— Правда, вначале он ударил меня ножом. Я не собирался опустошать его досуха, но он нарвался, и я передумал. А сейчас ты начинаешь нарываться, Мэтт.

Мэтт сжал колени, чтобы справиться с желанием пуститься наутек. Дело было не только в кошачьей пластике Дамона, не только в этих сверхъестественно черных глазах, которые пристально смотрели на него. *Внутри* Дамона было нечто, внушающее ужас человеческому сознанию. Первобытный ужас, который проникал Мэтту прямо в кровь и шептал ему: беги отсюда.

Нет, он не побежит. Сейчас разговор со Стефаном уже немножко потускнел в его сознании, но кое-что из этого разговора он помнил. Даже если его ждет смерть, он не побежит.

— Не будь глупцом, — сказал Дамон, который словно бы читал все мысли Мэтта. — У тебя никогда не отбирали кровь силой? Это больно, Мэтт. Очень больно.

«Елена», — вспомнил Мэтт. Когда она в первый раз забирала у Мэтта кровь, ему было очень плохо от одного только страха. Но тогда все происходило с его согласия. Каково же бывает, если такое делают против воли?

«Я не убегу. И не отведу глаза».

Вслух он сказал, не отрывая взгляда от Дамона:

— Если ты собираешься убить меня, то перестань болтать и переходи к делу. Может быть, ты и заставишь меня умереть. Но это единственное, к чему ты сможешь меня принудить.

— Ты еще глупее, чем мой брат, — сказал Дамон. В два шага он преодолел разделявшее их расстояние. Он схватил Мэтта за футболку обеими руками, с двух сторон от горла. — Думаю, тебя стоит проучить так же.

Вокруг словно бы наступили заморозки. Мэтт мог чуть ли не на ощупь почувствовать свой страх, но даже не шевельнулся. Он был не в силах пошевелиться.

Впрочем, это уже неважно. Он не сдался. И если сейчас ему суждено умереть, он умрет с этой мыслью.

Зубы Дамона сверкнули в темноте, острые, как разделочные ножи. Мэтт почти почувствовал их на своей коже до того, как они к нему прикоснулись.

«Все равно не сдамся», — подумал он и закрыл глаза.

Он потерял равновесие от резкого толчка. Споткнулся и упал на спину, широко открыв глаза. Это Дамон отшвырнул его в сторону.

Черные глаза смотрели на него сверху без всякого выражения, когда он сел на грязную землю.

— Постараюсь объяснить доступным тебе языком, — сказал Дамон. — Не путайся у меня под ногами, Мэтт. Я опаснее, чем ты можешь себе представить. А теперь убирайся. Моя очередь дежурить.

Мэтт молча встал. Он потерял футболку в том месте, где ее смяли руки Дамона. И ушел. Ушел, а не убежал. И не отвел взгляда от глаз Дамона.

«Я победил, — подумал он. — Я жив, следовательно, я победил».

И еще одно. В самый последний момент в черных глазах мелькнуло что-то вроде угрюмого уважения. Это заставило Мэтта кое о чем задуматься. Задуматься по-настоящему.

* * *

Когда он вернулся, Бонни и Мередит сидели машине. Вид у них был встревоженный.

— Тебя долго не было, — сказала Бонни. — Ты в порядке?

Мэтту очень хотелось, чтобы ему перестали задавать этот вопрос.

— Вполне, — сказал он и тут же добавил: — Честное слово. — Секунду поразмыслив, он понял, что должен сказать еще кое-что.

— Извини, если накричал на тебя, Бонни.

— Ничего страшного, — сухо ответила она, а потом уже теплее добавила: — А знаешь, ты выглядишь намного лучше. Стал больше похож на себя прежнего.

— Серьезно? — Он снова потер смятый кусок футболки, оглядываясь по сторонам. — Ну, разборки с вампирами вообще повышают жизненный тонус.

— Что вы там делали? Разбегались с противоположных концов двора и сшибались лбами? — спросила Мередит.

— Примерно. Он сказал, что теперь сам подежурит у дома.

— Думаешь, ему можно доверять? — посерьезнев, спросила Мередит.

Мэтт задумался.

— Да, как ни странно. Звучит дико, но, по-моему, он не собирается причинять ей зла. Если убийца объявится, его будет ждать сюрприз — Дамон явно соскучился по хорошей драке. А мы можем пока заехать в библиотеку за Стефаном.

Стефана долго не было видно, но после того, как они пару раз проехали по улице взад-вперед, он вдруг возник из темноты. В руках у него была толстая книга.

— Взлом и хищение в особо крупных размерах. Навар — библиотечная книга, — усмехнулась Мередит. — Интересно, сколько за нее сейчас дадут на черном рынке?

— Я взял ее почитать, — обиделся Стефан. — Для чего, по-твоему, существуют библиотеки? Заодно скопировал все, что нужно, из дневника.

— Ты нашел, что искал? И разобрался, что к чему? Значит, ты можешь все нам рассказать, как обещал, — сказала Бонни. — Едем в общежитие.

* * *

Узнав, что Дамон появился и вызвался дежурить у дома Викки, Стефан немного удивился, но ничего не сказал. Впрочем, Мэтт не посвятил Стефана в подробности его появления. Бонни тоже промолчала.

— Кажется, я разобрался, что происходит в Феллс-Черч, я почти уверен в этом. В любом случае, я на полпути к разгадке, — сказал Стефан, когда они все расселись в мансарде. — Но есть только один способ проверить, насколько я прав, и разгадать вторую половину загадки. Мне нужна помощь, но такая, о которой мне нелегко просить. — Говоря это, он смотрел то на Бонни, то на Мередит.

Они переглянулись, а потом одновременно посмотрели на него.

— Этот урод убил нашу подругу, — сказала Мередит. — А другую прямо сейчас сводит с ума. Если тебе нужна наша помощь, ты ее получишь.

— Чего бы это ни стоило, — добавила Бонни.

— Что-то опасное? — сердито спросил Мэтт. Он не мог сдержаться. — Можно подумать, Бонни мало того, что ей уже пришлось...

— Да, опасное. Но, видишь ли, эта война напрямую касается и их тоже.

— Вот именно, черт возьми, — сказала Бонни.

Мередит изо всех сил старалась сдержать улыбку. Наконец она отвернулась и хихикнула. Стефан удивленно спросил, что тут смешного.

— К нам вернулся Мэтт, — сказала она.

— Мы по нему соскучились, — добавила Бонни.

Мэтт никак не мог взять в толк, почему все улыбаются, глядя на него. Ему стало душно и неуютно. Он встал и отошел к окну.

— Не буду вас обманывать: это действительно очень опасно, — сказал Стефан девушкам. — Но другого выхода нет. Тут довольно запутанное дело, поэтому я начну с самого начала. Нам придется окунуться в далекую эпоху, когда был основан город Феллс-Черч...

Была ночь, а он все говорил и говорил.

*Четверг, 11 июня,
7 часов утра*

Дорогой дневник!

Вчера вечером у меня не было возможности писать, потому что я очень поздно вернулась домой. Мама снова стала беспокоиться. Но если бы она знала, чем я на самом деле занята, то просто впала бы в истерику. Потому что я провожу время в компании вампиров и придумываю операцию, в ходе которой могу погибнуть. Точнее, мы все можем погибнуть.

Стефан придумал план, как заманить в ловушку того, кто убил Сью. Этот план напоминает мне некоторые планы Елены — это-то мне и не нравится. Они все были замечательно задуманы, но на практике все обычно шло наперекосяк.

Мы обсудили, кто будет делать самую опасную часть, и остановились на Мередит. Я ничего не имею против — Мередит действительно физически сильнее, чем я, она спортивная и лучше умеет вести себя в экстремальных ситуациях. Но меня немного злит, что ее выбрали так быстро, причем все, и в первую очередь Мэтт, были «за». Я вот к чему: ну не может быть, чтобы от меня вообще не было никакого толка. Я понимаю, что соображаю не так быстро, как другие, не такая спортивная, не так круто держусь, если на меня давят, но я не совсем никчемная. На что-то ведь я гожусь!

Ладно. Мы собираемся сделать это после вручения аттестатов. Задействуем всех, кроме Дамона, который будет дежурить у дома Викки. Странно, но сейчас мы все ему доверяем. Даже я. Несмотря на то что он выкинул вчера ночью, я думаю, он не допустит, чтобы с Викки что-нибудь случилось.

Елена мне больше не снилась. Если она вдруг приснится мне опять, то боюсь, я просто впаду в истерику и ничего не смогу сделать. Я больше этого не вынесу.

Ну, все. Пора идти. Если повезет, то в воскресенье мы разгадаем тайну и поймем убийцу. Я верю в Стефана.

Надеюсь, я как следует выучила свою роль.

9

— Дамы и господа, поприветствуем выпуск 1992 года!

Бонни вместе со всеми подбросила в воздух свою шапочку. «Все-таки получилось, — подумала она. — Чтобы ни случилось этой ночью, мы с Мэттом и Мередит дотянули до выпуска». За последний год была масса ситуаций, когда она всерьез сомневалась в том, что им это удастся.

Бонни думала, что из-за недавней смерти Сью выпускной получится скучным или мрачным. Но вышло наоборот — праздник был исполнен несколько истерического воодушевления. Каждый словно спешил, пока не поздно, отпраздновать тот факт, что он еще жив.

Настоящий бедлам начался, когда вперед ринулись родители, и выпускные классы школы Роберта Ли с криками и ахами рассыпались во все стороны. Бонни пристроила свою шапочку на голову и припала к глазку маминого фотоаппарата.

«Теперь главное — вести себя как ни в чем не бывало», — повторяла она себе. Она

разглядела в сторонке тетю Елены, Джудит, и ее новоиспеченного мужа Роберта Максвелла. Роберт держал за руку Маргарет — маленькую сестренку Елены. Они заметили Бонни, сдержанно улыбнулись, но ей стало не по себе, когда она увидела, что они направляются к ней.

— Ой, мисс Гилберт... то есть миссис Максвелл... честное слово, не стоило, — сказала она, когда тетя Джудит вручила ей букет красных роз.

Тетя Джудит улыбнулась. В глазах у нее стояли слезы.

— Какой был бы праздник для Елены, — сказала она. — Очень хочу, чтобы для вас с Мередит это был настоящий праздник.

— Ох, тетя Джудит, — не в силах сдержаться, Бонни обняла пожилую женщину. — Мне очень больно, — сказала она шепотом. — Вы сами знаете, как мне больно.

— Нам всем ее не хватает, — сказала тетя Джудит. Снова улыбнувшись, она отстранилась, и все трое ушли. Бонни проводила их взглядом и опять развернулась к неистово ликующей толпе. У нее в горле стоял комок.

Рэй Хернандес, парень, с которым она танцевала на дне встречи выпускников, приглашал всех к себе домой на вечеринку. Дик Картер, приятель Тайлера, как обычно, кривлялся. У самого Тайлера не сходила с губ самодовольная улыбка, а его отец, не переставая, щелкал фотоаппаратом. Мэтт с каменным лицом слушал какого-то футбольного рекрутера из университета Джеймса Мэйсона. Мередит задумчиво стояла рядом, держа в руках букет красных роз.

Викки не было: ее не пустили родители. «Она не в том состоянии, чтобы выходить из дома», — сказали они. Кэролайн тоже не было, она осталась у себя в Героне. Ее мать сказала матери Бонни, что Кэролайн простудилась, но Бонни знала правду. Кэролайн боялась.

«Может, и правильно сделала, — думала Бонни, направляясь к Мередит. — Может, она единственная из нас доживет до следующей недели».

Теперь главное — вести себя естественно. Она подошла к группе, в которой стояла Мередит. Мередит крутила цветы в длинных нервных пальцах, перевязывая букет шнурком с кисточкой, который сняла со своей шапочки.

Бонни торопливо огляделась. Отлично. Место и время подходят идеально.

— Аккуратней; смотри, не сломай цветы, — сказала она громко.

Выражение задумчивой меланхолии не исчезло с лица Мередит. Глядя на шнурок, она продолжала обвязывать им букет.

— Как-то это нечестно, что мы тут празднуем, а Елены с нами нет, — проговорила она. — Неправильно.

— Ага, просто ужас, — ответила Бонни. Но ее голос оставался беззаботным. — Хотелось бы что-нибудь исправить, но увы... Тут уж ничего не поделаешь.

— Абсолютно нечестно, — продолжала Мередит, как будто ничего не слышала. — Мы веселимся здесь на солнышке, а она лежит там, под могильным камнем.

— Я все, все понимаю, — сказала Бонни успокаивающе. — Мередит, ну зачем ты так себя изводишь? Почему бы тебе не подумать о чем-нибудь другом? Вот, например, после того как пообедаешь с родителями, не хочешь пойти к Рэймонду? Нас не звали, но какая разница? Придем так.

— Нет! — сказала Мередит неожиданно резко. — Я не пойду ни в какие гости. Как ты вообще можешь об этом думать, Бонни? У тебя совсем совести нет?

— Слушай, ну надо же сделать хоть что-нибудь, чтобы...

— Сейчас скажу, что я сделаю. После обеда я пойду на кладбище. И положу эти цветы на могилу Елены. Она это заслужила. — Мередит докрутила шнурок вокруг букета. Костяшки ее пальцев были белыми.

— Мередит, не глупи. Нельзя туда ходить, тем более вечером. Неужели ты не понимаешь, что это бред? Спроси Мэтта, он тебе подтвердит.

— Я не собираюсь спрашивать Мэтта. Я не собираюсь спрашивать никого. Я сама решила, и я пойду.

— Нельзя туда ходить. О господи! Мередит, я всегда считала, что у тебя есть хоть капля мозгов...

— А я всегда считала, что у тебя есть хоть капля совести. Но теперь кое-что прояснилось. Тебе не терпится выкинуть Елену из головы. Может, потому что ты положила глаз на ее парня?

Бонни ударила ее по лицу.

Пощечина вышла сильной и звонкой. Мередит ахнула и схватилась рукой за покрасневшую щеку. Все смотрели на них.

— А вот теперь — все, Бонни Маккалог, — после секундной паузы ровным голосом сказала Мередит. — Я знать тебя не желаю. — Она развернулась на каблуках и пошла прочь.

— Ну наконец-то! Смотри, не передумай! — крикнула Бонни ей вслед.

Бонни обвела взглядом окружающих — те торопливо прятали глаза. Однако не было никаких сомнений в том, что последние несколько минут она и Мередит были в центре всеобщего внимания. Бонни прикусила язык, чтобы не расхохотаться, и подошла к Мэтту, который наконец отвязался от рекрутера.

— Ну как? — тихо спросила она.

— Отлично.

— Как ты думаешь, я не перестаралась с пощечиной? В сценарии ее не было, просто я вошла в роль. Не слишком театрально получилось?..

— Да нет, нормально, нормально. — Мэтт явно что-то беспокоило. В нем не было апатии, замкнутости и уныния последних месяцев, но думал он о чем-то другом.

— Что такое? Что-то не так с планом? — спросила Бонни.

— Нет-нет. Послушай, Бонни, я тут стал думать... Ведь это ты нашла тело Таннера в доме с привидениями в прошлый Хэллоуин?

Этот вопрос застал ее врасплох. Она невольно поежилась.

— Ну да. Я первая обнаружила, что он мертв. В смысле, не по роли, а по-настоящему. Но с какого перепугу ты вдруг заговорил об этом именно сейчас?

— Может быть, ты сможешь ответить на один вопрос. Как, по-твоему, Таннер мог ударить Дамона ножом?

— *Что?*

— Мог или нет?

— Я... — Бонни заморгала и нахмурилась. Потом пожала плечами. — Наверное, да. Ну конечно, мог. Помнишь, это была сцена друидского жертвоприношения, и у него был настоящий нож. Мы сначала думали взять муляж, но ведь он должен был просто лежать рядом с Таннером, и мы решили, что это абсолютно безопасно. Вообще-то говоря... — Бонни нахмурилась еще больше, — кажется, когда я нашла тело, нож лежал не там, где мы его положили, а в другом месте. Правда, его мог сдвинуть кто-то из ребят. А почему ты спрашиваешь?

— Дамон сказал мне кое-что, — сказал Мэтт, снова глядя куда-то вдаль. — Я хотел проверить, может ли это быть правдой.

— Ох, — Бонни подождала, скажет ли Мэтт что-нибудь еще, но он молчал. — Ладно, — проговорила она наконец, — если этот вопрос мы прояснили, может, спустишься с небес на землю? Тебе не кажется, что ты мог бы меня обнять? Просто чтобы все увидели, что ты на моей стороне и ни за что не пойдешь вечером на могилу Елены вместе с Мередит.

Мэтт фыркнул, но задумчивость исчезла из его глаз. На короткое мгновение он обнял ее и прижал к себе.

* * *

«Дежавю», — думала Мередит, стоя у ворот кладбища. Впрочем, она даже не понимала, какие именно события, произошедшие на этом кладбище, напомнил ей этот вечер. Их было слишком много.

В каком-то смысле все началось именно здесь. Как раз на кладбище Елена дала клятву, что не отступится, пока Стефан не будет принадлежать ей, и заставила Бонни и Мередит поклясться, что они будут ей помогать. Поклясться на крови. «Хорошенькое совпадение», — думала Мередит.

Именно здесь Тайлер напал на Елену в вечер встречи выпускников. Стефан пришел ей на помощь, и с этого начались их отношения. Да, это кладбище повидало немало.

Оно было свидетелем того, как в прошлом декабре они все собрались у разрушенной церкви на холме, чтобы найти логово Катрины. Семеро спустились в склеп — сама Мередит, Бонни, Мэтт, Елена, Стефан, Дамон и Аларих. Но только шестеро выбрались оттуда живыми. Елену достали только для того, чтобы похоронить.

Это кладбище стало исходной точкой всех событий, и именно на нем была поставлена финальная точка. Может быть, сегодня ночью оно станет свидетелем еще одного финала.

Мередит пошла через кладбище.

«Как бы я хотела, чтобы ты был рядом, Аларих, — думала она. — Как нам пригодился бы сейчас твой оптимизм и твои знания о сверхъестественном мире. Да и твои мускулы были бы нелишними».

Могила Елены была, конечно же, на новом кладбище, где за травой еще ухаживали, а на могилах лежали венки. Надгробный памятник был скромным, почти невзрачным, с короткой эпитафией. Мередит наклонилась и положила к подножию букет. Потом — красно-черную кисточку со своей шапочки. В сумерках оба цвета слились в один — цвет запекшейся крови. Мередит опустила на колени и сложила руки в молитвенном жесте. Она ждала.

Вокруг было тихо. Казалось, само кладбище, затаив дыхание, ждет вместе с ней. Аккуратные ряды белых надгробных камней тянулись по обеим сторонам, поблескивая в темноте. Мередит старалась уловить хоть какой-нибудь звук.

И наконец она услышала. Это были тяжелые шаги.

Она не пошевелилась — продолжала стоять на коленях с опущенной головой, делая вид, что ничего не замечает.

Шаги приближались. Идущий даже не пытался скрыть свое появление.

— Привет, Мередит.

Мередит быстро оглянулась.

— Ой, Тайлер, — сказала она, — как ты меня напугал. Я думала, это... Ладно, неважно.

— Ну-ну. — Губы Тайлера растянулись в нехорошей улыбке. — Извини, что разочаровал. Это я, всего лишь я, совсем один.

— Что ты здесь делаешь, Тайлер? Неужели тебе негде повеселиться?

— Могу то же самое спросить у тебя. — Взгляд Тайлера упал на надгробный камень и кисточку, и его лицо потемнело. — Хотя я уже, кажется, понял. Пришла из-за нее. Елена Гилберт, Свет во Тьме, — кривляясь, продекламировал он.

— Правильно, — хладнокровно ответила Мередит. — Имя «Елена» означает «свет». И она была окружена тьмой, это тоже правда. Тьма едва не одолела ее, но в конце концов Елена победила.

— Может, и так. — Тайлер задумчиво пошевелил нижней челюстью, искоса поглядывая на Мередит. — Только у темноты, Мередит, есть одна интересная особенность. Ее всегда больше, чем кажется. Она просто ждет, пока придет ее час.

— Как сегодня, — сказала Мередит, глядя вверх. Безоблачное небо было усыпано тусклыми звездами. — Сейчас очень темно, Тайлер. Но рано или поздно взойдет солнце.

— Это верно, но сперва взойдет луна. — Тайлер неожиданно хохотнул, словно произнес шутку, понятную только ему одному. — Скажи-ка, Мередит, ты когда-нибудь видела семейную усыпальницу Смоллвудов? Пошли со мной, я тебе покажу. Это недалеко.

«Так же, как он показал Елене», — подумала Мередит. Эта словесная разведка даже в какой-то степени увлекла ее, но нельзя было забывать о том, зачем она сюда пришла. Озябшими руками Мередит нащупала в кармане куртки маленькую веточку вербены.

— Спасибо, Тайлер. Пожалуй, я все-таки посижу здесь.

— Уверена? Одной на кладбище опасно.

«Неупокоившиеся души», — подумала Мередит. Она посмотрела на него в упор.

— Я знаю.

Он снова ослабилась, обнажив зубы размером с надгробные плиты.

— Впрочем, ты и отсюда ее увидишь, если у тебя зрение хорошее. Погляди-ка вон туда, на старое кладбище. Видишь, в серединке блестит такое красное?

— Нет. — С восточной стороны над деревьями разлилось бледное свечение. Мередит смотрела туда.

— Да ну тебя, Мередит. Ты даже не смотришь. Ничего, вот взойдет луна, и будет видно лучше.

— Все, Тайлер, у меня больше нет времени. Я пошла.

— Нет, ты не пойдешь, — сказал он. Она крепко сжала в кулаке веточку вербены, и он тут же добавил виноватым голосом:

— Я хочу сказать, ты ведь не уйдешь, пока я не расскажу тебе историю этого камня, правда? Она очень интересная. Вот смотри: этот камень сделан из красного мрамора, больше таких памятников нет на всем кладбище. А вон тот шар сверху — видишь? — он весит целую тонну. Но он двигается. Перед тем как кто-нибудь из Смоллвудов умирает, он поворачивается. Мой дед в это не верил и сделал на ближней стороне отметину. Потом он примерно раз в месяц приходил сюда и проверял ее. И вот однажды он пришел и увидел, что отметина не спереди, а сзади. Короче, шар повернулся на сто восемьдесят градусов. Дед чуть не надорвался, все пытался повернуть его обратно, но без толку — шар слишком тяжелый. И в ту же ночь дед умер в своей постели. И его похоронили под этим камнем.

— Наверное, сердечный приступ от чрезмерного напряжения, — желчно заметила Мередит, но руки у нее заходили ходуном.

— Все шутишь? Всегда такая невозмутимая. Всегда такая спокойная. Небось, никогда не будешь кричать от страха?

— Я пошла, Тайлер. С меня хватит.

Он подождал, пока она отойдет на несколько шагов, а потом сказал:

— Правда, той ночью у Кэролайн ты кричала.

Мередит обернулась к нему:

— Откуда ты знаешь?

Тайлер выкатил глаза:

— Ну поверь, наконец, что у меня есть хоть какие-то мозги. Я много чего знаю. Например, я знаю, что у тебя в кармане.

Ее пальцы замерли.

— Ты о чем?

— Вербена, Мередит. Растение «вербена лекарственная». Есть у меня один приятель, который в этом разбирается. — Тайлер улыбался все шире и смотрел прямо на нее. Он впился взглядом в ее лицо, словно смотрел любимую передачу по телевизору. Наконец, как кошка, которой надоело играть с мышью, Тайлер двинулся прямо на Мередит. — И для чего она нужна, я тоже знаю. — Он с наигранным испугом огляделся по сторонам и прижал палец к губам: — Тсс. Вампиры, — прошептал он. Потом запрокинул голову и расхохотался.

Мередит отступила.

— Ты уверена, что это тебе поможет, правда? Но я открою тебе один секрет.

Мередит измерила взглядом расстояние, отделяющее ее от дорожки. Она пыталась сохранить спокойное выражение лица, но ее колотила неистовая дрожь. Теперь она сомневалась, что у нее хватит сил.

— Ты никуда не пойдешь, детка, — сказал Тайлер, и в тот же миг громадная рука схватила Мередит за запястье. Ниже рукава рука коснулась ее кожи, и Мередит почувствовала, что она горячая и влажная. — Ты еще немножко подождешь. Тебя ждет сюрприз. — Он сгорбился и наклонил голову. На его губах играла ликующая плотоядная

улыбка.

— Тайлер,пусти меня. Мне больно! — Нервы Мередит словно забились в конвульсии от прикосновения Тайлера. Но он только сильнее сжал ее руку, вдавив сухожилие в кость.

— Это секрет, детка. Секрет, которого никто больше не знает. — Тайлер привлек ее к себе вплотную, так что она чувствовала на своем лице его горячее дыхание. — Ты пришла отлично вооруженной против вампиров. Но я не вампир.

Сердце Мередит бешено колотилось.

— *Отпусти!*

— Хочу, чтобы ты сначала посмотрела во-о-он туда. Теперь ты увидишь надгробный камень, — сказал он и развернул ее так, что она не могла не посмотреть в ту сторону. Он был прав: теперь ей был отлично виден красный памятник с поблескивающим земным шаром сверху. Или это не земной шар? Мраморный шар похож... похож на...

— А теперь смотри на восток. Что ты видишь там, Мередит? — продолжал Тайлер сиплым от возбуждения голосом.

Там была полная луна. Она взошла, пока они разговаривали, и теперь нависла над холмами, безупречно круглая и неестественно большая. Огромный набухший круглый шар.

Вот на что похож памятник. На полную луну, пропитавшуюся кровью.

— Ты пришла сюда с оружием против вампиров, Мередит, — слышался сзади голос Тайлера. Он стал еще более хриплым. — Но Смоллвуды совсем не вампиры. Мы другие.

И он завыл.

Человеческое горло не смогло бы исторгнуть из себя такой звук. Это было не подражание животному — звук был *настоящим*. Злобный гортанный рык, звучавший все выше и выше, заставил Мередит обернуться, посмотреть на него и замереть. То, что она увидела, было настолько ужасно, что ее разум отказался это принимать...

Мередит закричала.

— Я же сказал, что тебя ждет сюрприз. Нравится? — сказал Тайлер. Его голос звучал невнятно из-за заполнившей рот слюны; красный язык свесился между двумя рядами собачьих зубов. Лицо Тайлера больше не было человеческим. Оно уродливо вытянулось и превратилось в морду с оскаленной пастью, глаза стали желтыми, с продолговатыми зрачками. Рыжевато-песочные волосы покрыли щеки и протянулись вниз, к основанию шеи. Шерсть.

— Можешь кричать сколько влезет, тебя все равно никто не услышит, — добавил он.

Каждый мускул в теле Мередит напрягся до предела, когда она пыталась вырваться. Эта была инстинктивная реакция, которую она не смогла бы сдержать, даже если захотела бы. Дыхание Тайлера было горячим и зловонным, как у зверя. Впившиеся в ее запястье ногти превратились в крепкие черные когти. У Мередит не было сил закричать снова.

— Кроме вампиров, есть другие существа, которые знают толк в человеческой крови, — сказал Тайлер своим новым чавкающим голосом. — Я хочу попробовать твоей. Но перед этим мы чуть-чуть позабавимся.

Хоть он и продолжал стоять на двух ногах, но его тело сгорбилось и странно перекосилось. Мередит отчаянно боролась, когда он валил ее на землю. Она была сильной девушкой, но он был намного сильнее; его мускулы под рубашкой бугрились, когда он прижал ее к земле.

— Ты всегда считала, что слишком хороша для меня, да? Сейчас ты поймешь, как много потеряла.

«Я не могу дышать», — в панике подумала Мередит. Его рука сдавила ей горло и перекрыла кислород. Серые волны прокатывались по ее сознанию. Если сейчас она отключится...

— Ты будешь молить о том, чтобы умереть быстро, как Сью. — Морда Тайлера нависла прямо над ней, красная, как луна, с которой почему-то свешивался длинный красный язык. Второй рукой он придерживал ее руки над головой. — Ты слыхала когда-нибудь сказку про Красную Шапочку?

Серый цвет сменился черным с маленькими светящимися точками. «Как звезды, — подумала Мередит. — Я падаю в звезды...»

— А ну-ка убери от нее руки, Тайлер! Отпусти ее! — крикнул голос Мэтта.

Булькающее рычание переросло в удивленное поскуливание. Рука, сдавившая горло, ослабила хватку, и в легкие устремился воздух.

Мередит услышала шаги.

— Как же долго я ждал этого момента, — сказал Мэтт, сгребая рыжевато-песочные волосы Тайлера и рывком поднимая его голову. А потом его кулак обрушился прямо на вытянутую морду. Из влажного звериного носа брызнула кровь.

Тайлер издал утробный звук, от которого у Мередит замерло сердце. Он прыгнул на Мэтта, развернувшись в воздухе и выставив когти. От удара Мэтт упал на спину, а Мередит, все еще не опомнившаяся до конца, попыталась подняться с земли. Ей это не удалось: мышцы дрожали и отказывались подчиняться. Но тут кто-то другой оторвал Тайлера от Мэтта с такой легкостью, словно тот весил не больше куклы.

— Как в старые добрые времена, Тайлер, — сказал Стефан, поднимая Тайлера на ноги и глядя ему в глаза.

Тайлер взглянул на него и побежал.

Он мчался быстро, со звериной резвостью петляя между рядами надгробных камней. Но Стефан оказался быстрее — он перерезал ему путь.

— Мередит, тебе плохо? Мередит? — Бонни стояла на коленях рядом с ней. Мередит кивнула — она все еще не могла говорить. Бонни поддержала ее голову руками. — Я так и знала, что мы должны были вмешаться раньше, так и знала, — беспокойно повторяла Бонни.

Стефан тащил Тайлера обратно.

— Я всегда знал, что ты болван, — сказал он, прижав его к камню, — но не думал, что настолько. Мне казалось, ты усвоил, что не надо нападать на девушек на кладбище. Оказывается, нет. И еще тебе зачем-то понадобилось хвастаться тем, что ты сделал со Сью. Это был очень глупый поступок, Тайлер.

Мередит видела, как они стоят лицом к лицу. «Какие они разные, — подумала она, — хотя и тот и другой — создания тьмы». Стефан был бледным, его зеленые глаза светились злобной яростью, но в нем было какое-то благородство, едва ли не чистота. Он был похож на сурового ангела, запечатленного в мраморе. Тайлер же был всего лишь зверем, угодившим в западню. Тяжело дыша, он жался к земле, а на его груди смешались кровь и слюна. Желтые глаза светились ненавистью и страхом, а пальцы дергались так, словно хотели во что-то впиться. Низкий звук вылетел из его горла.

— Не бойся. В этот раз я не буду тебя бить, — сказал Стефан. — Если, конечно, ты не попытаешься удрать. Сейчас мы пойдем к церкви и поговорим. Ты ведь любишь рассказывать истории, Тайлер. Тебе представился отличный случай рассказать мне одну историю.

Тайлер прыгнул на него прямо с места, целя в горло. Но Стефан был готов к атаке. То, что творилось в ближайшие несколько минут, по мнению Мередит, доставило Стефану и Мэтту искреннее удовольствие: они выпустили накопившуюся агрессию. Сама Мередит никакого удовольствия не получила — она отвернулась.

Наконец Тайлер был связан нейлоновым шнуром. Он был в состоянии идти, точнее, худо-бедно перебирать ногами, а Стефан бесцеремонно тащил его всю дорогу до церкви, придерживая сзади за рубашку.

Когда все оказались внутри, Стефан швырнул его на пол у открытой гробницы.

— А вот теперь, — сказал он, — мы поговорим. И ты нам поможешь, Тайлер, не то тебе придется *очень сильно* об этом пожалеть.

Мередит уселась на низкую, высотой по колено, разрушенную церковную стену.

— Ты, конечно, говорил, что это будет опасно, Стефан, но забыл предупредить, что собираешься стоять и смотреть, как он меня задушит.

— Прости. Я ждал, чтобы он рассказал еще что-нибудь. Особенно после того, как он признался, что был в доме, когда погибла Сью. Нельзя было так делать, ты права.

— Я ни в чем не признавался! Вы ничего не докажете, — сказал Тайлер. Его голос все еще был похож на звериное поскуливание, но лицо и тело, пока они шли снова стали нормальными. «Точнее, снова стали человеческими», — подумала Мередит. Отеки, синяки, запекшаяся кровь — все это трудно было назвать нормальным.

— Мы не в суде, Тайлер, — сказала она. — Твой папа тебе не поможет.

— Хотя и в суде у нас были бы неплохие шансы, — добавил Стефан. — Думаю, доказательств вполне хватило бы, чтобы обвинить тебя в попытке преднамеренного убийства.

— Если только кто-нибудь заранее не переплавил бабушкины ложки в серебряные пули, — вставил Мэтт.

Тайлер переводил взгляд с одного на другого.

— Ничего я вам не скажу.

— Тайлер, ты вообще в курсе, кто ты? Ты тупой хулиган, который обижает маленьких, — сказала Бонни. — Такие всегда во всем признаются.

— Ты из тех, кто может повалить девушку на землю и угрожать ей, — поддержал Мэтт. — Но когда появляются ее друзья, ты готов обделаться от страха.

Тайлер бессмысленно уставился на них.

— Ну хорошо. Если не хочешь говорить, скажу я, — сказал Стефан. Он наклонился и взял в руки толстую книгу, которую вынес из библиотеки. Поставив ногу на край гробницы, он положил книгу на колено и открыл ее. Мередит заметила, что он стал пугающе похожим на Дамона. — Это книга Гервасия Тильберийского, Тайлер, — сказал он. — Она написана примерно в 1210 году. Кроме всего прочего, в ней говорится об оборотнях.

— Вы ничего не докажете! У вас нет никаких доказательств...

— Заткнись, Тайлер. — Стефан посмотрел на него сверху вниз. — Мне не надо ничего доказывать. Я сам все вижу, даже сейчас. Ты что, забыл, кто я такой? — Наступила тишина, а потом Стефан продолжал: — Когда я вернулся сюда несколько дней назад, то столкнулся с загадкой. Погибла девушка. Но кто ее убил? И зачем? Все улики, которые были в моем распоряжении, противоречили друг другу.

Это не было обычное убийство, совершенное уличным маньяком. Я знал об этом со слов того, кому доверяю, но у меня были и независимые подтверждения. Обычный убийца не смог бы двигать планшеткой по спиритической доске. Обычный убийца не смог бы взорвать предохранители на электростанции, находящейся за много миль отсюда.

Нет. Это был кто-то, обладающий колоссальной физической и экстрасенсорной энергией. Все, что рассказала мне Викки, указывало на то, что убийца — вампир.

Но было одно «но». Кровь Сью Карсон осталась при ней. Вампир выпил бы хоть сколько-нибудь. Ни один вампир не смог бы устоять перед таким искушением, и уж тем более вампир-убийца. Пить кровь — наивысшее наслаждение для вампира и вполне достаточная причина для убийства. Но полицейский врач не нашел никаких отверстий в ее венах и зафиксировал лишь весьма незначительную потерю крови. Полная бессмыслица.

Наконец, еще одно обстоятельство. Ты *был* в том доме, Тайлер. Той ночью, схватив Бонни за руку, ты совершил первую ошибку, а на следующий день — вторую, когда стал болтать языком и рассказал то, чего не мог знать, если бы сам там не был.

Что же получается в итоге? Опытный вампир, зловещий убийца, наделенный огромной Силой? Или хулиган-школьник, который не способен даже в туалет сходить без того, чтобы споткнуться и упасть? Кто? Улики подвели то к одному, то к другому, и я вконец запутался.

Наконец я собственными глазами осмотрел тело Сью. И тут меня ждала главная загадка. Надрез в этом месте. — Палец Стефана прочертил линию вниз от ключицы. —

Хорошо знакомый надрез, который ни с чем не спутаешь; его делают вампиры, если хотят поделиться своей кровью. Но Сю не была вампиром, а значит, не могла сделать его сама. Кто-то сделал его, когда она, умирающая, лежала на земле.

Мерedit закрыла глаза и услышала, как у нее за спиной тяжело сглотнула Бонни. Она вытянула руку, нащупала ладонь Бонни и крепко сжала ее, продолжая слушать. Когда Стефан рассказывал им об этом накануне, он не вдавался в такие подробности.

— Вампирам незачем делать подобные надрезы на жертвах: они справляются при помощи зубов, — продолжал Стефан. Он чуть-чуть приподнял верхнюю губу и обнажил зубы. — Но если вампир хочет, чтобы кровь выпил *кто-то другой*, он вполне может не укусить, а сделать такой надрез. Если вампиру понадобится, чтобы этот другой был первым и единственным, кто отведаст крови жертвы, он так и сделает.

И тогда я стал думать о крови. Видишь ли, кровь очень важна. Вампирам она дает жизнь и Силу. Кровь — единственное, что нужно нам для выживания, и порой ее нехватка сводит нас с ума. Но кровь годится и для многого другого. Например... для посвящения.

Посвящение и Сила. Я задумался об этом и стал сопоставлять имеющиеся факты со странностями, которые замечал в тебе, Тайлер, еще когда жил в Феллс-Черч. С мелочами, которым раньше не придавал особого значения. Я вспомнил, что Елена рассказывала мне историю твоей семьи, и решил внимательнее изучить дневник Онории Фелл.

Стефан достал вложенный в книгу листок бумаги.

— Вот запись, сделанная рукой Онории Фелл. Я отсканировал страницу, чтобы зачитать тебе этот фрагмент. Тут рассказывается маленький семейный секрет Смоллвудов — если умеешь читать между строк.

Глядя на лист бумаги, он прочел:

12 ноября. Свечи сделаны, лен спряден. У нас мало кукурузной муки и соли, но зиму мы продержимся. Прошлой ночью была тревога: на Джейкоба Смоллвуда напали волки, когда он возвращался из леса. Я обработала рану черникой и ивовой корой, но рана очень глубокая, и я беспокоюсь. Вернувшись домой, я бросила руны. Никому, кроме Томаса, не рассказала о том, что получилось.

— Она рассказывает о гадании на рунах, — пояснил Стефан, оторвавшись от листка. — Онория была из тех, кого мы называем колдуньями. Дальше она пишет о других нападениях волков в разных частях поселения; ощущение такое, что волки вдруг стали нападать очень часто, особенно на молодых девушек. Она пишет, что это вызывало у них с мужем все более сильную тревогу. И наконец — такая запись.

20 декабря. Снова нападение волка около дома Смоллвудов. Несколько минут назад мы услышали крики, и Томас сказал: пора. Вчера он отлил пулю. Он зарядил ружье, и мы вышли. Допишу, если останемся в живых.

21 декабря. Вчера ночью ходили к Смоллвудам. Джейкоб — смертельная рана. Волк убит.

Мы похороним Джейкоба на маленьком кладбище у подножия холма. Пусть его душа покоится с миром.

В официальной истории города Феллс-Черч, — продолжал Стефан, — этот фрагмент принято толковать так: Томас Фелл и его жена пошли к Смоллвудам и увидели, что на Джейкоба снова напал волк, который смертельно ранил его. На самом деле все было иначе. Не волк убил Джейкоба Смоллвуда, а Джейкоб Смоллвуд, *волк*, был убит — вот что здесь говорится. — Стефан закрыл книгу. — Он был оборотнем, твой пра-пра-пра — и еще много раз прадед. Он стал таким потому, что на него самого напал волк-оборотень. Он передал вирус оборотня сыну, который появился на свет через восемь с половиной месяцев после его смерти. Так же, как твой отец передал этот вирус тебе.

— Я всегда чувствовала, что в тебе есть что-то эдакое, Тайлер, — сказала Бонни, и Мерedit открыла глаза. — Никогда не могла объяснить, что именно, но подсознательно я всегда ощущала, что ты жуткий тип.

— Мы часто шутили по этому поводу, — сказала Мередит все еще хрипловатым голосом. — Насчет твоего «животного магнетизма» и твоих огромных белых зубов. Никогда не думала, что мы так близки к истине.

— Иногда такие вещи чувствуют медиумы, — закончил Стефан. — А иногда — даже обычные люди. Я должен был догадаться обо всем раньше, но был слишком занят другим. Что меня ни капельки не оправдывает. Но тот, другой, убийца-медиум, конечно же, сразу все понял. Я прав, Тайлер? К тебе подошел человек в старом плаще, высокий, со светлыми волосами и голубыми глазами, и предложил сделку. В обмен на *кое-что* он научит тебя, как вступить в права наследства. Как стать настоящим оборотнем.

Согласно ГERVасию Тильберийскому, — Стефан похлопал книгой по колену, — если человек стал оборотнем не в результате укуса другого оборотня, его надо посвятить. Вирус оборотня может всю жизнь находиться в твоём организме, но так и не будет активирован. Поколения Смоллвудов жили и умирали, и вирус в них дремал, потому что они не знали секрета его пробуждения. Но человек в плаще знал этот секрет. Он знал, что ты должен совершить убийство и выпить свежей крови. И тогда в ближайшее полнолуние ты станешь другим. — Стефан поднял голову, и Мередит проследила за его взглядом. Теперь они оба смотрели туда, где светился бледный диск луны. Сейчас это был уже не злобещий красный шар — она стала блеклой и плоской.

По мясистому лицу Тайлера пробежала тень подозрения, а потом он взъярился.

— Это ловушка! — заорал он. — Вы специально все подстроили.

— Вот это умище, — уважительно сказала Мередит, а Мэтт добавил:

— Вот именно.

Бонни послунила палец и нарисовала единичку на воображаемом табло.

— Я знал, что ты не устоишь перед искушением отправиться за девушкой на кладбище, если будешь уверен, что она пошла туда одна, — сказал Стефан. — Ты сочтешь, что кладбище — идеальное место для убийства, потому что там тебя никто не заметит. И еще я знал, что ты не удержишься и обязательно похвастаешься тем, что уже натворил. Я надеялся, что ты расскажешь Мередит чуть больше о втором убийце — о том, который выбросил Сью из окна, чтобы ты смог напиться свежей крови. О вампире, Тайлер. Кто он? Где он прячется?

Неистовая ярость на лице Тайлера сменилась ухмылкой.

— Думаешь, я тебе расскажу? Он мой друг.

— Он тебе не друг, Тайлер. Он тебя использует. И он убийца.

— Остановись, пока еще не поздно, Тайлер, — добавил Мэтт.

— Ты уже стал соучастником убийства. А сегодня попытался убить Мередит. Еще чуть-чуть, и ты не сможешь дать задний ход, даже если сам этого захочешь. Будь умнее. Остановись. Расскажи нам, что тебе известно.

Тайлер оскалился.

— Я *ничего* вам не расскажу. Вы не сможете меня заставить.

Все переглянулись. Атмосфера изменилась, и, когда все снова посмотрели на Тайлера, в воздухе повисла напряженная тишина.

— Ты что, правда ничего не понимаешь? — тихо спросила Мередит. — Тайлер, ты помог *убить* Сью. Она погибла ради кошунственного ритуала, чтобы ты смог превратиться в эту пакость, которую я только что видела. Ты собирался убить меня и — не сомневаюсь — Бонни и Викки тоже. Неужели ты думаешь, что мы тебя пожалеем? Неужели ты думаешь, что мы привели тебя сюда, чтобы с тобой церемониться?

Наступила пауза. Улыбка сползла с лица Тайлера. Он переводил взгляд с одного лица на другое.

Все сурово смотрели на него. Даже в лице Бонни не было никакой жалости.

— ГERVасий Тильберийский упоминает одно любопытное обстоятельство, — сказал Стефан почти добродушно. — От оборотничества помогает не только всем известная серебряная пуля. Есть еще одно лекарство. Вот послушай. — При лунном свете он стал читать книгу, лежащую у него на колене: — *«Известно от многих и подтверждено*

серьезными и знающими докторами, что, если лишить оборотня одного из его членов, он неминуемо возвратит себе первоначальный облик». Дальше Гервасий рассказывает о некоем Римбо из Оверна, оборотне, который исцелился после того, как плотник отрубил ему заднюю лапу. Естественно, это было безумно больно, но, говорится здесь, впоследствии Римбо сам благодарил плотника за то, что тот «навсегда избавил его от этого богомерзкого обличия», — Стефан поднял голову. — В общем, я думаю так. Если уж Тайлер отказывается нам помогать, мы, по крайней мере, должны позаботиться о том, чтобы он больше никого не убил. Какие будут мнения?

Первым заговорил Мэтт:

— Думаю, что исцелить его — наш долг.

— Тем более что всего-то надо лишить его одного из его членов, — согласилась Бонни.

— Вот только никак не могу решить, какого именно, — сказала Мередит, с трудом сдерживая смех.

Тайлер выпучил глаза. Измазанное грязью и кровью, его лицо, всегда красное, побелело.

— Вы меня нарочно пугаете!

— Мэтт, принеси топор, — скомандовал Стефан. — Мередит, сними с него ботинок.

Когда Мередит приблизилась к Тайлеру, он начал брыкаться, стараясь попасть ей по лицу. Мэтт подошел и мертвой хваткой зажал его голову под мышкой.

— Смотри, Тайлер, сам себе сделаешь хуже.

Босая нога, которую разула Мередит, оказалась огромной и такой же потной, как и руки. Пальцы густо поросли жестким волосом. Мередит передернуло.

— Давайте закончим с этим поскорее, — сказала она.

— Вы издеваетесь? — завопил Тайлер и задергался с такой силой, что Бонни пришлось прижать его вторую ногу коленями. — Вы этого не сделаете! Не сделаете!

— Держите его, — сказал Стефан. Совместными усилиями они держали Тайлера — голову зажимал Мэтт, на раздвинутых ногах сидели девушки. Убедившись, что Тайлер видит все происходящее, Стефан положил на краешек гробницы ветку толщиной сантиметров в пять. С размаху опустив топор, он одним ударом перерубил ее пополам.

— Острый, — сказал он. — Мередит, закатай штанину. Потом перетяни шнур над лодыжкой как можно туже, чтобы получился жгут. Иначе он все здесь зальет кровью.

— Вы не сделаете этого! — вопил Тайлер. — *Не сде-е-елаете!*

— Можешь кричать сколько влезет, Тайлер. Никто тебя не услышит. Так? — спросил Стефан.

— Ты ничем не лучше, чем я! — брызжа слюной, выкрикнул Тайлер. — Ты тоже убийца.

— Я знаю, кто я такой, — сказал Стефан, — уж поверь мне, Тайлер. Отлично знаю. Все готовы? Хорошо. Держите крепче; он сильно дернется.

Тайлер вопил так, что слов уже нельзя было разобрать. Мэтт приподнял его голову, чтобы он видел, как Стефан становится на колени и, прицеливаясь, заносит топор прямо над лодыжкой Тайлера, чтобы ударить с нужной силой.

— Поехали, — сказал Стефан и поднял топор.

— *Нет! Нет!* Я вам все расскажу! Все расскажу! — завопил Тайлер.

Стефан бросил на него короткий взгляд.

— Поздно, — сказал он и опустил топор.

Топор зазвенел, с искрами отскочив от каменного пола, но этот звук потонул в криках Тайлера. Ему понадобилось несколько минут, чтобы осознать, что лезвие даже не коснулось его ноги. Захлебнувшись в крике, он остановился, чтобы перевести дыхание и его безумные вытаращенные глаза уставились на Стефана.

— Говори, — холодно, без всякого выражения сказал Стефан.

Тайлер постанывал, на его губах выступила пена.

— Не знаю, как его зовут, — заговорил он, тяжело дыша, — но выглядит он именно

так, как ты рассказал. Да, это верно, он вампир. Я сам видел, как он досуха выпил здорового оленя, пока тот еще брыкался. Он меня *обманул*, — добавил Тайлер, и в его голос вернулись плаксивые нотки. — Он сказал, что я стану сильнее всех, буду таким же сильным, как и он. А еще — что я смогу заполучить любую девушку, какую угодно, и смогу сделать с ней все что угодно. Наврал, гаденыш!

— Он обещал, что ты сможешь убивать, и тебе ничего за это не будет? — спросил Стефан.

— Он сказал той ночью, что мне можно будет заняться Кэролайн. Она сама напросилась — нечего было меня отшивать. Я хотел, чтобы она умоляла меня о пощаде. Но она как-то сумела удрать из дома. Он сказал, что мне достанутся Кэролайн и Викки. А ему нужны только Бонни и Мередит.

— Но ты только что попытался убить Мередит...

— Это сейчас. Сейчас совсем другое дело, болван. Он сказал: теперь можно.

— Почему? — тихо спросила Мередит у Стефана.

— Наверное, потому, что ты сделала свое дело, — сказал он. — Ты привела меня сюда. — Он продолжил: — Хорошо, Тайлер. Теперь докажи, что ты действительно хочешь нам помочь. Расскажи, как нам с ним справиться.

— *Справиться?* Да вы спятили! — Тайлер грубо расхохотался, и Мэтт крепче сдвинул его шею. — Эй, можешь душить меня сколько влезет. Я говорю правду. Он сказал мне, что он из Древних, из Изначальных, хотя я понятия не имею, что это значит. Он сказал, что обращает людей в вампиров с тех времен, когда возводили пирамиды. Он сказал, что заключил сделку с дьяволом. Ему можно загнать кол в сердце, и ему это будет *абсолютно без разницы*. Его нельзя убить. — Он хохотал, не в силах остановиться.

— Где он прячется, Тайлер? — крикнул Стефан. — Любому вампиру нужно место, чтобы спать. Где?

— Если я скажу, он меня убьет. Он проглотит меня с потрохами. Вы что? Если бы я вам рассказал, что он сотворил с тем оленем, пока олень не сдох... — Смех Тайлера превратился во что-то похожее на рыдания.

— Тогда тебе разумнее помочь нам справиться с ним, пока он до тебя не добрался, верно? Где его слабое место? Как его можно победить?

— Бедный олень... — Тайлер стал всхлипывать.

— Вспомни про Сью. Над *ней* ты плакал? — спросил Стефан. Он подобрал топор. — Все, — сказал он, — кажется, мы зря теряем время.

Топор поднялся.

— Нет! Нет! Я буду говорить! Я вам кое-что расскажу. Слушайте. Есть одно дерево, которое может причинить ему вред, — не убить его, но причинить вред. Он обмолвился об этом, но не сказал, какое именно дерево! Это правда, честное слово!

— Плохо стараешься, Тайлер, — сказал Стефан.

— Пожалуйста... я расскажу вам, куда он собирается этой ночью. Если поторопитесь, то, может, и успеете его остановить.

— И куда он собирается? Говори, не тяни.

— Он собирается к Викки. Ясно вам? Он сказал: сегодня мы с ним оба получим по девчонке. Это же важная информация! Если поторопитесь, то, может, и застанете его.

Стефан замер, а Мередит почувствовала, что ее сердце бешено заколотилось. Им даже в голову не приходило, что он нападет на Викки именно сегодня.

— Ее охраняет Дамон, — сказал Мэтт. — Это так, Стефан? Так?

— Должен, — сказал Стефан. — Когда стало темнеть, он был там. Если бы что-то случилось, он бы вызвал меня...

— Знаете что, — шепотом сказала Бонни. Ее глаза округлились, а губы задрожали. — Я думаю, нам надо ехать *как можно скорее*.

Секунду все смотрели на нее, а потом бросились бежать. Зазвенев, упал брошенный Стефаном топор.

— Эй, вы забыли меня! Я ведь не смогу убежать! Он придет за мной! Вернитесь! Развяжите мне руки! — орал Тайлер, но никто не отозвался.

Они промчались вниз по холму и сели в машину. Мередит рванула с места и понеслась по шоссе, сворачивая на бешеной скорости, не замечая дорожных знаков, хотя, как ни странно, в глубине души ей очень не хотелось оказываться у дома Викки. Она предпочла бы развернуться и поехать в противоположную сторону.

«Я спокойна. Я никогда не нервничаю!» — твердила она про себя. Это была ложь. Мередит просто отлично умела изображать хладнокровие, когда внутри творилось черт знает что.

Вот и последний поворот. Они выехали на Березовую улицу, и Мередит нажала на тормоза.

— Господи! — закричала Бонни с заднего сиденья. — Нет! Нет!

— Быстро, — сказал Стефан. — Может быть, еще успеем. — Он распахнул дверь и выскочил еще до того, как машина успела остановиться. На заднем сиденье тихо плакала Бонни.

11

Их автомобиль пристроился за одной из полицейских машин, наводнивших улицу. Было много света — мигалки полицейских машин сверкали синим, красным и янтарно-желтым, горело электричество в доме Беннеттов.

— Сиди здесь, — прорычал Мэтт, выскочил из машины и побежал за Стефаном.

— Нет! — Бонни резко вздернула голову; ей хотелось схватить его и затащить обратно. Тошнота и головокружение, которые мучили ее с того самого момента, как Тайлер упомянул имя Викки, теперь стали невыносимыми. Они опоздали, она знала это с самой первой секунды. Они опоздали. Мэтт бежит навстречу верной смерти.

— Закройся изнутри и сиди здесь, Бонни. Схожу с ними, — это была Мередит.

— Нет! Меня сейчас стошнит от того, что все говорят мне *сидеть здесь!* — прокричала Бонни, сражаясь с ремнем безопасности. Наконец ей удалось его отстегнуть. Несмотря на слезы, она видела достаточно хорошо, чтобы выбраться из машины и пойти к дому Викки. Она слышала, что Мередит шагает за ней по пятам.

Основные события разворачивались у парадного входа — что-то выкрикивали мужские голоса, навзрыд плакала женщина, кричали полицейские рации. Бонни и Мередит направились прямо к задней стороне дома, к окошку Викки. «С окном что-то не так, но что?» — отчаянно думала Бонни, пока они шли. В картине, которую она видела перед собой, была какая-то неправильность, но она никак не могла понять, какая именно. Окно в комнату Викки было распахнуто настежь... «Стоп, но оно ведь не может быть открыто *полностью* — у эркерных окон средняя рама никогда не открывается», — думала Бонни. Почему же тогда занавеска колыхается, как подол ночной рубашки?

Окно не открыто. Оно разбито. Гравий был усыпан осколками, они хрустели под ногами. Кое-где в голой раме торчали осколки стекол, похожие на оскаленные зубы. В дом Викки кто-то вломился.

— Она пригласила его в дом. — Бонни плакала от беспомощной ярости. — Зачем она это сделала? *Зачем?*

— Стой здесь, — сказала Мередит, облизывая пересохшие губы.

— *Хватит это повторять.* Я так не могу, Мередит. Я просто-напросто свихнусь. Я ненавижу его. — Она схватила Мередит за руку и направилась вперед.

Зияющая дыра становилась все ближе и ближе. Занавески колыхались. Расстояние между ними позволяло видеть, что происходит в комнате.

В последнюю секунду Мередит оттолкнула Бонни и заглянула туда первой. Это не имело никакого значения. Обостренное экстрасенсорное чутье Бонни уже рассказало ей о комнате все. Она была похожа то ли на кратер от падения метеорита, то ли на обугленный

остов леса после пожара. Сила и злая энергия еще вибрировали в воздухе, хотя главные события были уже позади. Это место подверглось жестокому налету.

Мерedit стремительно отвернулась от окна и согнулась пополам. Ее вырвало. Сжав кулаки с такой силой, что ногти впились в ладони, Бонни подалась вперед и заглянула.

Первым, что она ощутила, был запах. Влажный запах мяса и металла. Она почти чувствовала его вкус — такой бывает во рту, когда прикусишь язык. В колонках что-то играло, но из-за криков с той стороны и барабанного гула в ушах она не смогла расслышать, что именно. Ее глаза, еще не привыкшие к свету после уличной темноты, различали только красный цвет. Красный цвет — и больше ничего.

Это был новый цвет комнаты Викки. Бирюзовый куда-то исчез. Красные обои, красный плед. Аляповатые красные пятна по всему полу. Как будто ребенок заполучил ведро красной краски и свихнулся на радостях.

Щелкнул проигрыватель, и иголка вернулась к началу пластинки. Песня заиграла снова, и Бонни с ужасом узнала ее.

Это была песня «Спокойной ночи, милая».

— Ах ты скотина, — прошептала Бонни. У нее закололо в желудке. Пальцы сжали оконную раму, крепче, еще крепче. — Скотина! Ненавижу! *Ненавижу тебя!*

Мерedit услышала ее шепот, выпрямилась, обернулась, дрожащими руками поправила волосы и несколько раз глубоко вдохнула и выдохнула, стараясь сделать вид, что с ней все в порядке.

— Ты поранила руку, — сказала она. — Дай-ка я посмотрю.

Бонни даже не заметила, что порезалась осколками стекла. Она протянула кровоточащую ладонь, но, вместо того чтобы дать Мерedit осмотреть рану, схватила ее за руку.

У Мерedit был жуткий вид: глаза остекленели, губы побелели, ее трясло. Но Мерedit все равно пыталась позаботиться о ней, пыталась взять все на себя.

— Не надо, — сказала Бонни, пристально глядя ей в глаза. — Поплачь, Мерedit. Поплачь громко, если хочешь. Но только выпусти то, что у тебя накопилось. Сейчас не надо быть хладнокровной, не надо держать это в себе. У тебя есть полное право не сдерживаться.

Секунду Мерedit стояла, дрожа, потом покачала головой, и на ее лице проскользнула призрачная тень улыбки.

— Не могу. Просто я по-другому устроена. Ладно, давай я все-таки посмотрю твою руку.

Может быть, Бонни и заспорила бы с ней, но в эту секунду из-за угла показался Мэтт. Он бросил на девушек яростный взгляд.

— Что вы тут делаете?.. — начал он, а потом увидел окно.

— Она мертва, — ровным голосом сказала Мерedit.

— Я знаю. — Мэтт был похож на плохую, слегка передержанную фотографию себя самого. — Мне сразу сказали. Сейчас там выносят... — Он не договорил.

— Мы все провалили. И это после того, как мы ей пообещали... — Мерedit тоже не договорила. Говорить было нечего.

— Но теперь-то полицейские нам поверят, — сказала Бонни, глядя то на Мэтта, то на Мерedit. Она отчаянно пыталась найти в случившемся хоть какой-то плюс. — Им *придется* поверить.

— Нет, — сказал Мэтт. — Они не поверят, Бонни. Понимаешь, они уже сказали, что это самоубийство.

— Самоу... Они вообще видели комнату? Они хотят сказать, что *это* — самоубийство?! — почти закричала Бонни.

— Они говорят, она была эмоционально неуравновешенна. Они говорят, ей... ей каким-то образом попали в руки ножницы...

— О господи, — сказала Мерedit и отвернулась.

— Они говорят — по-видимому, ее терзало чувство вины за то, что она убила Сью.

— Кто-то вломился в дом, — яростно сказала Бонни. — И они не могут это отрицать.

— Могут. — Голос Мередит был тихим, как будто она смертельно устала. — Ты посмотри на окно. Все осколки снаружи. Стекло разбили изнутри.

«Вот что еще было неправильно в той картинке», — сообразила Бонни.

— Скорее всего, он сделал это, когда покидал дом, — сказал Мэтт. Все беспомощно смотрели друг на друга.

— А где Стефан? — спокойно спросила Мередит у Мэтта. — Он случайно не торчит там у всех на виду?

— Нет. Как только мы узнали, что она мертва, он ушел куда-то в этом направлении. Я пошел его искать. Наверняка он где-то рядом...

— Тсс! — сказала Бонни. Со стороны главного входа перестали доноситься громкие голоса. Женские крики тоже прекратились. В этой относительной тишине они расслышали негромкие слова, донесшиеся из-за черных грецких орехов в задней части двора:

— ...хотя это *ты* должен был ее охранять.

Голос был такой, что по коже Бонни побежали мурашки.

— Это он, — сказал Мэтт. — Он там с Дамоном. Пошли!

Когда они дошли до деревьев, Бонни смогла отчетливо расслышать голос Стефана. Два брата стояли в лунном свете лицом к лицу.

— Я поверил тебе, Дамон. Я тебе поверил! — говорил Стефан. Бонни никогда не видела его в такой ярости. Даже на кладбище с Тайлером он был не так зол. Но тут была не просто ярость.

— Ты стоял и смотрел, — продолжал Стефан, не глядя на Бонни и остальных и не давая Дамону вставить ни слова. — Почему ты не сделал *хоть что-нибудь*? Я понимаю: сам побоялся лезть, потому что трус. Но ты мог позвать *меня*. А ты просто стоял и ничего не делал.

Лицо Дамона было серьезным и мрачным. Его черные глаза блестели, а в том, как он держался, не было ни капли обычной флегмы. Он казался непреклонным и каким-то хрупким, как оконное стекло. Он открыл было рот, но Стефан его перебил:

— Это я во всем виноват. Я должен был догадаться. Да я и догадывался. И они догадывались, они предупреждали меня, но я их не послушал.

— Ах, *они предупреждали*? — Дамон бросил короткий взгляд на Бонни, стоявшую в сторонке. По ее спине пробежал холодок.

— Стефан, постой, — начал Мэтт. — Мне кажется...

— А я *должен* был послушать! — Стефан распалялся все больше и больше. Казалось, он даже не слышал Мэтта. — Я должен был остаться сам. Я пообещал ей, что с ней ничего не случится, — и соврал! Она погибла с мыслью, что я ее предал. — Тут Бонни поняла, что именно это читается у него на лице. Чувство вины разъедало его, как кислота. — Если бы я остался...

— ...то тоже был бы трупом, — прошипел Дамон. — Это не обычный вампир. Он сломал бы тебя пополам, как сухой прутик...

— Значит, так было бы лучше! — заорал Стефан, тяжело дыша. — Лучше погибнуть вместе с ней, чем стоять и смотреть, как ее убивают. Что тут случилось, Дамон? — Он как будто овладел собой и стал спокойным, слишком спокойным. На бледном лице лихорадочно блестели зеленые глаза, а голос звучал зло, ядовито. — Ты отвлекся? Гонялся за другой девушкой по кустам? Или было не настолько интересно, чтобы вмешаться?

Дамон ничего не отвечал. Он был так же бледен, как и его брат; все его мышцы были напряжены. При каждом взгляде на Стефана от него словно исходила волна черной ярости.

— А может быть, ты получил удовольствие? — продолжал Стефан, сделав шаг вперед и встав вплотную к брату. — Конечно, так оно и было. Тебе понравилось общество другого убийцы. Ну и как ощущения? Он разрешил тебе понаблюдать?

Кулак Дамона резко мотнулся назад и ударил Стефана.

Движение было слишком быстрым, чтобы глаза Бонни сумели его уловить. Стефан

отлетел и упал на мягкую землю, раскинув длинные ноги. Мередит что-то выкрикнула, а Мэтт выскочил вперед и оказался прямо перед Дамоном.

«Как смело, — подумала ошарашенная Бонни, — но как глупо». Воздух искрился электричеством. Стефан провел рукой по лицу и увидел кровь, отливавшую черным в лунном свете. Бонни присела перед ним и взяла его за руку.

Дамон двигался на него. Мэтт отступил, но всего на пару шагов, присел на корточки перед Стефаном и поднял руку:

— Так, ребята, хватит! Перестаньте, договорились?

Стефан пытался подняться. Бонни крепче схватила его за руку.

— Нет! Не надо, Стефан! Не надо! — умоляла она. Мередит взяла Стефана за другую руку.

— Дамон, остынь! Просто остановись, ладно? — говорил Мэтт.

«Мы совсем свихнулись, — подумала Бонни. — Пытаемся разнять двух разъяренных вампиров. Да они убьют нас только для того, чтобы мы не раздражали их своей болтовней. Дамон сейчас прихлопнет Мэтта, как муху».

Но Дамон остановился перед Мэттом, преградившим ему путь. Довольно долго длилась немая сцена. Никто не шевелился, все замерли в напряжении. Наконец Дамон сменил угрожающую позу на более спокойную.

Он опустил руки, разжал кулаки и медленно перевел дух. Бонни вдруг поняла, что тоже задерживает дыхание, и тоже выдохнула.

Лицо Дамона было холодным, как ледяная скульптура.

— Хорошо, пусть будет по-вашему, — сказал он, и голос его тоже был ледяным. — Но с меня хватит. Я уйду. И на этот раз, брат, если ты пойдешь за мной, я убью тебя. И наплевать, кому ты что обещал.

— Я не пойду за тобой, — сказал Стефан, не вставая на ноги. Он произнес это так, будто глотал битое стекло.

Дамон одернул куртку. Бросив невидящий взгляд на Бонни, он повернулся, собираясь уходить. Но в последний момент он снова развернулся и произнес ясно и отчетливо, так что каждое слово было стрелой, выпущенной в Стефана: — Я предупреждал тебя, — сказал он. — И о том, кто я такой, и о том, кто победит. Тебе надо было послушать *меня*, братишка. Может, тогда ты понял бы, *что* произошло этой ночью.

— Я понял, что бывает, когда доверяешь тебе, — сказал Стефан. — Убирайся, Дамон. Я не хочу тебя больше видеть. Никогда.

Не говоря ни слова, Дамон развернулся и ушел прочь, в темноту.

Бонни отпустила ладонь Стефана и закрыла лицо руками.

Стефан встал и отряхнулся, как кошка, которую удерживали силой. Ни на кого не глядя, он отошел на несколько шагов. Некоторое время простоял молча. Казалось, его гнев остыл так же быстро, как и разгорелся.

«Что теперь говорить? — думала Бонни, глядя в небо. — Что тут вообще скажешь?» Стефан был прав в одном: они предупреждали его насчет Дамона, а он их не послушал. Похоже, он искренне считал, что брату можно доверять. И они расслабились, они положились на Дамона, потому что так было проще и потому что им нужна была помощь. Когда было решено, что Дамон этой ночью будет дежурить у дома Викки, никто не возразил ни единым словом.

Вина лежала на всех. Но Стефан был готов убить себя. Бонни понимала, что именно поэтому он потерял голову и набросился на Дамона — он чувствовал себя виноватым, его терзали угрызения совести. Она не знала, понял это Дамон или нет, имело ли это для него хоть какое-то значение. Теперь, когда Дамон ушел, они, видимо, уже никогда этого не узнают.

«И все-таки, — подумала она, — то, что он ушел, — к лучшему».

Со стороны дома снова слышались звуки: заводились машины, отрывисто взывали сирены сигнализации, хлопали дверцы. Здесь, под деревьями, они были в безопасности, но

задерживаться все-таки не стоило.

Мерedit, закрыв глаза, поднесла руку ко лбу. Бонни перевела взгляд от нее к Стефану, а от Стефана — на свет в затихшем доме, видневшемся за деревьями. Она всем телом ощущала смертельную усталость. Запас адреналина, на котором она держалась весь вечер, закончился. Она не чувствовала даже злости из-за гибели Викки — только тошноту, грусть и сильную, очень сильную усталость. Ей мучительно захотелось нырнуть в постель и с головой забраться под одеяло.

— Тайлер, — сказала она вслух. Когда все посмотрели на нее, она объяснила: — Мы оставили его там, на развалинах церкви. А теперь он — наша последняя надежда. Надо заставить его помогать нам.

Ее слова подняли с места всех. Стефан молча повернулся и, не оглядываясь, двинулся вперед; все остальные пошли за ним в сторону улицы. Полиция и скорая помощь уехали, и до кладбища они добрались без приключений.

Но когда они дошли до развалин, никакого Тайлера там не было.

— Мы не связали ему ноги, — мрачно, с гримасой отвращения к себе, сказала Мерedit. — Вот он и ушел. Ушел пешком — его машина все еще стоит внизу.

«Или, может быть, его унесли», — подумала Бонни. Но на каменном полу не было никаких следов, по которым можно было бы понять, какое предположение верно.

Мерedit подошла к развалинам стены и села, потирая переносицу.

Бонни опустилась на пол у звонницы.

Они проиграли. Таков был итоговый счет этого дня. Они проиграли, а *он* выиграл. Все, что они сегодня сделали, было сделано впустую.

А Стефан — она отчетливо это видела — взвалил всю ответственность за случившееся на свои плечи.

Всю дорогу к общежитию она не отрываясь смотрела на темноволосую понурившуюся голову впереди. И тут ей в голову пришла еще одна мысль, от которой у нее по коже побежали мурашки. Теперь, когда Дамон ушел, Стефан остался единственным, кто может их защитить. А Стефан так слаб и изможден...

Когда Мерedit подъезжала к амбару, Бонни закусила губу. В ее сознании вызревал план. От этого плана ей стало беспокойно, даже страшно, но она еще раз посмотрела на Стефана — и решительно отмела все сомнения.

«Феррари» так и стоял за амбаром — Дамон бросил машину. Бонни задумалась было, как он собирается передвигаться за городом без машины, но потом вспомнила про крылья. Черные вороньи крылья, сильные, мягкие, как бархат, с переливающимися перьями. Дамон мог обойтись и без машины.

Пока они заходили, Бонни успела позвонить родителям и сказать, что переночует у Мерedit. Это была ее идея. Но когда Стефан пошел по лестнице в мансардную комнату, Бонни остановила Мэтта у переднего входа.

— Мэтт! Можно тебя кое о чем попросить?

Он повернулся к ней, и его голубые глаза округлились.

— Ничего себе! Эту фразу, слово в слово, часто говорила мне Елена, и каждый раз...

— Нет-нет, ничего особенного. Просто хочу попросить, чтобы ты позаботился о Мерedit, проводил ее, убедился, что она дома, с ней все в порядке, и так далее. — Она махнула рукой в сторону девушки, которая уже шла к машине.

— Я думал, ты едешь с нами.

Бонни посмотрела через открытую дверь на лестницу.

— Нет. Думаю, я задержусь на несколько минут. Меня может отвезти Стефан. Хочу кое о чем с ним поговорить.

Мэтт был явно озадачен.

— О чем?

— Ну, есть о чем. Я сейчас не могу объяснить. Мэтт, ты сделаешь то, что я прошу?

— Но... Да, конечно. Слишком устал, так что мне сейчас все равно. Делай что хочешь.

Увидимся завтра.

С этими словами он ушел, расстроенный и немного рассерженный.

Бонни тоже рассердилась. А если бы даже он не устал — с какой стати его должно волновать то, о чем она собирается поговорить со Стефаном? Но сейчас у нее не было времени размышлять над этими загадками. Взглянув на лестницу, она расправила плечи и зашагала вверх по ступенькам.

Лампочка в мансарде не горела, поэтому Стефан зажег свечу. Он, раскинувшись, с закрытыми глазами лежал на кровати, свесив одну ногу. Может быть, он уже спал. Бонни на цыпочках подошла к нему и сделала глубокий вдох, набираясь храбрости.

— Стефан!

Он открыл глаза.

— Я думал, ты уехала.

— Они уехали. Я осталась.

«Господи, какой же он бледный», — подумала Бонни. Она импульсивно перешла к самой сути:

— Стефан, я тут кое-что подумала. Дамон ушел, и теперь между нами и убийцей стоишь только ты. А значит, ты должен быть сильным, насколько это возможно. И, понимаешь, мне пришла в голову мысль, что ты, наверное... что тебе, наверное, нужно... — Тут Бонни осеклась. Она стала машинально тереть повязку, которой перевязали ее порез. Рана все еще слабо кровоточила.

Он проследил за ее взглядом и увидел повязку. Его взгляд стремительно взметнулся к ее глазам, и она утвердительно кивнула. Наступила долгая пауза.

А потом он покачал головой.

— Ну почему? Стефан, я никого не хочу обижать, но, честное слово, вид у тебя не самый цветущий. Если ты вдруг свалишься в обморок, от этого никому не будет пользы. И потом... это же по доброй воле. Естественно, если ты возьмешь немножко. Ты ведь не заберешь у меня что-то невозполнимое, правильно? И это не так уж больно. И... — Ее голос опять прервался. А Стефан просто смотрел на нее, и это окончательно ее сбило. — Ну почему нет? — уныло спросила она, чувствуя себя слегка обиженной.

— Потому что я дал обещание, — мягко ответил он. — Не то чтобы торжественную клятву, но — все равно. Я пообещал. Я никогда не буду употреблять в пищу человеческую кровь, потому что это значит, что я использую человека как домашний скот. И я ни с кем не буду обмениваться кровью, потому что это значит, что я люблю этого человека, а... — теперь уже он не знал, как закончить. Но Бонни его поняла.

— Потому что ни с кем другим так уже не будет? — спросила она.

— Да. Для меня это невозможно. — Стефан настолько устал, что его самоконтроль ослаб, и Бонни смогла увидеть то, что он скрывал под маской. И она снова почувствовала его боль и его тоску; они были такими острыми, что она отвернулась.

Она почувствовала холодный укол нехорошего предчувствия в сердце. Раньше она задавалась вопросом, сумеет ли когда-нибудь Мэтт избавиться от боли, связанной с Еленой, но теперь он, похоже, начал выкарабкиваться. А вот Стефан...

«Стефан другой», — поняла она, и холодок стал еще сильнее. Сколько бы ни прошло времени, что бы он ни делал, он никогда не излечится до конца. Без Елены он всегда будет только наполовину самим собой, только наполовину живым.

Надо срочно что-то придумать, что-то сделать, чтобы избавиться от ледящего душу ужаса. Стефану нужна Елена. Без нее он никогда не будет собой. Сегодня он уже почти сломался, то отчаянно пытаясь взять себя в руки, то впадая в бешеную ярость. А вот если бы он смог хотя бы на минутку повидаться с Еленой, поговорить с ней...

Бонни пришла сюда, чтобы предложить Стефану подарок, который оказался ему не нужен. Но есть кое-что другое, поняла она, что ему действительно нужно. И только она может дать ему это.

Глядя в сторону, она спросила хрипловатым голосом:

— Хочешь увидаться с Еленой?

Со стороны кровати не доносилось ни звука. Бонни сидела и разглядывала тени, блуждающие и прыгающие по стенам. Наконец, собравшись с духом, она краешком глаза посмотрела на Стефана.

Стефан тяжело дышал. Глаза его были закрыты, а все тело напряжено, как тетива лука. Бонни поняла: он пытается взять себя в руки и справиться с искушением.

И он проигрывал в этой борьбе. Бонни ясно это видела.

Елена всегда была слишком важна для него.

Когда их взгляды встретились, глаза Стефана были мрачными, а рот сжался в тугую линию. Лицо утратило свою бледность — на нем выступили красные пятна. Тело по-прежнему было напряжено, как пружина, и буквально дрожало от нетерпения.

— Это может быть опасно для тебя, Бонни.

— Знаю.

— Ты станешь уязвимой перед силами, над которыми у тебя нет власти. И я не могу пообещать тебе, что сумею тебя защитить.

— Знаю. Так ты хочешь это сделать?

Он схватил ее за руку.

— Спасибо тебе, Бонни, — шепотом сказал он.

Она почувствовала, что по ее лицу разливается румянец.

— Не за что, — сказала она. Ох, беда. Как же он прекрасен. Эти глаза... Еще секунда — и она или бросится ему на шею, или растает, растечется лужицей прямо у него под кроватью. Испытывая болезненно-приятное ощущение от собственной порядочности, она выдернула руку и посмотрела на свечку.

— Вот смотри. Я войду в транс и попытаюсь вступить в контакт с Еленой, а если получится, то найду тебя и втяну в свой транс. Что ты думаешь?

— Думаю, получится. Если одновременно я тоже буду тебя искать, — сказал он, глядя на свечу тем же пронзительным взглядом, каким перед этим смотрел на Бонни, — то смогу соприкоснуться с твоим сознанием... Когда у тебя все будет готово, я это почувствую.

— Хорошо. — Свеча была белой, а ее восковые края — мягкими и сверкающими. Пламя то поднималось, то опадало. Бонни не отводила взгляда от пламени, пока не утонула в нем, пока не исчезла комната. Было только пламя, пламя и она. Пламя поглотило ее.

Она была окружена ослепительно-ярким светом. А потом провалилась сквозь него во тьму.

* * *

В похоронном бюро было холодно. Бонни беспокойно огляделась, не понимая, как она здесь оказалась, и попыталась собраться с мыслями. Она была совершенно одна, и почему-то это ее беспокоило. Может быть, здесь должен быть кто-то еще? Она кого-то искала.

В соседнем помещении горел свет. Бонни зашла туда, и ее сердце бешено застучало. Это был зал для прощаний, в нем стояли высокие канделябры, в которых, дрожа и мерцая, горели белые свечи. В окружении свечей стоял белый гроб с открытой крышкой.

Медленно, словно повинаясь какой-то непреодолимой силе, Бонни пошла к гробу. Она не хотела в него смотреть. Но она должна была. Там, в этом гробу, ее что-то ждало.

Весь зал был залит мягким белым светом свечей. Бонни словно бы шла по островку сияния. И все-таки ей ужасно не хотелось заглядывать в гроб...

Двигаясь еле-еле, как в замедленной съемке, она дошла до гроба и увидела белую атласную обивку. Гроб был пуст.

Бонни задвинула крышку и, тяжело дыша, облокотилась о гроб.

Боковым зрением она уловила какое-то движение и резко повернулась.

Это была Елена.

— Господи, как ты меня напугала, — сказала Бонни.

— Кажется, я говорила, чтобы ты больше не приходила сюда, — сказала Елена.

На этот раз ее светло-золотые, как пламя, волосы были распущены и волнами ниспадали по плечам и спине. На ней было тонкое белое платье, мягко переливающееся в свете свечей. Она и сама была похожа на свечу — светлая, сияющая. Она была босиком.

— Я пришла, чтобы... — пробормотала Бонни. В глубине ее сознания брезжила какая-то мысль. Это был *ее* сон, ее транс. Она должна была вспомнить. — Я пришла, чтобы ты смогла встретиться со Стефаном, — сказала она.

Глаза Елены расширились, губы приоткрылись. Бонни узнала этот взгляд — взгляд, полный боли и невыносимой тоски. Пятнадцать минут назад она видела тот же взгляд у Стефана.

— Ох, — шепотом сказала Елена. Она сглотнула, ее глаза покрылись поволокой. — Ох, Бонни... *я не могу*.

— Почему?

В глазах Елены стояли слезы, ее губы дрожали.

— А что, если все опять начнет меняться? Что, если появится *он*, и... — Она прикрыла рот рукой, и Бонни вспомнила свой последний сон, где изо рта Елены градом сыпались зубы. Бонни бросила на нее взгляд, полный сочувствия и ужаса. — Неужели ты не понимаешь? Если это случится, я этого не вынесу, — прошептала Елена. — Если он увидит меня *такой*... Я ни над чем здесь не властна, я не настолько сильна. Прошу тебя, Бонни, не пускай его сюда. Передай, что мне ужасно жалко. Передай, что... — Елена закрыла глаза. Она плакала.

— Хорошо. — Бонни сама была готова разрыдаться, но она понимала, что Елена права. Она отыскивала сознание Стефана, чтобы все ему объяснить и помочь пережить разочарование. Но едва она вступила с ним в контакт, как поняла, что совершила ошибку. — Стефан, нет! Елена сказала...

Это уже не имело смысла. Его разум был сильнее, и в тот самый миг, когда она установила с ним связь, он взял над ней верх. Он почувствовал, о чем говорили Бонни и Елена, но отказывался принять отказ. Бонни беспомощно ощущала, как ее сознание сдается, а его сознание несется все ближе и ближе к острову света, образованному свечами. Она ощущала, как он появляется, как обретает форму. Обернувшись, она увидела его самого — черноволосого, с встревоженным лицом и пронзительными, как у сокола, зелеными глазами. Тогда Бонни поняла, что уже ничего нельзя сделать, и отступила в сторону, оставив их наедине.

12

Стефан услышал мягкий шепот, полный боли.

— Нет.

Голос, который он уже отчаялся услышать вновь, голос, который ему никогда не забыть. По телу пробежали мурашки, и он почувствовал, что начинает дрожать. Он обернулся на голос — и больше уже не мог думать ни о чем другом, а его разум едва не помутился от наплыва чувств.

Зрение Стефана было затуманено, он видел перед собой только размытое пятно света, яркое, словно от тысячи свечей, — но это не имело никакого значения. Он *ощутил* ее присутствие. Ощутил то же светло-золотое сияние, льющееся прямо в его сознание, что и в первый день своего пребывания в Феллс-Черч. Сияние, исполненное холодной красоты, обжигающей страсти и полнокровной жизни, требующее забыть обо всем на свете и идти навстречу.

Елена. Это действительно была Елена.

Ее присутствие заполнило его целиком, до кончиков пальцев. Все его изголодавшиеся чувства устремились к волне света, изнемогая от желания найти ее и от тоски по ней.

И тогда она вышла вперед.

Она двигалась медленно, неуверенно, словно борясь с собой. Стефан понял, что он не может пошевелинуться.

Елена.

Он разглядывал каждую ее черточку, словно видел ее впервые. Светло-золотые волосы, окружавшие лицо и плечи, как нимб. Светлая, безупречно красивая кожа. Тонкое гибкое тело. Она отпрянула от него, предостерегающе подняла руку.

— Стефан, — послышался тихий голос, и это был *ее* голос. Ее голос произнес вслух его имя. Но в нем звучала такая боль, что Стефану захотелось броситься к ней, сжать в объятиях, дать слово, что все будет хорошо...

— Стефан, прошу тебя... *Я не могу...*

Теперь он видел ее глаза. Темно-голубые, как лазурит, сияющие в золотом свете. Широкие от боли и влажные от непролитых слез.

— Ты не хочешь меня видеть? — Его голос был сухим, как пыль.

— Я не хочу, чтобы *ты* видел *меня*. О, Стефан, он может сделать все что угодно. И он нас найдет. Он придет...

Стефан испытал облегчение и мучительное блаженство. У него не получалось задуматься над смыслом ее слов, но это не имело никакого значения. Достаточно было того, как она произнесла его имя. В этом коротком «о, Стефан» были ответы на все его вопросы.

Он медленно приблизился к ней, и его рука нашла ее руку. Он видел, как она протестующе покачала головой, видел, как приоткрылись ее губы, и участилось дыхание. Вблизи все ее тело словно сияло изнутри, как пламя прозрачной восковой свечи. Капельки слез блестели на веках, как бриллианты.

И хотя Елена все еще качала головой, все еще пыталась остановить его, она не отдернула руку. Она не сделала этого даже тогда, когда пальцы его протянутой руки коснулись ее прохладных пальцев так, словно их разделяло стекло.

Они стояли так близко, что ей было не отвести взгляда. Они смотрели друг на друга, смотрели, не отворачиваясь. И наконец она перестала тихо повторять «Стефан, не надо» и прошептала одно лишь его имя.

Он не мог ни о чем думать. Сердце было готово выпрыгнуть у него из груди. Она стояла здесь, они были вместе, и все остальное не имело никакого значения. Он не замечал странностей этого места, не думал, что кто-то может за ними подглядывать.

Медленно, очень медленно, он взял ее руку в свою, и их пальцы сплелись так, словно всегда были единым целым.

Он коснулся ее лица, а она закрыла глаза и прижалась щекой к его ладони. Он почувствовал на пальцах влагу и едва не рассмеялся. Слезы во сне. Нет, эти слезы были настоящими, и *она сама* была настоящей. Елена.

Всего лишь оттого, что он вытер с ее щеки слезу, его охватило чувство блаженства, настолько острое, что причиняло боль.

Нерастрченная нежность последних шести месяцев, чувства, которые он держал под замком в глубине своего сердца, могучим потоком прорвались наружу, и он утонул в них. Они оба в них утонули. Еще одно незаметное движение — и он уже держал ее в объятиях.

Та, которую он обнимал, была ангелом, прохладным и свежим, полным жизни и невероятно красивым. Существом из пламени и света. Она трепетала в его объятиях, а потом, так и не открыв глаз, потянулась к нему губами.

В ее поцелуе не было прохлады, от него по нервам Стефана словно пробежал электрический разряд. Ее поцелуй грозил растопить все вокруг. Стефан понял: как он ни учился сдерживать себя те шесть месяцев, что прошли после ее смерти, сейчас он безнадежно теряет власть над собой. Все, что было внутри, вырвалось наружу, все замки распались, открылись все шлюзы. Чувствуя, что у него самого на глазах выступают слезы, он так прижал ее к себе, словно хотел стать с ней одной плотью, одним существом. И тогда уже ничто и никогда их не разлучит.

Они плакали, не прерывая поцелуя. Тонкие руки Елены обвились вокруг его шеи, она

прильнула к Стефану каждой клеточкой своего тела, так, как будто никогда не принадлежала никому другому. А он чувствовал на губах солоноватый вкус ее слез, и для него не было вкуса слаще.

Он смутно помнил, что нужно подумать о чем-то другом. Но первое же прикосновение подействовало на него подобно разряду электрического тока и лишило способности мыслить. Они стояли в воронке огненного водоворота — вся вселенная могла взорваться, разлететься в пыль, сгореть дотла — ему было все равно, ведь он защитит ее от чего угодно.

Но Елена дрожала.

Дрожала не только от нахлынувших чувств, не только от страсти, кружившей ему голову и заставлявшей его чувствовать себя пьяным от радости. Она дрожала от страха. Он ощущал страх, поселившийся в ее сознании, и ему хотелось спрятать ее, защитить. *Убить* того, кто посмел ее напугать. С каким-то звуком, напоминающим рычание, он вскинул голову и огляделся.

— Что с тобой? — спросил он и услышал в собственном голосе хрип хищника. — Если кто-то попробует причинить тебе вред...

— Мне ничего не грозит, — не разжимая рук, она чуть-чуть откинула голову, чтобы заглянуть ему в глаза. — Я боюсь за *тебя*, Стефан, боюсь того, что он может сделать с тобой. И того, что он заставит тебя увидеть... — Ее голос дрогнул. — Стефан, прошу тебя, уходи скорее, пока он не появился. Через меня он может отыскать тебя. Прошу тебя, пожалуйста, уходи...

— Проси меня о чем угодно, кроме этого, и я исполню все, что ты скажешь, — сказал он. Если убийца захочет оторвать его от Елены, ему сначала придется разорвать его нерв за нервом, мускул за мускулом, клетку за клеткой.

— Стефан, это ведь просто сон, — в отчаянии сказала Елена, и слезы снова покатались у нее из глаз. — Мы не можем прикоснуться друг к другу по-настоящему. Нам не быть вместе. Это не разрешается.

Для Стефана это было неважно. По ощущению все происходящее не было похоже на сон. Это было по-настоящему. Но пусть даже и сон — и во сне он не отдаст Елену, не отдаст никому. Нет такой силы, ни на небесах, ни в преисподней, которая заставила бы его...

— Ошибаешься, дружище. Тебя ждет сюрприз! — послышался новый голос, которого Стефан никогда раньше не слышал. Он понял сразу: это голос убийцы. Охотника среди охотников. Повернувшись, он тут же вспомнил слова Викки. Несчастной Викки.

Он похож на дьявола.

Если дьявол может быть красивым и светловолосым.

На нем, как и говорила Викки, был старый плащ, грязный и потрепанный. Он мог бы затеряться в толпе на улице любого большого города, если бы не слишком высокий рост и слишком ясные и пронзительные глаза. Его глаза были светло-голубыми, как морозное небо. Волосы, почти белые, стояли торчком, словно их вздыбило порывом холодного ветра. От его широкой улыбки Стефану стало нехорошо.

— Сальваторе, если не ошибаюсь? — сказал он, отвечивая поклон. — И конечно, красавица Елена. *Мертвая* красавица Елена. Пришел на свидание, Стефан? Ведь вам судьбой предначертано быть вместе.

Он выглядел молодо. Старше, чем Стефан, но все-таки молодо. Но он не был молод.

— Стефан, беги, — прошептала Елена. — Мне он ничего не сможет сделать, но ты — другое дело. Он может сделать что-нибудь такое, что не исчезнет после пробуждения.

Рука Стефана продолжала обнимать ее.

— Браво! — Мужчина в плаще зааплодировал, словно привлекая внимание невидимой публики. Вдруг он слегка покачнулся; будь он человеком, Стефан решил бы, что он пьян.

— Стефан, умоляю, — проговорила Елена.

— Было бы невежливо уходить, когда мы даже не представились как следует, — сказал белокурый. Не вынимая рук из кармана плаща, он сделал пару шагов в их сторону. — Разве ты не хочешь узнать, кто я такой?

Елена покачала головой. Это не был ответ «нет» — это был жест отчаяния. Она уткнулась в плечо Стефана. Он положил руку ей на затылок, словно чтобы защитить от этого безумца.

— Хочу, — ответил он, глядя на белокурого поверх ее головы.

— Тогда не понимаю, почему ты с самого начала не спросил меня самого, — сказал тот и поскреб щеку средним пальцем. — Вместо этого стал выяснять у других. А ведь ответить на этот вопрос могу только я сам. Мне много лет, Стефан.

— Сколько? — спросил Стефан, которого нисколько не поразили эти слова.

— Очень, очень много... — В глазах белокурого появилось мечтательное выражение. Он словно погружался в минувшее. — Я разрывал прекрасные белые глотки еще в ту эпоху, когда твои предки строили Колизей. Я убивал в армии Александра. Я воевал в Троянскую войну. Я стар, Сальваторе. Я — один из Изначальных. В самых ранних своих воспоминаниях я иду с бронзовым топором.

Стефан медленно кивнул.

Ему доводилось слышать о Древних. Слухи о них шепотом передавались среди вампиров, но никому из тех, кого знал Стефан, не доводилось их видеть. Все вампиры, которых он встречал раньше, были обращены другими вампирами через обмен кровью. Но в давние времена были Изначальные, которых никто *не обращал*. На них генеалогия вампиров заканчивалась. Никто не знал, как они сами стали вампирами. Но об их Силе ходили легенды.

— Я помогал сокрушить Римскую империю, — мечтательно продолжал белокурый. — Нас называли варварами — но они ничего не понимали! Война, Сальваторе! Ничто не сравнится с ней. Тогдашняя Европа была дивным местечком. Однажды я решил насладиться деревенской жизнью. Была, кстати, одна странность — почему-то рядом со мной людям было неуютно. Они начинали убегать от меня или махали крестами, — он укоризненно покачал головой. — Но однажды какая-то женщина сама подошла ко мне и попросила о помощи. Она была служанкой в доме барона, и ее маленькая госпожа была больна. «Она при смерти», — сказала женщина и попросила меня что-нибудь сделать. И тогда... — улыбка снова заиграла на его лице, расплываясь все шире и шире, — я сделал. Она ведь была такой аппетитной.

Все это время Стефан стоял к нему спиной, прикрывая собой Елену; лишь его голова была повернута к говорившему. После этих слов он отвернулся. Он должен был понять, должен был догадаться. Прошлое настигло его. Смерть Викки и Сью в конечном счете были на его совести. Именно он положил начало цепочке событий, которые закончились их смертью.

— Катрина, — сказал он, снова поглядев на белокурого. — Ты вампир, который обратил Катрину.

— Чтобы спасти ей *жизнь*, — ответил тот голосом, каким разговаривают с тупицами, не способными усвоить элементарные вещи. — Жизнь, которую отобрала твоя маленькая подружка.

Имя. Стефан напрягал память в поисках его имени, ведь Катрина когда-то рассказывала о том, кто ее обратил, и говорила, как его зовут. И вот в его сознании зазвучали ее слова: *Я проснулась посреди ночи и увидела перед собой человека, которого привела Гудрен, моя служанка. Его звали Клаус, и я слышала от людей в деревне, что он знает с нечистой силой...*

— Клаус, — тихо сказал белокурый, словно с чем-то соглашаясь. — По крайней мере, так называла меня *она*. Она вернулась ко мне, когда ее бросили два молоденьких итальянских мальчика. Она так много для них сделала — обратила в вампиров, подарила вечную жизнь — а они отплатили ей черной неблагодарностью и вышвырнули ее вон. Странно, правда?

— Все было не так, — сквозь зубы сказал Стефан.

— И что еще более странно — она так и не смогла выкинуть из головы братьев

Сальваторе. Особенно тебя. Она все время сравнивала меня с тобой, и сравнение было не в мою пользу. Я несколько раз пытался выбить из нее эту дурь, но все было напрасно. Может быть, мне надо было самому убить ее? Не знаю. К тому времени я уже привык, что она рядом. Она никогда не была особенно умна, зато была миловидна и знала толк в удовольствиях. Это я научил ее. Я научил ее получать удовольствие от убийства. Правда, в конце концов она немного повредила рассудком, но в этом же нет ничего страшного? Я держал ее при себе не за ее рассудок.

В сердце Стефана давно уже не было никаких следов любви к Катрине, но он понял, что способен ненавидеть того, кто сделал Катрину такой, какой она стала.

— Меня? Меня, дружище? — Клаус недоуменно ткнул пальцем себе в грудь. — Это *ты* сделал Катрину такой, какой она стала. Вернее сказать, твоя маленькая подружка, Катрина, теперь стала прахом. Пищей для червей. К сожалению, твоя возлюбленная находится там, где я не могу до нее добраться. Как выражаются философы-мистики, она *вибрирует в горних сферах* — верно, Елена? Отчего бы тебе не повибрировать на земле, вместе с нами?

— Если бы я только могла, — прошептала Елена, подняв голову и с ненавистью глядя на него.

— Как досадно. Пришлось забирать твоих подружек. Я слышал, что Сью оказалась очень лакомым кусочком. — Он облизал губы. — А уж Викки была настоящим деликатесом. Нежная, и при этом в самом соку, с восхитительным букетом. На вкус — даже не семнадцатилетней, а девятнадцатилетней выдержки.

Стефан сделал было шаг в его сторону, но Елена удержала его:

— Не надо, Стефан. Это его территория, и его сознание сильнее, чем наше. У него есть власть над нами.

— Абсолютно верно. Это моя территория. *Ирреальность*. — Клаус снова осклабился своей сумасшедшей улыбкой. — Территория, где самые безумные твои кошмары бесплатно превращаются в реальность. Вот, например, — продолжал он, пристально глядя на Стефана, — хочешь ли посмотреть, как твоя возлюбленная выглядит сейчас *на самом деле*? Так сказать, без косметики?

Елена едва слышно застонала. Стефан крепче прижал ее к себе.

— Сколько времени прошло с момента ее смерти? Шесть месяцев? Известно ли тебе, что происходит с телом, пролежавшим в земле шесть месяцев? — Клаус снова по-собачьи облизнулся.

Теперь Стефан понял. Елена задрожала, опустила голову и попыталась вырваться из его объятий, но он ее не отпустил.

— Не бойся, — мягко сказал он ей. А потом обратился к Клаусу: — Ты кое-что забыл. Я — не человек, который вздрагивает от любого шороха или падает в обморок при виде крови. Я много знаю о смерти, Клаус. Она меня не пугает.

— Великолепно. А возбуждает ли она тебя? — Голос Клауса стал пьяняще-бархатным. — Разве это не восхитительно — вонь, гниение, соки разлагающихся тканей? Неужели это не приводит тебя в *экстаз*?

— Стефан,пусти меня. *Пожалуйста*. — Елена дрожала, отталкивая его обеими руками, и отворачивалась, чтобы он не видел ее лица. Она почти плакала. — *Пожалуйста*.

— Единственная Сила, которой ты здесь обладаешь, — это сила иллюзии, — сказал Стефан Клаусу. Он обнимал Елену так, что ее волосы были прижаты к его щеке. Он чувствовал, что она меняется. Волосы, прикасавшиеся к щеке, стали жестче, а все тело как будто съжилось.

— В некоторых почвах кожа твердеет, становится как дубленая, — объяснил Клаус. Его глаза сияли, он улыбался.

— Стефан, я не хочу, чтобы ты на меня смотрел...

Не сводя глаз с Клауса, Стефан бережно отодвинул жесткие светлые волосы и погладил Елену по щеке, не обращая внимания на то, что кожа под его пальцами загубела.

— Но чаще всего она, конечно, просто разлагается. Какой увлекательный процесс! Облезает кожа, плоть, мускулы, расползаются внутренние органы. Все возвращается в землю...

Тело Елены в объятиях Стефана съеживалось все больше. Он закрыл глаза, крепче сжимая ее в объятиях. Его душу переполняла жгучая ненависть к Клаусу. Иллюзия, всего лишь иллюзия...

— Стефан... — Это был сухой шепот, слабый, как шуршание бумажного листка, гонимого ветром по тротуару. Шепот повис в воздухе, а потом стих, и Стефан понял, что держит в объятиях груды костей.

— И вот чем все заканчивается. Двести с небольшим легких в сборке деталей, к которым прилагается удобная вместительная упаковка. — Из светового круга, с дальней его стороны донесся скрип. Белый гроб начал открываться сам собой, его крышка повисла в воздухе. — Не хочешь ли отдать ей последние почести, Сальваторе? Сходи и отнеси Елену туда, где ей положено быть.

Стефан, дрожа, рухнул на колени и устался на хрупкие белые кости, которые держал в руках. Да, это была только иллюзия: Клаус контролировал транс Бонни и показывал Стефану все, что хотел. Он не мог причинить Елене никакого вреда, но ум Стефана, охваченный бешеной яростью и страстным желанием защитить Елену, отказывался это понимать. Стефан бережно сложил хрупкие кости на пол и осторожно провел по ним пальцами. Презрительно улыбнувшись, он посмотрел на Клауса.

— *Это* не Елена, — сказал он.

— Это именно Елена! Я узнаю ее где угодно. — Клаус раскинул руки и продекламировал: — *«Знавал я женщину с прелестными костями...»*⁴

— Нет. — Капельки пота выступили на лбу Стефана. Он блокировал в своем сознании голос Клауса и сосредоточился. Руки сжались в кулаки, каждый мускул напрягся. Сопrotивляться влиянию Клауса было все равно что катить огромный валун вверх по склону. Но хрупкие кости начали дрожать, и вокруг них разлилось слабое золотое сияние.

— *«Тряпкам, костям и пучку волос... но дурак ее звал королевой роз...»*⁵

Свет мерцал, плясал, соединяя кости. Теплый и золотой, он окутывал, обволакивал их, когда они поднялись в воздух. Теперь на полу стояла сияющая фигура без очертаний. Пот заливал глаза Стефана, его легкие были готовы взорваться.

— *«Глина лишь недвижна, верьте. Кровь гуляет дотемна...»*⁶

Вокруг сияющих плеч легли волосы Елены, длинные, шелковые, золотые. Проступили черты лица, сначала размытые, а потом отчетливые. Стефан с любовью восстанавливал все до малейшей детали. Пышные ресницы, маленький нос, полуоткрытые губы, похожие на лепестки роз. Всю фигуру, словно тонкое одеяние, окружал золотой свет.

— *«И чашка с трещиной откроет путь в землю мертвых...»*⁷

— Нет. — Дурнота накатилась на Стефана, когда он почувствовал, что тратит последние остатки Силы. Грудь фигуры приподнялась, она начала дышать и открыла лазуритовые глаза.

Елена улыбнулась, и Стефан почувствовал, как в него вливается исходящий от нее

⁴ Первая строчка из стихотворения американского поэта Теодора Ретке (1908–1963) «Я знал женщину».

⁵ Строчки из стихотворения английского писателя Редьярда Киплинга (1865–1936) «Вампир» (цитируется в переводе К. Симонова).

⁶ Строчка из стихотворения английского поэта Альфреда Хаусмана (1859–1936) «Пробуждение» (цитируется в переводе В. Широкова).

⁷ Строчка из стихотворения английского поэта Уистена Хью Одена (1907–1973) «Однажды вечером».

подобный радуге луч энергии любви.

— Стефан! — Она держала голову высоко и гордо, как и подобает настоящей королеве. Стефан обернулся к Клаусу, который все это время безмолвно смотрел на них.

— Смотри, — громко сказал Стефан, — *это* Елена. Это, а не пустая оболочка, оставшаяся после нее в земле, — *настоящая* Елена, и ты бессилён сделать с ней хоть что-нибудь.

Он протянул ей руку, Елена приняла ее и шагнула к нему. И когда они прикоснулись друг к другу, он ощутил какой-то толчок и понял, что в него вливается Сила. Они стояли рядом, держась за руки, и смотрели на Клауса. Еще никогда в жизни Стефан не понимал с такой ясностью, что победил. Еще никогда в жизни он не чувствовал себя таким сильным.

Клаус смотрел на них секунд двадцать, а потом впал в бешенство.

Его лицо исказила гримаса ненависти. Стефан чувствовал, как исходящие от него волны злой Силы устремляются на них с Еленой, и направил всю свою энергию на то, чтобы противостоять им. Здание наполнил вой, вихрь темной ненависти несясь, сметая все на своем пути, пытаясь оторвать их друг от друга. Свечи поднялись в воздух, подхваченные неистовым смерчем, их пламя погасло. Сон, содрогаясь, начал разрушаться.

Стефан схватил Елену за руки. Ветер развеивал ее волосы, бросал их ей в лицо.

— Стефан! — Она кричала, отчаянно стараясь, чтобы он ее расслышал. Потом он почувствовал, что ее голос звучит в его мозгу. — Стефан, послушай меня! Есть лишь один способ его остановить. Найди жертву, Стефан, найди одну из его жертв. Только его жертва знает...

Шум стал оглушительным, невыносимым, как будто сама ткань пространства и времени поползла по швам. Стефан почувствовал, что руки Елены выскользывают из его рук. С воплем отчаяния он простер руки, пытаясь дотянуться до нее, но схватил лишь пустоту. Борьба с Клаусом истощила его, и он больше не мог управлять своим сознанием. Пришла тьма, и Стефан, закружившись, провалился в нее.

* * *

Бонни видела все.

Это было странное ощущение. В тот момент, когда она отступила, чтобы освободить Стефану путь к Елене, она словно бы перестала физически присутствовать во сне. Она была не участницей действия, а *сценой*, на которой оно разыгрывалось. Она все видела, но ничего не могла сделать.

В конце ей стало очень страшно. Она была не настолько сильна, чтобы спасти сон от разрушения, и, когда все взорвалось, ее выбросило из транса обратно в комнату Стефана.

Он словно мертвый лежал на полу, белый и неподвижный. Но когда она попробовала перетащить его на кровать, его грудь приподнялась, и он шумно вздохнул.

— Стефан! Ты в порядке?

Он обвел комнату безумным взглядом, как будто пытался что-то найти.

— Елена! — сказал он и осекся. К нему возвращалась память.

Его лицо исказилось. Секунду Бонни с ужасом думала, что он сейчас заплачет, но он просто закрыл глаза и уронил голову на руки.

— Я потерял ее. Я не сумел ее удержать.

— Я знаю. — Бонни посмотрела на него, а потом, собрав все свое мужество, опустилась возле него на колени и положила руки ему на плечи. — Мне очень жаль.

Он резко вскинул голову. Зрачки его зеленых глаз так расширились, что глаза казались черными, но в них не было слез. Ноздри раздувались, губы приоткрылись, обнажив зубы.

— Клаус! — Он произнес это имя, как проклятье. — Ты его видела?

— Да, — сказала Бонни, отодвигаясь от него. Она сглотнула; желудок горел от изжоги. — Он ведь сумасшедший, да, Стефан?

— Да. — Стефан поднялся. — И его надо остановить.

— Но как? — Теперь, когда Бонни собственными глазами увидела Клауса, она гораздо сильнее боялась и была гораздо меньше уверена в своих силах. — Как вообще его можно остановить, Стефан? Я и близко не видела такой Силы, как у него.

— Но разве ты... — Стефан стремительно повернулся к ней. — Бонни, разве ты не слышала, что Елена сказала в конце?

— Нет. Ты о чем? Я вообще ничего не слышала; в тот момент там бушевало небольшое торнадо.

— Бонни... — задумчивые глаза Стефана, казалось, были где-то далеко; он говорил словно сам с собой. — Но ведь это значит, что, может быть, и *он* тоже ничего не слышал. Тогда он ничего не знает и не будет нам мешать.

— В чем мешать? Стефан, о чем ты говоришь?

— Искать его жертву. Послушай, Бонни, Елена сказала мне, что если мы найдем выжившую жертву Клауса, то узнаем, каким способом можно его остановить.

Это было выше ее понимания.

— Но... почему?

— Потому что вампиры и их доноры... их жертвы на какой-то миг обмениваются сознаниями. Это происходит, когда смешивается их кровь. И порой жертва таким способом может что-то узнать о вампире. Так бывает не всегда, но все-таки такое случается. Видимо, Елена знает, что когда-то это произошло с Клаусом.

— Все это очень мило и замечательно, кроме одной маленькой детали, — едко сказала Бонни. — Будь так любезен, скажи мне, как ты представляешь себе человека, выжившего после нападения Клауса?

Она ожидала, что энтузиазм Стефана схлынет, но ошиблась.

— Вампир, — просто сказал он. — Человек, которого Клаус превратил в вампира, тоже является его жертвой. Если они обменивались кровью, значит, обменивались и сознаниями.

— Ох. Ох! Значит... если мы найдем вампира, которого он обратил... но *где*?

— Может быть, в Европе. — Стефан стал мерить комнату шагами; глаза его сузились. — Биография Клауса богата событиями, и не может быть, чтобы в истории его жизни не было ни одного вампира. Мне придется уехать и заняться розысками.

Бонни была ошарашена.

— Подожди, Стефан. Получается, что тогда ты бросишь нас одних. Так нельзя!

Стефан остановился как вкопанный в дальнем углу комнаты, и какое-то время стоял там неподвижно. Потом он обернулся к ней.

— Я этого не хочу, — сказал он тихо. — И, конечно, сначала надо будет отработать все остальные варианты, например, еще раз потолковать с Тайлером. Я буду ждать неделю, до следующего воскресенья. Но не исключено, что мне все-таки придется вас оставить, Бонни. Ты понимаешь это не хуже меня.

Воцарилась долгая-долгая пауза. Бонни пыталась не обращать внимания на то, что у нее чешутся глаза, и напомнила себе, что уже стала взрослой и ответственной. Она уже не девочка. Она готова доказывать это своими поступками. Бонни встретила глазами со Стефаном и медленно кивнула.

13

19 июня, пятница, 23.45.

Дорогой дневник!

Ох ты господи, ну и что же нам делать?

Это была самая длинная неделя в моей жизни. Сегодня закончился последний день в школе, а завтра Стефан уезжает. Он едет в Европу искать вампира, которого обратил Клаус. Он говорит, что ему не хочется оставлять нас без защиты. Но все-таки он уезжает.

Мы нигде не можем найти Тайлера. Его машина исчезла с кладбища, но в школе он так и не появился. За всю неделю он ни разу не пришел на экзамены. Впрочем, у всех нас с учебной делами обстоят ненамного лучше. Жаль, что школа Роберта Ли из тех, где экзамены устраивают не перед выпускным, а после него. Последние дни я уже с трудом понимаю, по-английски пишу или по-испански.

Я ненавижу Клауса. Судя по тому, что мне о нем известно, он такой же ненормальный, как и Катрина, только еще более жестокий. Что он сделал с Викки... нет, не могу об этом говорить, сразу начинаю плакать. На вечеринке у Кэролайн он просто играл с нами, как кошка с мышкой. А то, что он устроил все это в день рождения Мередит... впрочем, об этом он, наверное, все-таки не знал. Хотя, судя по всему, ему много чего известно. В отличие от Стефана, когда тот только что приехал в Америку, у него нет акцента, и он знает массу типичных американских шуток вроде хитов пятидесятых. Пожалуй, он прожил здесь довольно долго...

Бонни остановилась. Ее разум отчаянно работал. Все это время они думали о жертвах Клауса, живущих в Европе, о вампирах. Но, судя по выговору, Клаус провел в Америке много времени. Он говорил совсем не так, как говорят иностранцы. И он выбрал для нападения день рождения Мередит...

Бонни встала, взяла телефон и набрала номер Мередит. Ей ответил сонный мужской голос.

— Мистер Сулез, это Бонни. Можно поговорить с Мередит?

— Бонни? Ты хоть знаешь, который час?

— Да. — Бонни стала торопливо соображать. — Я насчет... насчет завтрашнего экзамена. Извините, но мне очень нужно с ней поговорить.

Последовала долгая пауза, потом тяжелый вздох.

— Секундочку.

Бонни в нетерпении барабанила пальцами по столу. Наконец послышался щелчок — кто-то снял трубку параллельного телефона.

— Бонни? — послышался в трубке голос Мередит. — Что стряслось?

— Ничего. Точнее говоря... — Бонни мучительно понимала, что отец Мередит не повесил трубку параллельного телефона и, может быть, слушает их разговор. — Я по поводу немецкой истории, которую мы разбирали. Ну, ты помнишь. Тот вопрос к экзамену, который мы никак не могли подготовить. Помнишь, мы все искали, кто мог бы нам помочь? Кажется, я поняла, кто нам нужен.

— Серьезно? — Бонни слышала, как Мередит тщательно подбирает нужные слова. — Ну и... кто же это? Ему надо звонить по межгороду?

— Нет, — сказала Бонни, — не надо. Он живет ближе, Мередит. Намного ближе. Фигурально выражаясь, он прямо у тебя в доме, на семейном древе.

На том конца провода молчали так долго, что Бонни забеспокоилась, не прервалась ли связь.

— Мередит?

— Я думаю. Как по-твоему, это не может быть простым совпадением?

— Ничутьточки. — У Бонни отлегло от сердца, и она улыбнулась, весело и азартно. — Абсолютно никаких совпадений. Тут скорее тот случай, когда история повторяется. Она ведь иногда повторяется буквально, все совпадает до мелочей. Если ты понимаешь, о чем я.

— Да, — сказала Мередит. По голосу было слышно, что она пытается справиться с потрясением. Ничего удивительного. — Знаешь, а может быть, ты и права. Но тут есть еще одна проблема — как уговорить... этого человека, чтобы он нам помог.

— Думаешь, могут возникнуть сложности?

— Не исключаю. У некоторых едет крыша... на почве выпускных экзаменов. Бывают такие люди, которые становятся совершенно сумасшедшими.

У Бонни екнуло сердце. Это ей не приходило в голову. Вдруг его состояние настолько

плохо, что он не сможет им ничего рассказать?

— Ну, попытка не пытка, — сказала она, стараясь вложить в эти слова весь оптимизм, на который она была способна. — Давай попробуем завтра.

— Договорились. Я заеду за тобой в двенадцать. Спокойной ночи, Бонни.

— Спокойной ночи, Мередит, — сказала Бонни, а потом добавила: — И прости меня.

— Ничего страшного; может быть, все и к лучшему. Чтобы история перестала повторяться все время. Пока.

Бонни нажала на рычаг переносного аппарата и просидела несколько минут, держа палец на рычаге и глядя в стенку. Наконец она вернула трубку на место и подвинула к себе дневник. Она поставила точку в предыдущем предложении и написала новое.

Завтра мы едем к дедушке Мередит.

— Я идиот, — говорил Стефан на следующий день, сидя в машине Мередит. Они направлялись в Западную Виргинию, в институт, где лечили ее дедушку. Поездка обещала быть довольно долгой.

— Мы все идиоты. Кроме Бонни, — сказал Мэтт.

Несмотря на все свое волнение, Бонни почувствовала, как внутри разливается приятное тепло.

Но Мередит, не сводившая глаз с дороги, покачала головой:

— Стефан, ты никак не мог до этого додуматься, так что перестань себя грызть. Ты не знал, что Клаус напал на дом Кэролайн в тот же день, что и на моего дедушку. А мне или Мэтту и в голову не могло прийти, что Клаус долго жил в Америке, — мы ведь его ни разу не видели и не слышали, как он разговаривает. Мы считали, что искать надо в Европе. Seriously, только Бонни могла связать все звенья воедино, потому что только у нее была вся необходимая информация.

Бонни прикусила язык. Мередит заметила это в зеркальце заднего вида, и ее бровь изогнулась.

— Просто не хочу, чтобы ты слишком много о себе воображала, — сказала она.

— Что ты! Скромность — одно из самых прелестных моих качеств, — отозвалась Бонни.

Мэтт фыркнул, а потом добавил:

— И все-таки я считаю, что ты потрясающе умная.

И ощущение тепла вернулось.

* * *

Институт был жутким местом. Бонни изо всех сил старалась не выказывать страха и отвращения, но понимала, что Мередит знает о ее чувствах. Она шла по коридорам впереди них, гордо выпрямив спину. Бонни, знакомая с ней уже много лет, отлично понимала, *что* скрывается за ее бравадой. Родители Мередит считали состояние дедушки настолько скверным, что никогда даже не упоминали о нем при посторонних. Его болезнь черной тенью легла на их семью.

И теперь Мередит в первый раз открывала семейный секрет чужим людям. Бонни испытала прилив любви и уважения к подруге. В этом была вся Мередит — в том, как она держалась: без суеты, с достоинством, так, чтобы никто не догадался, чего ей это стоит. И все-таки институт был ужасным местом.

Нет, там не было грязно, не было буйных безумцев и прочих ужасов. Пациенты выглядели опрятно; видно было, что за ними хорошо ухаживают. Но в стерильных больничных запахах, коридорах, заполненных неподвижными инвалидными креслами, и пустых глазах было нечто такое, отчего Бонни хотелось немедленно бежать отсюда.

Здание словно бы населяли зомби. Бонни видела старуху, у которой сквозь жидкие

седые волосы просвечивал розовый скальп. Она сидела, уронив голову на стол, где валялся голый пластмассовый пупсик. Бонни в страхе протянула руку и нашла ладонь Мэтта, который одновременно протянул руку к ней. Так они и шли за Мередит — крепко, до боли вцепившись друг в друга.

— Вот эта палата.

В палате сидел еще один зомби с седыми волосами, в которых еще можно было заметить черные, как у Мередит, пряди. Все его лицо состояло из линий и морщин, глаза с покрасневшими веками слезились. Он бессмысленно смотрел перед собой.

— Дедушка, — сказала Мередит, присаживаясь перед его креслом на корточки. — Дедушка, это я, Мередит. Я пришла тебя навестить. Мне надо задать тебе один очень важный вопрос.

Старческие глаза смотрели не мигая.

— Иногда он нас узнает, — тихо, без всякого выражения сказала Мередит, — но в последнее время все реже и реже.

Старик продолжал смотреть перед собой.

Стефан присел на корточки.

— Давай попробую я, — сказал он. Глядя в изрезанное морщинами лицо, он заговорил — мягко, медленно, убаюкивающим голосом, как говорил с Викки.

Но подернутые пеленой глаза так ни разу и не моргнули. Они просто бессмысленно смотрели вперед. Единственным движением была непрекращающаяся легкая дрожь узловатых пальцев, лежащих на подлокотниках инвалидного кресла.

Как ни старались Мередит и Стефан, им ничего не удалось добиться.

Потом пришла очередь Бонни. Она попыталась задействовать свои экстрасенсорные способности и сумела почувствовать в старом человеке какую-то искорку жизни, запертую, как в темнице, в его плоти. Но она не смогла вступить с ней в контакт.

— Простите, — сказала она, отодвигаясь от старика и убирая волосы с лица. — Бесполезно. Ничего не получается.

— Мы можем заехать как-нибудь в другой раз, — сказал Мэтт, но Бонни понимала, что это неправда. Стефан уезжает завтра, и никакого другого раза не будет. А идея казалась такой замечательной... Согревавшее ее тепло превратилось в пепел, а сердце стало куском свинца. Повернув голову, Бонни увидела, что Стефан уже идет к выходу.

Мэтт взял Бонни под локоть, чтобы помочь ей встать и выйти из палаты. Бонни постояла немного, уныло опустив голову, а потом пошла, опираясь на Мэтта. Она потратила так много энергии, что даже переступить ногами ей было трудно. Она обернулась, чтобы проверить, идет ли за ними Мередит...

И тут Бонни *завизжала*. Мередит дошла уже до середины палаты, и на лице ее было безнадежное выражение. Но человек в инвалидном кресле у нее за спиной пришел в движение. Стремительным, как взрыв, движением он завис над ней, широко распахнулись старые слезящиеся глаза, еще шире раскрылся рот. У дедушки Мередит был такой вид, словно он замер в середине прыжка — руки широко раскинуты, рот разинут в беззвучном вопле. Он стоял, возвышаясь над всеми, глядя поверх их голов, словно видел что-то, чего не видят они. А потом из его рта понеслись звуки, сложившиеся в одно-единственное слово-завывание.

— *Вампир! Вампишир!*

В палату вбежали санитары; отеснив Бонни и остальных, они подхватили старика под руки. Их крики усилили ощущения безумия всего происходящего.

— *Вампир! Вампир!* — во все горло орал дедушка Мередит, словно хотел оповестить весь город. Бонни стало страшно — не смотрит ли он на Стефана? Может быть, он хочет разоблачить его?

— Прошу вас немедленно удалиться. Извините, но вам пора уходить, — говорила медсестра. Их вытолкнули за дверь. Мередит пыталась сопротивляться.

— Дедушка!..

— *Вампир!* — продолжал завывать нечеловеческий голос.

А потом:

— Белый яшень! Вампир! Белый яшень...

Дверь захлопнулась.

Мередит охнула, стараясь не расплакаться. Ногти Бонни впились в руку Мэтта. Стефан повернулся к ним; его зеленые глаза были широко раскрыты.

— Сколько раз вам надо было повторять, чтобы вы вышли? — сердито спросила уставшая медсестра. Они не обратили на нее никакого внимания. Они смотрели друг на друга, и изумление на их лицах сменилось задумчивостью.

— Тайлер говорил, что есть только одно дерево, которое способно причинить ему вред... — начал Мэтт.

— И это *белый яшень*, — сказал Стефан.

* * *

— Мы должны узнать, где он прячется, — говорил Стефан на обратном пути. Он сидел за рулем; когда Мередит подошла к машине, ключи выпали у нее из рук. — Это дело номер один. Если будем спешить, вспугнем его раньше времени.

Зеленые глаза блестели странной смесью торжества и угрюмой решимости; говорил Стефан быстро и отрывисто. «Мы все на жутком взводе, — подумала Бонни, — словно всю ночь глотали энергетики. Нервы измотаны, и может случиться что угодно».

У нее возникло ощущение надвигающейся катастрофы. Ход событий сам собой подводил к развязке; все, что началось в день рождения Мередит, сплелось воедино и двигалось к финалу.

«Сегодня ночью, — думала Бонни. — Сегодня ночью все и случится. Странное совпадение, ведь сегодня канун солнцестояния».

— Чего канун? — переспросил Мэтт.

Бонни даже не заметила, что говорит вслух.

— Канун солнцестояния, — ответила она. — Сегодня — канун летнего солнцестояния.

— Можешь не продолжать. Друидские штучки?

— Да, они его праздновали, — подтвердила Бонни. — Этот день считался границей между временами года и предназначался для магии. И еще... — она запнулась. — В общем, в этот день происходит то же, что в похожие дни, например, в Хэллоуин или в день зимнего солнцестояния. Граница между миром видимым и миром невидимым совсем истончается. Друиды говорили, что в такой день можно увидеть призраков. Ну и вообще происходит... всякое разное.

— Всякое разное? — переспросил Стефан, выворачивая на главное шоссе, ведущее к Феллс-Черч. — Именно это и произойдет.

Никто из них не знал, насколько быстро сбудутся его слова.

* * *

Миссис Флауэрс копалась в саду на заднем дворе. Они подъехали прямо к зданию общежития, чтобы поговорить с ней. Она подстригала розовые кусты, и от нее буквально веяло аурой лета.

Миссис Флауэрс нахмурилась и часто заморгала, когда все обступили ее и наперебой стали спрашивать, где можно раздобыть белый яшень.

— Куда ж вы так торопитесь? — спросила она, разглядывая их из-под полей соломенной шляпы. — Еще раз: что вам нужно? Белый яшень? Ну, один, например, растет прямо здесь, в глубине сада, между дубами. Да подождите же... — крикнула она им вслед.

Стефан срезал большую ветку складным ножом, который Мэтт достал из кармана. «Интересно, с каких пор он стал носить его с собой?» — задумалась Бонни. Еще ей было

интересно, что подумала о них миссис Флауэрс, когда они, возвращаясь, опять прошли мимо нее, причем парни несли на плечах двухметровую ветку с листьями.

Но миссис Флауэрс лишь молча смотрела им вслед. И только когда они подошли к дому, она их окликнула:

— Тебе пришла посылка, малыш.

Стефан обернулся, не снимая ветку с плеча.

— *Мне?*

— Там указано твое имя. Посылка и письмо. Сегодня днем нашла их у переднего крыльца. Я отнесла все наверх, в твою комнату.

Бонни посмотрела на Мередит, потом на Мэтта и Стефана, встретив их ответные взгляды, недоумевающие и настороженные. В воздухе повисло почти невыносимое напряжение.

— От кого это? Кому вообще известно, что ты здесь?.. — начала Бонни, когда они поднимались в мансарду. И вдруг замолчала — ее охватила паника. Внутри нее жужжало, как назойливая муха, какое-то предчувствие, и она старалась отогнать его прочь. «Не сейчас, — думала она, — только не сейчас».

Впрочем, она так и не смогла удержаться от того, чтобы посмотреть на посылку, лежавшую на столе. Парни поставили ветку к стене и принялись рассматривать завернутый в коричневую бумагу почти плоский пакет с молочно-белым конвертом сверху.

Сверху знакомым сумасшедшим почерком было выведено:

Стефану

Этим почерком были написаны слова на зеркале.

Они стояли и смотрели на пакет так, будто он набит скорпионами.

— Осторожно, — вырвалось у Мередит, когда Стефан медленно протянул к пакету руку. Бонни отлично ее понимала. Ей самой казалось, что сейчас он взорвется, начнет сочиться ядовитым газом или превратится во что-то с когтями и клыками.

Стефан взял в руки квадратный прочный конверт из хорошей гладкой бумаги. «В таких конвертах, наверное, особы королевской крови рассылают приглашения на бал», — подумала Бонни. Впрочем, на лицевой стороне конверта было несколько жирных пятен, а его края были грязными. Ну что ж, во сне Клаус тоже не производил впечатления чистоплотного существа.

Стефан с обеих сторон осмотрел конверт, потом вскрыл его и вытащил лист бумаги. Пока он разворачивал его, все, встав полукругом, заглядывали ему через плечо. Наконец Мэтт воскликнул:

— Что за чертовщина? Тут ничего нет!

На бумаге действительно ничего не было. Ни с одной стороны, ни с другой. Стефан внимательно изучил его с обеих сторон. Лицо его было серьезным. Все остальные, наоборот, вздохнули с облегчением. Глупый розыгрыш. Мередит взяла пакет, который был настолько тонким, что тоже вполне мог оказаться пустым, но тут Стефан неожиданно замер и громко выдохнул. Бонни быстро обернулась к нему и подскочила на месте. Рука Мередит застыла на пакете, а Мэтт выругался.

На пустом листе бумаги, крепко зажато в пальцах Стефана, стали появляться черные, состоящие из длинных линий-штрихов буквы, словно их прямо на глазах у Бонни вырезали невидимым ножом. Она читала, и ее сердце наполнялось ужасом.

*Стефан,
почему бы нам не разрешить наши противоречия, как подобает
джентльменам? Девушка у меня. Когда стемнеет, приходи к старой ферме в лесу,
и мы побеседуем наедине. Придешь один — и я ее отпущу. Приведешь кого-нибудь
— и она умрет.*

Подписи не было, но в самом низу листа появились слова:

Это дело касается только нас двоих.

— Какая девушка? — спросил Мэтт, глядя то на Бонни, то на Мередит, словно не видя, что они стоят здесь. — *Какая девушка?*

Изящные пальцы Мередит стремительно разорвали пакет и извлекли наружу его содержимое. Это был светло-зеленый шарф с листочками и виноградными лозами. Бонни ясно вспомнила его, и перед ее мысленным взором промелькнули картинки. Конфетти и подарки, орхидеи и шоколад.

— Кэролайн, — прошептала она и закрыла глаза.

Последние две недели были такими странными, такими непохожими на обычную школьную жизнь, что они почти забыли о факте существования Кэролайн. Она переехала в соседний городок, чтобы спрятаться, чтобы ее никто не нашел, но Мередит предупредила ее с самого начала.

Он доберется до тебя и в Героне.

— Он опять играл с нами, — пробормотала Бонни. — Не вмешивался, позволил даже съездить к твоему дедушке, Мередит, а потом...

— Он все знал, — согласилась Мередит. — Все это время он знал, что мы ищем его жертву. И вот теперь он шантажирует нас. Разве что... — В ее темных глазах загорелся луч надежды. Как ты думаешь, Бонни, могла Кэролайн просто обронить этот шарфик в ту ночь? А он его подобрал.

— Нет, — предчувствие звенело все громче, и Бонни снова отмахнулась, стараясь отогнать его. Она не хотела знать того, что может сказать ей шестое чувство, но была абсолютно уверена: это не блеф. Кэролайн действительно у него.

— Что мы теперь будем делать? — негромко спросила она.

— Могу сказать, чего мы точно *не будем* делать. Мы не пойдем у него на поводу, — сказал Мэтт. — «Как подобает джентльменам». Он мразь, а не джентльмен. Это ловушка.

— Разумеется, ловушка, — горячо подхватила Мередит. — Он дождался, пока мы узнаем, как с ним справиться, и теперь хочет разделаться с нами поодиночке. Ничего не выйдет!

Тем временем Бонни с растущим беспокойством наблюдала за Стефаном. Пока Мэтт и Мередит обменивались негодующими репликами, он с безучастным видом складывал листок и засовывал его обратно в конверт. Потом выпрямился и принялся рассматривать конверт, не обращая никакого внимания на происходящее. Выражение его зеленых глаз напугало Бонни.

— Мы можем использовать его план против него самого, — говорил Мэтт. — Правильно, Стефан? Ты-то что думаешь?

— Я думаю, — медленно, тщательно выговаривая каждое слово, сказал Стефан, — что, когда стемнеет, я пойду в лес.

Мэтт кивнул. Как настоящий нападающий футбольной команды, он начал разрабатывать план:

— Тогда так. Ты идешь и отвлекаешь его. А мы втроем...

— А вы втроем, — так же медленно сказал Стефан, глядя на него в упор, — идете домой. В свои постели.

Наступившая пауза показалась Бонни бесконечной. Ее нервы были напряжены до предела. Все остальные молча глядели на Стефана.

Наконец Мередит сказала ровным голосом:

— Видишь ли, в постели будет довольно трудно его поймать. Разве что он окажет нам любезность и сам нас навестит.

Ее слова разрядили напряжение, и Мэтт, с облегчением переведя дыхание, сказал:

— Все в порядке, Стефан. Я понимаю, что ты чувствуешь...

Но Стефан оборвал его:

— Я говорю совершенно серьезно, Мэтт. Клаус прав, это дело касается только нас двоих. Он хочет, чтобы я пришел один, а иначе он что-нибудь сделает с Кэролайн. Значит, я пойду один. Это мое решение.

— Ты пойдешь на свои похороны, — выпалила Бонни почти в истерике. — Стефан, ты спятил. *Ты никуда не пойдешь.*

— Ты ошибаешься.

— Мы тебя не пустим...

— Что-что? — спросил Стефан, глядя на нее в упор. — Ты думаешь, что сможешь меня остановить?

Повисла очень неуютная пауза. Бонни смотрела на Стефана и видела, что он меняется прямо у нее на глазах. Лицо как будто заострилось. Поза, в которой он стоял, словно специально предназначалась для того, чтобы напомнить об упругих литых мышцах, скрытых под его одеждой. Мышцах хищника. Он сразу стал каким-то далеким, чужим. Страшным.

Бонни отвернулась.

— Давайте рассуждать здраво, — сменил тактику Мэтт. — Не будем решать сгоряча и спокойно все обсудим...

— Здесь нет предмета для обсуждения. Я пойду. Вы не пойдете.

— Ты не имеешь права, Стефан, — сказала Мередит, и Бонни поблагодарила ее про себя за спокойствие в голосе. — Ты сказал, что сможешь порвать нас на мелкие куски. Никаких возражений. Мы уловили твою мысль. Но после всего, что мы вместе пережили, у нас есть право хотя бы услышать внятные объяснения перед тем, как ты туда помчишься.

— Ты же сам говорил, что эта война напрямую касается и девушек, — добавил Мэтт. — Когда ты успел передумать?

— Когда узнал, кто убийца, — сказал Стефан. — Клаус появился здесь из-за меня.

— Ну что за бред! — воскликнула Бонни. — Хочешь сказать, что это ты заставил Елену убить Катрину?

— Я заставил Катрину вернуться к Клаусу! С этого все началось. И Кэролайн впутал в эту историю тоже я. Если бы не я, она никогда не возненавидела бы Елену и не стала бы крутить с Тайлером. Так что у меня есть долг и перед ней.

— Тебе просто очень хочется в это верить, — почти закричала Бонни. — Клаус ненавидит нас всех! Неужели ты думаешь, что он тебя отпустит? Неужели ты думаешь, что он оставит в покое нас?

— Нет, — сказал Стефан и ножом Мэтта принялся остругивать стоящую возле стены ветку ясеня, превращая ее в прямое белое копьё.

— Молодец. Хочешь схватиться с ним один на один? — яростно сказал Мэтт. — Разве ты не понимаешь, что это идиотизм? Ты прямиком угодишь в ловушку, которую он подстроил! — Он сделал шаг к Стефану. — Если ты думаешь, что мы вдвоем не сумеем тебя остановить...

— Не надо, Мэтт, — низкий ровный голос Мередит прорезал комнату. — Ничего хорошего из этого не выйдет. — Стефан посмотрел на нее и прищурился, но она встретила его взгляд спокойно и уверенно. — Ты решил встретиться с Клаусом лицом к лицу, Стефан. Хорошо. Но, перед тем как ты уйдешь, давай позаботимся о том, чтобы у тебя были хоть какие-то шансы. — Она стала с невозмутимым видом расстегивать пуговицы своей строгой блузки.

Бонни стало не по себе, хотя всего неделю назад она предлагала Стефану то же самое. «Боже мой, тогда, по крайней мере, мы были наедине», — подумала она. Но потом пожалала плечами. Наедине, на людях — какая, в сущности, разница?

Она посмотрела на Мэтта, который тоже явно был ошарашен. Но потом его брови нахмурились, и на лице появилось то упрямое, непрошибаемое выражение, которое приводило в бессильную ярость тренеров команд-противников. Голубые глаза встретились с ее глазами, и она кивнула, выпятив подбородок. Не говоря ни слова, она расстегнула свою легкую ветровку, а он стянул с себя футболку.

Угрюмый взгляд Стефана, пытавшегося скрыть потрясение, бегал по троим людям, которые раздевались прямо у него в комнате. Потом он помотал головой. Белая ветка стояла перед ним, как копьё.

— Нет.

— Не будь идиотом, Стефан, — огрызнулся Мэтт. Несмотря на царившую сумятицу, Бонни не могла не залюбоваться его обнаженным торсом. — Нас трое. Ты можешь взять много, не причинив вреда никому из нас.

— А я говорю: нет! Ради мести, ради того, чтобы бороться злом против зла, ради чего угодно — нет! Я надеялся, что хоть ты меня понимаешь, — Стефан посмотрел на Мэтта с горьким упреком.

— Я понимаю, что ты идешь на верную смерть! — крикнул Мэтт.

— Он прав! — Бонни прижала костяшки пальцев к губам. Предчувствие пробивалось через защиту, которую она выстроила. Бонни очень не хотела впускать его в себя, но ее силы наконец истощились. Она задрожала, когда, проникнув в ее сознание, в голове зазвучали слова.

— *«Никто не может встать у него на пути и быть живым»*, — с мукой в голосе произнесла она. — Так сказала Викки, и она была права. Я *чувствую* это, Стефан. Никто не может встать у него на пути и быть живым!

Всего одну секунду ей казалось, что Стефан ее услышал. Но потом его лицо снова стало чужим, и он холодно сказал:

— Это не ваша забота. Предоставьте решать мне.

— Но если нет никаких шансов... — начал Мэтт.

— Бонни сказала не это! — отрезал Стефан.

— Именно это! Что ты такое несешь? — заорал Мэтт. Мэтта трудно было вывести из себя, но если уж он зверел, то зверел всерьез. — Стефан, мне надоело...

— И мне надоело! — прорычал в ответ Стефан. Бонни никогда не слышала, чтобы он говорил в таком тоне. — Меня тошнит от вас всех, тошнит от вашего нытья, тошнит от вашей бесхребетности. И от ваших идиотских пророчеств тоже! Это *моя* проблема.

— Я думал, что мы команда... — крикнул Мэтт.

— Нет. Мы не команда. Вы — кучка жалких человеческих существ. Что бы с вами ни происходило, в глубине души вы все равно хотите одного — попрыгаться по своим уютным домикам, а потом переселиться в свои уютные могилки. У меня с вами нет ничего общего, и я этому рад. Я терпел вас при себе так долго, потому что у меня не было выбора, но теперь, слава богу, это закончилось. — Он обвел взглядом каждого из них и произнес медленно, подчеркивая каждое слово: — Никто из вас мне не нужен. Я не желаю, чтобы вы были рядом со мной, и не желаю, чтобы вы шли за мной. Вы только испортите мой план. Если кто-нибудь из вас пойдет за мной, я его убью.

Бросив на них последний испепеляющий взгляд, он развернулся и вышел.

14

— Он перешел грань, — сказал Мэтт, уставившись в пустой дверной проем, где исчез Стефан.

— Ничего подобного, — сказала Мередит. Ее голос был усталым и тихим, но в нем послышалось что-то вроде нервного смеха. — Ты что, не понял, Мэтт? — добавила она, когда он повернулся к ней. — Он же сейчас специально орал, чтобы мы его возненавидели и оставили в покое. Сказал все гадости, какие только смог придумать, чтобы мы разозлились и не пошли за ним. — Она взглянула в проем и приподняла бровь. — Хотя, пожалуй, с этой репризой: «Если кто-нибудь пойдет за мной, я его убью» — он действительно перестарался.

Бонни, не сдержавшись, хихикнула.

— Думаю, он подцепил это у Дамона. «Никто из вас мне не нужен. Понимайте мои слова буквально».

— «Кучка жалких человеческих существ», — добавил Мэтт. — И все-таки я чего-то не пойму. Бонни, у тебя было предчувствие, а Стефан обычно от такого не отмахивается. Если нет никаких шансов победить, то зачем туда идти?

— Бонни не говорила, что нет возможности победить. Она сказала, что нет возможности *выжить* в битве. Так, Бонни? — Мередит посмотрела на нее.

Приступ смеха прошел. Бонни сама была в недоумении. Она задумалась было над пророчеством, но ей были известны только слова, прозвучавшие в ее сознании, и ничего больше. *Никто не может встать у него на пути и быть живым.*

— То есть ты считаешь, что Стефан... — В глазах Мэтта медленно разгоралась лютая ярость. — Стефан решил пойти туда и остановить Клауса ценой своей жизни? Отдать себя на заклинание? Как жертвенное животное?

— Скорее как Елена, — мрачно сказала Мередит. — И может быть... Может быть, тогда они окажутся вместе.

— Да ну, — Бонни покачала головой. Пускай она мало что поняла в предсказании, но *это* она знала точно. — Я уверена, он так не считает. С Еленой особый случай. Она попала туда, где находится сейчас, потому что погибла слишком молодой, у нее осталось много недоделанных дел, ну и... ну и вообще с ней особый случай. А Стефан прожил вампиром пятьсот лет, и молодым его никак не назовешь. Нет никакой гарантии, что он окажется там же, где Елена. Он может попасть в какое-нибудь другое место, а то и просто уйти *в небытие*. Он это отлично понимает, не сомневаюсь. Мне кажется, он просто хочет сдержать свое обещание — остановить Клауса любой ценой.

— Или, по крайней мере, *попытаться*, — негромко сказал Мэтт. Казалось, он повторял эти слова вслед за кем-то другим. — Даже заранее зная, что проиграл. — Он вскинул глаза на девушек. — Я пойду за ним.

— Нисколько не сомневаюсь, — терпеливо сказала Мередит.

Мэтт подумал.

— Хм... Я правильно понимаю, что уговорить вас остаться — пустой номер?

— После твоей звездной речи про команду?

— Этого я и боялся. Значит...

— Значит, — сказала Бонни, — пошли.

* * *

Они собрали все оружие, какое нашли. Перочинный нож Мэтта, брошенный Стефаном. Кинжал с рукояткой из слоновой кости, который они обнаружили в столике Стефана. Разделочный нож с кухни.

На улице не было никаких следов миссис Флауэрс. Небо было светло-сиреневым, а к западу оно темнело и становилось палевым. «Вечер накануне солнцестояния», — подумала Бонни, и волосы у нее на руках встали торчком.

— Клаус пишет о старой ферме в лесу — это, должно быть, неподалеку от Франчер-плейс, — сказал Мэтт. — Там, где Катрина бросила Стефана в заброшенный колодец.

— Похоже на то. Кстати, может быть, он пользовался туннелем Катрины, чтобы ходить под рекой туда и обратно, — сказала Мередит. — Хотя, возможно, Древние сильны настолько, что могут пересекать бурные реки без всякого вреда для себя.

«А ведь и правда, — вспомнила Бонни. — Злые силы не могут пересекать текущую воду, и, чем больше в них зла, тем труднее им это делать». Вслух она сказала:

— Но мы ведь ничего не знаем об Изначальных.

— Вот именно, так что лучше перестраховаться, — сказал Мэтт. — Я неплохо ориентируюсь в этом лесу и примерно представляю себе, какой тропинкой пойдет Стефан. Думаю, нам надо пойти по другой.

— Чтобы не попасться на глаза Стефану? А не то он нас убьет?

— Чтобы не попасться на глаза *Клаусу*. По крайней мере, всем вместе. Тогда у нас появится шанс найти *Кэролайн*. Надо попробовать вытащить ее, потому что, пока *Клаус* держит ее в заложниках, он может принудить *Стефана* к чему угодно. И еще: всегда лучше опередить врага, чтобы застать его врасплох. *Клаус* назначил встречу, когда стемнеет, — значит, мы пойдем туда до темноты. Может быть, сумеем приготовить ему какой-нибудь сюрприз.

Его стратегическое мышление произвело на *Бонни* впечатление. «Неудивительно, что он был нападающим, — подумала она. — Я бы просто завопила «ура» и помчалась в бой».

Мэтт вел их по какой-то почти неразличимой тропинке между дубами. В это время года вся лесная флора — мох, трава, цветы, папоротники — достигла пика своего роста. *Бонни* пришлось принять на веру, что *Мэтт* знает, что делает, ведь сама она совершенно ничего не понимала. Птицы в небе допевали последние песни, собираясь устроиваться на ночлег.

Сумерки сгущались. Мотыльки и ночные бабочки порхали у *Бонни* перед лицом. После того как она наткнулась на поросль поганок, облепленных слизняками, она страшно пораздовалась, что на этот раз надела джинсы.

Наконец *Мэтт* остановился.

— Почти пришли, — сказал он, понизив голос. — Вон там что-то вроде обрыва; оттуда все видно, и *Клаус* нас не заметит. Только двигайтесь тихо.

Никогда еще ходьба не была для *Бонни* таким сложным делом. К счастью, листва была влажной и поэтому не шуршала. Через несколько минут *Мэтт* упал на живот и показал жестом, чтобы они сделали то же самое. *Бонни* яростно убеждала себя, что не имеет ничего против червяков и сороконожек, на которых натыкались ее пальцы, и абсолютно не возражает против паутины на лице. Тут вопрос жизни и смерти, и она — взрослый человек. Не экзальтированная фанатичка и не дитя. Разумный взрослый человек.

— Здесь, — едва слышно прошептал *Мэтт*. *Бонни* проворно подползла на животе и взглянула.

Внизу была усадьба *Франчеров* — точнее, то, что от нее осталось. Она давным-давно ушла в землю; лес принял ее в себя. Остались только фундамент, строительные камни, покрытые цветущими побегами и колючими кустами, да одинокая дымовая труба, возвышающаяся как памятник.

— Вот она. *Кэролайн*, — шепнула ей *Мерedit* в другое ухо.

Внизу смутно виднелась фигура, сидящая у дымовой трубы. В сгущающейся темноте можно было разглядеть зеленое платье, а каштановые волосы казались черными. На ее лице было что-то белое, и через секунду *Бонни* поняла, что это кляп. Лента или тряпка. По странной позе — руки за спиной, ноги вытянуты вперед — *Бонни* догадалась, что она связана.

«Бедняжка *Кэролайн*», — подумала *Бонни*, тут же простив девушке все ее дрянные, мелочные, эгоистичные поступки, хотя, если вдуматься, послужной список гадостей был у нее солидный. Но *Бонни* не могла представить себе худшей участи: тебя выкрадывает сумасшедший вампир, который перед этим уже убил двух твоих друзей, связывает тебя, притаскивает в лес и оставляет там, и твоя жизнь полностью зависит от другого вампира, у которого есть веские основания тебя ненавидеть. Ведь поначалу *Кэролайн* сама хотела заполучить *Стефана* и из-за этого старалась разными способами унижить *Елену*. По идее, *Стефан Сальваторе* меньше всего должен был испытывать к ней добрые чувства.

— Посмотри! — сказал *Мэтт*. — Это он? *Клаус*?

Бонни тоже заметила какое-то движение с другой стороны от дымовой трубы. Она начала вглядываться, и тут он вышел вперед. Коричневый плащ, похожий на одеяние призрака, хлопал его по ногам. Он посмотрел на *Кэролайн* сверху вниз, и она дернулась, стараясь отодвинуться от него подальше. Его смех так громко раскатился в неподвижном воздухе, что *Бонни* содрогнулась.

— Да, это он, — прошептала она, прижимаясь к земле и прячась за папоротниками. — Вот только где *Стефан*? Уже почти стемнело.

— Может, он одумался и решил не приходить? — предположил Мэтт.

— Даже не надейся, — сказала Мередит. Она смотрела сквозь заросли папоротников в южном направлении. Бонни проследила за ее взглядом и вздрогнула.

Стефан стоял на самом краю поляны. Он словно материализовался из разреженного воздуха. «Даже Клаус не заметил, как он подошел», — подумала Бонни. Он стоял молча, не делая ни малейших попыток спрятаться или спрятать ясеневую ветку, лежащую у него на плече. В его позе, в том, как он окинул взглядом поляну, было нечто, заставившее Бонни вспомнить, что в XV веке он был аристократом, членом высшего общества. Он ничего не говорил — спокойно ждал, пока Клаус обратит на него внимание.

Когда Клаус наконец обернулся к югу, он застыл. Бонни показалось, что он был удивлен тем, как незаметно подошел Стефан. Но потом он рассмеялся и широко раскинул руки.

— Сальваторе! Какое совпадение. Я как раз думал о тебе.

Стефан медленно оглядел Клауса с головы до ног, от краев старого плаща до растрепавшихся на ветру волос. Потом он сказал:

— Ты просил меня прийти. Я здесь. Отпусти девушку.

— Разве я это обещал? — С видом искреннего удивления Клаус прижал руки к груди. Потом он покачал головой и усмехнулся. — Что-то не припомню. Давай сначала побеседуем.

Стефан кивнул так, словно Клаус только что подтвердил самые худшие его опасения. Он снял ветку с плеча и теперь держал ее в руке. Он управлялся с этой громадиной ловко и уверенно.

— Я слушаю тебя, — сказал он.

— Он не такой тупой, как кажется, — пробормотал из-за папоротников Мэтт, и в его голосе зазвучали уважительные нотки. — И явно не так рвется погибать, как я подумал сначала, — добавил он. — Он осторожничает.

Клаус протянул руку к Кэролайн и провел кончиками пальцев по ее каштановым волосам.

— Может, подойдешь поближе, чтобы нам не приходилось кричать?

«Но он не сказал ничего вроде: «А не то я ее убью», — подумала Бонни.

— Я прекрасно тебя слышу и отсюда, — отвечал Стефан.

— Отлично, — шепнул Мэтт. — Молодец, Стефан.

А Бонни тем временем внимательно наблюдала за Кэролайн. Пленная девушка, пытаясь освободиться, мотала взад-вперед головой, словно сошла с ума или испытывала страшную боль. Но что-то в ее движениях показалось Бонни странным, особенно в том, как она резко дергала головой, будто стараясь дотянуться до неба. Небо... Бонни подняла глаза: уже совсем стемнело, и над деревьями светила ущербная луна. «Так вот почему снова стало видно, что волосы у Кэролайн каштановые, — из-за лунного света», — подумала Бонни. А потом она посмотрела на листву дерева над головой Стефана, и ей стало страшно. Ветки слабо шелестели, хотя ночь была абсолютно безветренной.

— Мэтт! — тревожно прошептала она.

Внимание Стефана было полностью сосредоточено на Клаусе. Все органы чувств, мышцы, каждый атом его Силы был нацелен на Древнего вампира, стоящего перед ним. А в это время на дереве над его головой...

Все мысли о том, что надо придерживаться плана или, по крайней мере, посоветоваться с Мэттом, вылетели у Бонни из головы. Она, как пружина, выскочила из своего укрытия и заорала:

— Стефан! Сверху! Это ловушка!

Стефан мягко, как кот, отскочил в сторону, и в тот же миг туда, где он только что стоял, что-то прыгнуло. Месяц прекрасно освещал место действия, и в его свете Бонни ясно увидела белизну оскаленных зубов Тайлера.

И белую вспышку, сверкнувшую в глазах у Клауса, когда он рывком обернулся в ее сторону. Секунду она в оцепенении смотрела на него, а потом небо рассекла молния.

Безоблачное небо.

Лишь потом Бонни до конца осознала, как нелепо и жутко это выглядело. Тогда она едва успела заметить, что небо было чистым, и с него, оставляя за собой голубой зазубренный след, стремительно упала прямо в подставленную ладонь Клауса звезда. Но то, что произошло потом, было настолько жутко, что моментально затмило все остальное: Клаус сжал кулак, каким-то непонятным образом собрав молнию в руку, и швырнул прямо в нее.

Стефан закричал. Он кричал, чтобы она уходила, *уходила!* Бонни слышала его крик, но, не в силах пошевелиться, смотрела на происходящее, а потом кто-то схватил ее и резко толкнул в сторону. Щелкнув, как гигантский хлыст, молния пролетела у нее над головой, оставляя после себя запах озона. Бонни рухнула в мох вниз лицом, перекатилась, схватила руку Мередит и поблагодарила ее за спасение — только для того, чтобы убедиться, что это Мэтт.

— Жди здесь. Никуда не уходи! — прокричал он и помчался вперед.

Опять эти кошмарные слова. Они буквально вытолкнули Бонни вперед, и вот она уже мчалась за Мэттом, еще не успев сообразить, зачем она это делает.

А потом мир превратился в хаос.

Клаус резко обернулся к Стефану, который, схватившись с Тайлером, молотил его кулаками. Тайлер в своем волчьем обличье издал страшный вопль, когда Стефан швырнул его на землю.

Мередит спешила к Кэролайн, держась так, чтобы труба прикрывала ее от глаз Клауса. Бонни увидела, как она добежала, как сверкнул серебряный кинжал Стефана, которым Мередит перерезала веревки, связывавшие руки Кэролайн. Потом Мередит не то потащила на себе, не то поволокла Кэролайн за трубу, чтобы освободить ей ноги.

Звук, похожий на стук оленьих рогов, заставил Бонни развернуться. Клаус наступал на Стефана, держа в руках длинную палку — наверное, он подобрал ее с земли. Судя по виду, она была такой же острой, как и палка Стефана, так что из нее вполне вышло бы боевое копьё. Но Клаус и Стефан даже не пытались проткнуть друг друга — скорее, они орудовали ими как квотерстаффами.⁸ «Робин Гуд, — подумала потрясенная Бонни. — Малютка Джон и Робин».⁹ Вот на кого они были похожи: Клаус был существенно выше и крупнее Стефана.

И тут Бонни заметила кое-что еще и беззвучно закричала. За спиной у Стефана снова поднялся Тайлер. Он на четырех лапах подкрадывался к Стефану, как тогда, на кладбище, явно собираясь прыгнуть и вцепиться ему в горло. Стефан не мог этого видеть, а Бонни не успевала предупредить его.

Но она забыла про Мэтта. Наклонив голову и не обращая никакого внимания на когти и клыки, он с разбегу ударился в Тайлера и приемом первоклассного полузащитника сбил его с ног до того, как тот успел прыгнуть. Тайлер отлетел в сторону, и Мэтт упал на него сверху.

Бонни едва успевала замечать, что творится, — слишком много всего происходило одновременно. Мередит перерезала путы на ногах у Кэролайн; Мэтт молотил Тайлера так, что на футбольном поле его обязательно бы дисквалифицировали; Стефан крутил в руках ясеневого шеста, словно специально обучался фехтованию. А Клаус бешено хохотал — они со Стефаном обменивались ударами со смертоносной скоростью и точностью, и это занятие явно забавляло его.

Но теперь туго приходилось Мэтту. Тайлер, рыча, подмял его под себя и старался ухватить за горло. Бонни стала бешено озираться в поисках оружия, напрочь забыв о лежащем в кармане разделочном ноже. Ее взгляд упал на сухую ветку дуба. Она подхватила ее и помчалась туда, где боролись Тайлер и Мэтт.

⁸ *Квотерстафф* — средневековое оружие английских крестьян, боевой шест величиной около двух метров.

⁹ *Робин Гуд* — благородный разбойник, герой средневековых английских баллад; *малютка Джон* — верзила, главный помощник Робина Гуда.

Добежав, она остановилась. Она не могла ударить, потому что боялась попасть по Мэтту. Они с Тайлером катались, сплетаясь в единое целое.

Потом Мэтт снова оказался верхом на Тайлере и чуть отодвинулся от него. Бонни поняла, что это ее шанс, и размахнулась. Но тут Тайлер заметил *ее*. Нечеловеческим усилием он поджал ноги и толкнул Мэтта так, что тот полетел через него. Его голова ударилась о дерево со звуком, которого Бонни не смогла забыть никогда. Глухой звук раздавленной гнилой дыни. Мэтт соскользнул по стволу дерева и замер.

Бонни задыхалась. Она готова была бежать к Мэтту, но Тайлер стоял прямо перед ней, он тяжело дышал, кровавая слюна текла по его подбородку. Сейчас он был еще больше похож на зверя, чем тогда, на кладбище. Как во сне, Бонни занесла свою палку, но почувствовала, что у нее дрожат руки. Мэтт совсем не двигается — дышит ли он еще? Бонни перевела взгляд на Тайлера и почувствовала, что начинает всхлипывать. Это было нелепо, почти смешно: перед ней стоял ее одноклассник. Одноклассник, с которым она в прошлом году танцевала на школьном балу. Как он может не подпускать ее к Мэтту, как он может пытаться их убить? Как такое вообще может уложиться в голове?

— Тайлер, прошу тебя... — начала она в надежде уговорить его, воззвать к его здравому смыслу...

— Маленькая девочка пошла в лес одна-одинешенька? — сказал он, вернее, прорычал низким, утробным голосом, так что звуки, которые он издавал, не сразу сложились в слова. И тут Бонни поняла, что перед ней не мальчик, с которым она ходила в школу. Перед ней *зверь*. «Господи, какой же он уродливый», — думала она. Из его рта свисали нити густой слюны. А в желтых глазах с вертикальными зрачками Бонни увидела жестокость акул и крокодилов, жестокость осы, которая откладывает яйца в еще живое тело гусеницы. Вся жестокость дикой природы была в паре этих желтых глаз.

— Разве тебя никто не предупреждал? — продолжал Тайлер, и его нижняя челюсть опустилась в собачьем смехе. — Если пойдешь в лес одна, тебе может повстречаться страшный серый...

— Козел! — закончил голос, и с благодарностью, граничащей с религиозным благоговением, Бонни увидела рядом Мередит. В руках у нее был кинжал Стефана, влажно поблескивающий в лунном свете.

— Это серебро, Тайлер, — сказала Мередит, поигрывая кинжалом. — Интересно, что делает серебро с оборотнями. Давай-ка проверим.

Элегантность Мередит, ее невозмутимость, ироничное спокойствие стороннего наблюдателя — все исчезло без следа. Это была *настоящая* Мередит, девушка-воин. Она улыбалась, но она была *в ярости*.

— Ага! — радостно завопила Бонни, чувствуя бешеный прилив сил. К ней вернулась способность двигаться. В паре с Мередит они были сильны. Мередит приближалась к Тайлеру с одной стороны, Бонни, с палкой наперевес — с другой. Ее охватило никогда не испытанное прежде острое желание — желание врезать Тайлеру с такой силой, чтобы напрочь снести ему башку. И она чувствовала, что той силы, которой налилась ее рука, на это вполне хватит.

И Тайлер ощутил это звериным инстинктом, почувствовал угрозу, исходящую от девушек, приближающихся к нему с двух сторон. Он сжался и стал кружиться на месте, пытаясь выскользнуть из их тисков, а они старались не выпустить его. Следующую минуту они были похожи на маленькую планетную систему: Тайлер вертелся в центре; Бонни и Мередит описывали вокруг него круги, выжидая удобного момента для нападения.

Раз, два, *три*. Бонни почувствовала беззвучный сигнал от Мередит. И в тот момент, когда Тайлер прыгнул на Мередит, пытаясь выбить у нее из рук кинжал, Бонни размахнулась и ударила. В памяти сам собой всплыл совет давнишнего бойфренда, который пытался научить ее играть в бейсбол: она постаралась не просто нанести удар по голове Тайлера, а ударить *насквозь* по воображаемой цели, находящейся с противоположной стороны. Она вложила в этот удар всю силу своего миниатюрного тела, и от отдачи у нее едва не вылетели

зубы. Руку пронзила острая боль, а палка сломалась. Но Тайлер рухнул на землю, как подстреленная птица.

— *Получилось! Да! Вышло! Да!* — закричала Бонни, отбрасывая обломок. Ее восторг выплеснулся в каком-то животном вопле. — *У нас получилось!* — Она схватила тяжелое тело за шкуру и стащила его с Мередит, на которую оно рухнуло. — *У нас...*

Она осеклась, и слова застряли у нее в горле.

— *Мередит!* — закричала она.

— Все в порядке, — простонала Мередит сдавленным от боли голосом.

«От боли и от слабости», — поняла Бонни, которую словно окатили ледяной водой. Коготь Тайлера пропорол ногу Мередит до кости. На джинсах была дыра, а под ней — огромная открытая рана. К полному ужасу Бонни, ей было видно все, что находилось под кожей, — связки, разорванные мышцы, хлещущая кровь...

— Мередит... — отчаянно закричала она. Ее надо срочно показать врачу. Все должны остановиться, понять, что это важно. У них раненый, надо вызывать скорую помощь, надо звонить в 911. — Мередит, — простонала она, чуть не плача.

— Перевяжи чем-нибудь. — Лицо Мередит было белым как мел. Шок. Скоро наступит болевой шок. Как много крови; как сильно течет кровь. «Господи, — думала Бонни, — помоги мне». Она обвела взглядом землю в поисках чего-нибудь, чем можно было бы перевязать рану, но ничего не нашла.

Что-то упало на землю рядом с ней. Длинный нейлоновый шнур с обтрепанными концами, вроде того, которым они связали Тайлера на кладбище. Бонни посмотрела наверх.

— Может, это подойдет, — неуверенно сказала Кэролайн, лязгая зубами.

На ней было зеленое платье, а каштановые волосы растрепались и липли ко лбу от пота и крови. Сказав это, она пошатнулась и рухнула на колени рядом с Мередит.

— Тебе плохо? — ахнула Бонни.

Кэролайн покачала головой, но тут же наклонилась вперед, скорчившись от приступа тошноты, и Бонни увидела отметины у нее на шее. Но сейчас было не время заниматься Кэролайн. Мередит важнее.

Бонни перетянула шнуром ногу выше раны, судорожно вспоминая все, что знала от своей сестры Мэри. Мэри работала в больнице. Она говорила — нельзя затягивать жгут слишком туго и оставлять надолго, иначе начнется заражение. Но ей нужно было как-то остановить поток крови. Ох, Мередит.

— Бонни... помоги Стефану. — Мередит задыхалась, ее голос понизился до шепота. — Ему понадобится помощь... — Она повалилась на спину, захрипела, ее сузившиеся глаза уставились в небо.

Влага. Все было мокрым. Руки Бонни, ее одежда, земля. Все было мокрым от крови Мередит. А Мэтт по-прежнему лежал у дерева без сознания. Она не могла бросить их, особенно рядом с Тайлером. Он мог очнуться в любой момент.

Не понимая, как поступить, она обернулась к Кэролайн, которая дрожала и пыталась бороться с приступами тошноты. На лице ее выступали капли пота. «Бесполезно», — подумала Бонни. Но другого выхода у нее не было.

— Кэролайн, слушай меня, — сказала она. Подобрав самый большой обломок, оставшийся от палки, которой она огрела Тайлера, она сунула его в руки Кэролайн. — Сиди здесь с Мэттом и Мередит. Ослабляй жгут примерно каждые двадцать минут. А если Тайлер начнет приходить в себя, если он даже просто пошевелится, бей его этим изо всех сил. Поняла? Кэролайн, — добавила она, — тебе выпал отличный шанс доказать, что ты на что-то способна. Что от тебя тоже может быть толк. Договорились? — Она поймала взгляд ее бегающих глаз и повторила: — Договорились?

— А ты что будешь делать?

Бонни посмотрела на поляну.

— Нет, Бонни. — Кэролайн вцепилась ей в руку, и Бонни боковым зрением заметила и переломанные ногти, и красные ссадины на запястьях. — Посиди тут, в безопасности. Не

ходи к ним. Ты ничем не поможешь...

Бонни выдернула руку и поспешила к поляне, боясь, что мужество вот-вот оставит ее. В глубине души она понимала, что Кэралайн права, и она ничем не сможет помочь. Но в ее сознании звучали слова Мэтта. Надо хотя бы попробовать. И она должна была попробовать.

Однако несколько ужасных минут она могла только одно — смотреть.

Все это время Стефан и Клаус обменивались такими яростными и точными ударами, что их схватка больше напоминала прекрасный и смертельно опасный танец. Но это был бой на равных или, по крайней мере, почти на равных. Стефан отлично справлялся сам.

Бонни наблюдала за боем. Стефан наступал на Клауса со своим белым ясеневым шестом, и Клаус вынужден был опуститься на колени и отклоняться все ниже и ниже назад, словно танцор лимбо,¹⁰ который проверяет, как сильно он может изогнуться. Бонни видела лицо Клауса — он, чуть приоткрыв рот, смотрел на Стефана. Смотрел, как показалось Бонни, с удивлением и страхом.

А потом все изменилось.

Когда Клаус изогнулся до предела, когда дальше уже было некуда, и казалось, что он вот-вот упадет или переломится пополам, что-то случилось.

Клаус улыбнулся.

Клаус пошел в атаку.

Бонни видела, как напряглись мышцы Стефана, пытавшегося обороняться. Но Клаус, на губах которого играла зловещая улыбка, продолжал наступать. Он был похож на чертика, который выпрыгивает из табакерки, но только очень-очень медленно. Спокойно. Неумолимо. Улыбка становилась все шире и шире, и казалось, что она вот-вот разорвет его лицо пополам.

Улыбка Чеширского кота.

Кота, играющего с мышью.

Стефан стонал и напрягал все силы. Стиснув зубы, он пытался остановить натиск Клауса. Но Клаус и его палка двигались вперед, заставляя Стефана отступать, прижимая его к земле.

Улыбка не сходила с лица Клауса.

И вот Стефан уже лежит на спине, и его собственный шест упирается ему в горло под тяжестью копыя Клауса. Клаус, сияя, смотрел на него сверху вниз.

— Мне надоело играть, малыш, — сказал он, выпрямляясь и отшвыривая в сторону свое копьё. — Пришло время умирать.

Он выхватил копьё из рук Стефана так легко, как будто отобрал его у ребенка. Одним взмахом запястья он переломил копьё об колено, показывая, насколько он силен, насколько он был силен все это время. Как жестоко он играл со Стефаном.

Половину разломанного шеста он швырнул через плечо, заставив перелететь через всю поляну. А вторую половину вонзил в Стефана. Вонзил не заточенным концом, а противоположным, заканчивавшимся множеством острых обломков. Казалось, он опустил его без малейшего усилия, но Стефан закричал. Клаус повторял это движение снова и снова, и каждый раз из груди Стефана исторгался крик.

Рот Бонни открылся в беззвучном вопле.

Она никогда раньше не слышала, чтобы Стефан кричал от боли. И ей не надо было объяснять, *какой* должна была быть эта боль. Ей не надо было объяснять, что для Клауса был смертельным только белый ясень, а Стефана могло убить любое дерево. Что если Стефан еще не умер, то вот-вот умрет. Что Клаус, который уже занес руку, собирается покончить с ним последним мощным ударом. Клаус запрокинул голову к луне, и на его лице заиграла бесстыдная улыбка, в которой ясно читалось, *что именно* он любит больше всего

¹⁰ *Лимбо* — танец, возникший на островах Карибского залива и состоящий в том, что танцор, сильно наклоняясь назад, проходит под специально установленной перекладиной.

и что его возбуждает. Убийство.

А Бонни не могла пошевелиться, не могла даже закричать. Все поплыло у нее перед глазами. Она ошибалась. Она не взрослая, она все еще была ребенком. Она не хотела видеть последний удар, но и отвернуться тоже не могла. Всего этого не должно было происходить, но это происходило. Происходило на самом деле.

На лице Клауса появилась улыбка, в которой не было ничего, кроме наслаждения. Поднятая палка в его руках начала опускаться.

Копье пролетело через всю поляну и поразило его в самую середину спины; оно застряло там и подрагивало, как огромная стрела. Папка выпала из разжавшихся пальцев Клауса, безумная улыбка исчезла с его лица. Секунду он стоял, раскинув руки, а потом обернулся. В его спине дрожало копьё из белого ясеня.

Хотя перед глазами Бонни кружились серые пятна, она отчетливо слышала этот голос. Голос зазвенел, холодный, высокомерный и исполненный непоколебимой уверенности. Он произнес всего четыре слова, но они изменили все:

— *Отойди от моего брата.*

15

Клаус завопил; этот вопль напомнил Бонни о древних хищниках, о саблезубых тиграх, о мамонтах. Одновременно с воплем из его рта вырвалась пена, а красивое лицо превратилось в искаженную яростью маску.

Он завел руку за спину, стараясь ухватиться за ясеневое копьё и выдернуть его. Но оно вонзилось слишком глубоко. Бросок был сильным.

— Дамон, — прошептала Бонни.

Дамон стоял на краю поляны, между дубами. Она наблюдала, как он делает шаг в сторону Клауса, потом другой. Он шел упругой поступью хищника, готового убивать.

Он был в ярости. Одного взгляда на его лицо хватило бы, чтобы Бонни со всех ног пустилась наутек, но мышцы отказались ее слушаться. Никогда раньше ей не приходилось видеть такое яростное, едва сдерживаемое бешенство.

— Отойди... от моего... брата, — повторил он почти шепотом, не сводя глаз с Клауса, и сделал еще один шаг.

Клаус снова закричал, но его руки перестали лихорадочно ощупывать спину.

— Идиот! Нам незачем драться! Я же говорил тебе там, в доме! Каждый из нас может просто не замечать другого и идти своей дорогой!

Голос Дамона не стал громче:

— Отойди от моего брата...

Бонни чувствовала, что в нем растет Сила, мощная, как цунами. Он договорил так тихо, что Бонни пришлось напрячь слух, чтобы его расслышать:

— ...пока я не вырвал у тебя сердце.

Наконец Бонни смогла пошевелиться и отпрянула на шаг.

— Я тебе говорил! — заорал Клаус, выплевывая пену. Дамон не обратил на его слова никакого внимания. Казалось, он видит перед собой только горло Клауса, только его грудь, где бьется сердце, которое он собрался вырвать.

Клаус подобрал свой уцелевший шест и ринулся на Дамона.

Несмотря на потерю крови, у светловолосого вампира явно осталось еще много сил. Он кинулся на Дамона так неожиданно и быстро, что увернуться было практически невозможно. Бонни увидела, как он занес над Дамоном копьё, и невольно зажмурилась, но через секунду открыла глаза, услышав хлопанье крыльев.

Клаус проскочил то место, где только что был Дамон, а над ним парил черный ворон. Вниз медленно летело перышко, Бонни видела, как Клаус, не останавливаясь, пробежал через всю поляну и исчез в темноте.

Мертвая тишина воцарилась в лесу.

Оцепенение прошло, и Бонни сначала сделала несколько шагов, а потом стремглав помчалась к лежащему на земле Стефану. Он не открыл глаза, когда она подбежала, — видимо, был без сознания. Бонни опустилась рядом с ним на колени и ощутила, что все ее тело пронизывает мертвящий холод, как у человека, который долго находился в ледяной воде и наконец почувствовал первые признаки переохлаждения. Если бы не череда прежних потрясений этой ночи, Бонни с криком убежала бы прочь или забилась в истерике. Теперь же это был просто последний шаг к тому, чтобы соскользнуть за пределы реальности. В мир, которого не должно быть, но который все-таки существует.

Потому что дела были плохи. Очень плохи. Настолько, что хуже не бывает.

Она еще никогда не видела таких страшных ран. Даже раны, от которых умер мистер Таннер, выглядели не так ужасно. И никакие советы Мэри ничем не могли помочь. Даже если бы Стефан сейчас лежал на носилках у дверей операционной, это все равно ничего бы не изменило.

Все в том же состоянии пугающего спокойствия она подняла глаза и увидела в лунном свете взмахи мерцающих крыльев. Дамон оказался рядом с ней, и она спросила на удивление спокойно и рассудительно:

— Если поделиться с ним кровью, это поможет?

Казалось, он не слышал ее. Его глаза были абсолютно черными, словно состояли из одних зрачков. Безумная ярость, бешеная энергия — все это отступило, осталось позади. Он присел на корточки и дотронулся до лежащей на земле головы брата.

— Стефан.

Бонни закрыла глаза.

«Дамону страшно, — думала она. — Дамону страшно, *Дамону!* — и я — боже мой, я не понимаю, что делать. Теперь ничего уже не изменить, все закончилось, мы все погибли, а Дамону страшно за Стефана. Он не скажет, что нам надо делать, потому что сам этого не знает, а значит, принять решение должен кто-то другой. Господи, пожалуйста, помоги мне, потому что я очень боюсь, Стефан умирает, Мередит и Мэтт ранены, а Клаус вот-вот вернется».

Она открыла глаза и посмотрела на Дамона. Он был белым, и его лицо с широко раскрытыми глазами выглядело пугающе молодым.

— Клаус сейчас вернется, — сказала она тихо. Она больше не боялась Дамона. Не было охотника, которому сотни лет, и семнадцатилетней девушки, застывших у края мира. Были просто два человека, Дамон и Бонни, которые старались сделать все, что в их силах.

— Я знаю, — сказал Дамон. Он спокойно держал Стефана за руку, будто происходящее ничуть его не волновало, и это казалось вполне осмысленным и логичным. Бонни понимала, что он переливает Стефану Силу, и чувствовала, что ее слишком мало.

— Кровь ему поможет?

— Не очень. Разве что чуть-чуть.

— Если поможет хотя бы чуть-чуть, надо попытаться.

— Нет, — прошептал Стефан.

Бонни вздрогнула. Она думала, что Стефан потерял сознание. Но теперь его глаза были открыты, они были живыми, и в них сиял зеленый огонь. Впрочем, глаза были единственным, что в нем осталось живого.

— Не глупи, — сказал Дамон, и его голос стал суровым. Он сжал руку Стефана так, что костяшки пальцев у него побелели. — Ты тяжело ранен.

— Я не нарушу обещания. — Непокоримое упрямство, звучавшее в его голосе, было написано на его бледном лице. А когда Дамон снова открыл рот, явно собираясь сказать, что Стефан сейчас заткнется и нарушит обещание, а не то он, Дамон, сломает ему шею, Стефан добавил:

— Особенно если в этом все равно нет никакого смысла.

В наступившей тишине Бонни старалась отогнать от себя суровую истину этих слов. В том жутком измерении за пределами обычного мира, где они сейчас очутились, любая

благородная ложь или попытка вселить надежду не имели смысла. Годилась только правда. И Стефан говорил правду.

Он по-прежнему смотрел на брата, а тот смотрел на него, пристально, яростно, с бешенством, как перед этим смотрел на Клауса. Как будто это хоть чем-то могло помочь!

— Я не просто тяжело ранен. Меня уже нет, — жестоко сказал Стефан, и его взгляд схлестнулся с взглядом Дамона. «Последняя и величайшая борьба воле», — подумала Бонни.

— А ты должен увести отсюда Бонни и остальных.

— Мы тебя не бросим, — вмешалась Бонни. Она могла так сказать, потому что это тоже было правдой.

— Вы *должны*! — Стефан не отводил взгляда от брата. — Дамон, ты знаешь, что я прав. Клаус может вернуться в любую секунду. Не рискуй своей жизнью. И не рискуй *их* жизнями.

— Мне наплевать на их жизни, — прошипел Дамон. «И это тоже правда», — подумала Бонни, как ни странно, совсем не обидевшись. Была только одна жизнь, которая интересовала Дамона, — его собственная.

— Тебе придется, — резко ответил Стефан. Он сжал руку Дамона с такой яростью, словно боролся с ним и хотел таким способом заставить сдаться. — У Елены было последнее желание. Так вот, теперь слушай мое. У тебя есть Сила, Дамон. Я хочу, чтобы ты использовал ее, чтобы помочь им.

— Стефан... — безнадежно прошептала Бонни.

— *Обещай мне*, — сказал Стефан Дамону, и его лицо исказила гримаса боли.

Бессчетное количество секунд Дамон молча смотрел на него сверху вниз. Потом он сказал:

— Обещаю.

Слово прозвучало стремительно и резко, как удар кинжалом. Он отпустил руку Стефана, встал и повернулся к Бонни:

— Уходим.

— Мы не можем его оставить.

— Можем. — Теперь в лице Дамона не осталось ничего молодого. Никакой незащищенности. — Ты и твои друзья-люди уходят отсюда навсегда. *Я* — потом вернусь.

Бонни помотала головой. Она смутно понимала, что Дамон не предает Стефана — просто ставит его идеалы выше, чем его жизнь, но все это было для нее слишком мудрено и непостижимо. Она этого не понимала и не желала понимать. Она знала только одно: нельзя оставлять Стефана здесь.

— И вы уйдете немедленно, — сказал Дамон, протянув к ней руку, и в его голосе зазвенела сталь. Бонни уже приготовилась сопротивляться, но тут произошло то, что сразу лишило смысла любые препирательства. Раздался звук, похожий на щелчок гигантского хлыста, на миг стало светло, как днем, и Бонни ослепла. Когда к ней вернулось зрение, она увидела пламя. Огонь вырывался из только что появившейся дыры в основании ствола и полз вверх по дереву.

Клаус вернулся. Вернулся с молниями.

Затем Бонни увидела и его самого. В этом застывшем мире двигались лишь его фигура да пляшущие языки пламени. Как кровавым трофеем, Клаус размахивал окровавленной палкой белого ясеня, которую вытащил из раны у себя на спине.

«Как громоотвод», — мелькнула у Бонни безумная мысль, а потом что-то обрушилось сверху.

С безоблачного неба огромными сине-белыми зигзагами блеснула молния, осветившая все вокруг, словно полуденное солнце. Бонни видела, как молния бьет в одно дерево, потом в другое, все ближе и ближе. Языки пламени поднимались среди листьев, как голодные красные гоблины.

Два дерева справа и слева от Бонни взорвались с таким громким звуком, что она не столько услышала сколько почувствовала взрывы — они больно ударили по барабанным

перепонкам. У Дамона глаза были чувствительнее — он вскинул руку, чтобы прикрыть их.

Закричав: «Кlaus!» — он прыгнул на белокурого вампира. Это не было осторожное движение охотника, преследующего добычу, — это был удар на поражение. Стремительный прыжок волка или тигра.

Молния настигла его в прыжке.

Бонни закричала и вскочила на ноги. Вокруг разлилось голубое сияние раскаленного газа, воздух наполнился запахом гари, а Дамон лежал ничком и не шевелился. Бонни видела, что от него, как от пораженных молнией деревьев, поднимаются вверх тоненькие струйки дыма.

Онемев от ужаса, она смотрела на Клауса.

Клаус шагнул через поляну, держа в руках окровавленную палку, как клюшку для гольфа. Проходя мимо лежащего без сознания Дамона, он слегка наклонился к нему и улыбнулся. Бонни снова захотела закричать, но у нее перехватило дыхание. Похоже, в ее легких не осталось воздуха для крика.

— *С тобой* я разберусь потом, — бросил Клаус бесчувственному Дамону и повернулся к Бонни.

— Ты, — сказал он. — *Тобой* я займусь прямо сейчас.

Лишь мгновение спустя Бонни поняла, что он обращается не к ней, а к Стефану. Небесно-голубые глаза Клауса смотрели прямо ему в лицо, потом их взгляд остановился на его окровавленном теле.

— Сейчас я *съем* тебя, Сальваторе.

Бонни осталась одна. Она единственная могла держаться на ногах. И ей было страшно.

Но она знала, что должна делать.

Ее колени дрогнули, и она опустилась на землю рядом со Стефаном.

«Вот так все и закончится», — подумала она. Ты стоишь на коленях рядом со своим рыцарем и встречаешь врага лицом к лицу.

Она посмотрела на Клауса и сделала движение, словно пыталась защитить Стефана. Клаус как будто впервые заметил ее и нахмурился, будто обнаружил в салате паука. На его лице плясали оранжево-красные отблески пламени.

— Прочь с дороги.

— Нет.

«Это начало конца. Вот так, очень просто, одно-единственное слово, и сейчас, этой летней ночью, ты умрешь. Летней ночью, когда светят месяц и звезды и горят огни, похожие на те, что разжигали друиды, вызывая души умерших».

— Бонни, уходи, — преодолевая боль, сказал Стефан. — Беги, пока еще есть возможность.

— Нет, — сказала Бонни. «Прости меня, Елена, — думала она. — Я не смогла его сберечь. Это единственное, что я могу сделать».

— Прочь с дороги, — сквозь зубы процедил Клаус.

— Нет. — Ей оставалось лишь тянуть время, чтобы Стефан умер от ран, а не от зубов Клауса, впившихся в горло. Разница невелика, но больше ничего она сделать не могла.

— Бонни... — прошептал Стефан.

— Ты хоть знаешь, кто я такой, девчонка? Я прогуливался с дьяволом. Если ты уберешься с дороги, я, так и быть, подарю тебе быструю смерть.

Бонни не смогла выговорить ни слова. Она лишь молча мотнула головой.

Клаус вскинул голову и расхохотался. По его лицу пробежала тоненькая струйка крови.

— Что ж, — сказал он, — будь по-твоему. Тогда вы уйдете вместе.

«Летняя ночь, — подумала Бонни. — Канун солнцестояния. Когда граница, разделяющая два мира, становится прозрачной».

— А теперь скажи: «Спокойной ночи, милый».

Не было времени входить в транс. Не было времени ни на что, только на один отчаянный крик.

— *Елена!* — закричала Бонни. — *Елена! Елена!*

Клаус отшатнулся.

На секунду показалось, что одного этого имени было достаточно, чтобы напугать его. Или он ждал, что после крика Бонни что-то должно произойти? Он стоял и вслушивался.

Бонни собрала все оставшиеся силы и вложила их в свое желание, в свой призыв, обращенный в пространство.

И... ничего не почувствовала.

Кроме треска пламени, ничто не нарушило покоя летней ночи. Клаус обернулся к Бонни и Стефану и усмехнулся.

И тогда Бонни увидела, как что-то стелется вдоль земли.

Нет... это не туман. Возможно, дым от огня? Тоже нет... это не похоже ни на то, ни на другое. *Нечто*, вихрь, поднималось в воздух, словно маленький смерч или пыльный столб, постепенно складываясь в какую-то фигуру примерно с человека ростом.

Неподалеку возник еще один маленький вихрь. Потом Бонни заметила третий. Они поднимались повсюду.

Туман рос из-под земли, плыл из-за деревьев. Пятна тумана, каждое само по себе, каждое — отчетливо различимо. Застывшая в молчании Бонни видела, что они прозрачные; сквозь них она могла разглядеть языки пламени, дубы, кирпичи дымохода. Клаус уже не улыбался, не шевелился — он тоже наблюдал.

Бонни повернулась к Стефану, не зная даже, как сформулировать вопрос.

— Неупокоившиеся души, — хрипло сказал он, внимательно глядя на поляну своими зелеными глазами. — Солнцестояние.

И тут Бонни поняла.

Они приближались. Они подступали с другого берега реки, где было кладбище. Они двигались из леса, где было бесчисленное количество братских могил, вырытых на скорую руку, чтобы тела не сгнили под открытым небом. Неупокоившиеся души солдат, которые сражались и погибли здесь в Гражданскую войну. Духи этого места откликнулись на ее зов.

Фигуры возникали повсюду. Их были сотни.

Теперь Бонни могла различить проступающие в тумане черты их размытых, словно нарисованных акварелью лиц. Она видела пятна синего, мерцание серого. Солдаты Союза и солдаты Конфедерации. Вот Бонни разглядела пистолет, заткнутый за пояс, блеск роскошного меча. Нашивки на рукаве. Черную окладистую бороду, еще одну бороду — тонкую, ухоженную. Маленькую, размером с ребенка, фигуру, с черными дырами вместо глаз и барабаном, висющим у бедра.

— О господи, — прошептала она. — *Боже мой!* — Это не был шепот отчаяния. Скорее что-то вроде молитвы.

Нельзя сказать, что она их не испугалась. Испуг был. Ведь у нее на глазах оживали все страхи, связанные со старым кладбищем. Происходящее напомнило ей первый сон про Елену, где что-то выползало из черных ям. Только сейчас клочья тумана не ползли, а летели, скользили, плыли по воздуху, а потом, закружившись в вихре, принимали человеческие очертания. То, что Бонни чувствовала на старом кладбище: что оно живое, что в нем полно внимательных глаз и что в его напряженной тишине таится Сила, — все это оказалось правдой. Земля Феллс-Черч исторгала из себя свою кровавую память. Духи погибших снова шагали по земле.

И Бонни чувствовала, что они в ярости. Эта ярость испугала ее, но у нее в душе шевельнулось и другое чувство, от которого перехватывало дыхание. Она крепче вцепилась в руку Стефана. Потому что у призрачной армии был предводитель.

Эта фигура плыла перед всеми остальными, ближе всего к месту, где стоял Клаус. У нее пока еще не было ни формы, ни черт лица, но она сияла мерцающим светло-золотым пламенем, похожим на пламя свечи. А потом, прямо на глазах у Бонни, она словно соткалась из воздуха, каждую секунду все ярче светясь неземным светом, который был ярче полыхавшего вокруг пожара. Он был таким ярким, что Клаус отшатнулся от него, а Бонни

заморгала, но, услышав слабый звук и обернувшись, она увидела, что Стефан смотрит на него без страха, широко раскрыв глаза. Он слабо улыбался, как будто был рад, что в конце своей жизни видит именно этот свет.

У Бонни уже не оставалось никаких сомнений.

Клаус выронил копье. Он отвернулся от Бонни и Стефана, чтобы встретиться лицом к лицу со светящейся фигурой, парившей над поляной, как ангел мщения. Золотые волосы развевались от невидимого ветра. Сверху вниз на него смотрела Елена.

— Она пришла, — прошептала Бонни.

— Ты вызвала ее, — пробормотал Стефан. Его голос сорвался, перейдя в хрип, но улыбка не сходила с его губ. Его глаза были прозрачными.

— Не смей приближаться к ним, — сказала Елена, и ее голос звучал и в ушах Бонни, и в ее сознании. Он был похож на звон десятков колокольчиков, одновременно и далеко и вблизи. — Все кончено, Клаус.

Но Клаус быстро пришел в себя, он прервал дыхание и расправил плечи. Впервые за все это время Бонни заметила на его кожаном плаще отверстие в том месте, куда вошло ясеновое копье. Вокруг него виднелись темно-красные пятна, а когда Клаус раскинул руки, там выступила новая кровь.

— Думаешь, я испугаюсь вас? — прокричал он, закружился на месте и расхохотался, глядя на бледные фигуры. — Думаете, я испугаюсь хоть кого-нибудь из вас? Вы все мертвы! Вы — пыль на ветру! Вы ничего мне не сделаете!

— Ты ошибаешься, — произнесла Елена голосом, похожим не то на дуновение ветра, не то на звон музыкальных подвесок.

— Я из Древних. Из Изначальных! Вы хоть понимаете, что это значит? — Клаус снова повернулся, обращаясь ко всем сразу, и в его небесно-синих глазах плясали рыжие огоньки пламени. — *Я никогда не умирал!* Вы все мертвы, вы, кучка глупых привидений. А я — нет. Смерть не может прикоснуться ко мне. *Я непобедим!*

Последнее слово он выкрикнул с такой силой, что оно эхом отозвалось среди деревьев. *Непобедим... непобедим... непобедим.* Бонни слышала, как звук, слабея, слился с голодным ревом пламени.

Елена подождала, пока затих последний отзвук эха. А потом сказала просто:

— Не совсем.

Она обернулась и обвела взглядом окружившие ее призрачные фигуры.

— Он хочет устроить здесь новое кровопролитие.

Послышался другой, бесцветный голос, от которого по позвоночнику Бонни словно пробежала струйка ледяной воды.

— А я так скажу: здесь было уже многовато смертей. — Это был солдат Союза в мундире с двойным рядом пуговиц.

— Да уж, предостаточно, — отозвался еще один голос, прозвучавший, словно далекий отзвук барабанного боя. Солдат Конфедерации со штыком в руках.

— Пора положить этому конец, — старик в домотканом мундире орехового цвета.

— Нельзя допустить, чтобы это продолжалось, — мальчик-барабанщик с черными дырами вместо глаз.

— Больше тут не пропьется кровь! — подхватило множество голосов одновременно. — Довольно убийств! — Крик прокатился от одного к другому, заглушая рев пламени. — Довольно крови!

— *Вы не сможете встать у меня на пути!* Вам не убить меня!

— А ну-ка взять его, ребята!

Бонни не слышала, кто отдал последнюю команду. Но ее исполнили все, бок о бок солдаты Конфедерации и солдаты Союза. Они взмывали вверх, парили и растворялись в тумане — темном тумане с сотнями рук. Этот туман обрушился на Клауса, как океанская волна, нахлынул на него и поглотил. Все руки вцепились в него, и, как Клаус ни отбивался, он не смог справиться с ними: их было слишком много. В считанные секунды они окружили

его, захлестнули и погребли в темном тумане, который взвился вверх, кружась как торнадо. Из его глубины доносились едва различимые крики:

— Вы не сможете меня убить! Я бессмертен.

Торнадо исчезло во тьме, и Бонни его уже не видела. Вслед ему протянулась тоненькая полоса призраков, похожая на хвост кометы, и тоже исчезла в ночном небе.

— Куда они его понесли? — Бонни не собиралась говорить это вслух; слова просто сорвались с ее языка раньше, чем она успела подумать.

Но Елена ее услышала.

— Туда, где он уже никому не причинит вреда, — сказала она, и выражение ее лица было таким, что Бонни почла за благо не вдаваться в подробности.

С противоположной стороны поляны донеслось какое-то не то завывание, не то блеяние. Бонни обернулась и увидела, что Тайлер поднялся на ноги в своем жутком получеловеческом-полузверином обличье. Палка Кэролайн не понадобилась. Глядя на Елену и на нескольких оставшихся призраков, Тайлер причитал:

— Пожалуйста, скажите им, чтобы они меня не забирали! Скажите им, чтобы меня не забирали вместе с ним!

Не успела Елена произнести хоть слово, как Тайлер развернулся, окинул взглядом пламя, которое поднялось выше уровня его головы, а потом ринулся прямо в него, прорываясь в лес. Бонни разглядела между языками пламени, как он упал на землю, сбил с себя огонь, потом поднялся и снова рванул вперед. Пламя поднялось выше, и больше Бонни уже ничего не видела.

И тут она вспомнила. Мередит и Мэтт. Голова Мередит покоилась у Кэролайн на коленях, и глаза были открыты. Мэтт по-прежнему лежал на спине. Он был ранен, но не так тяжело, как Стефан.

— Елена, — обратилась Бонни к светлой фигуре, а потом посмотрела на Стефана.

Сияние приблизилось. Стефан не моргал. Он смотрел прямо на свет и улыбался.

— Он остановлен. Благодаря тебе.

— Нас вызвала Бонни. А Бонни не смогла бы сделать это в нужный момент и в нужном месте, если бы не ты и все остальные.

— Я старался сдержать обещание.

— Я знаю, Стефан.

Бонни не понравился этот разговор. Слишком уж напоминал прощание — прощание навеки. В голове у нее зазвучали собственные слова: *Он может отправиться в какое-то другое место — или просто в небытие.* А ей не хотелось, чтобы Стефан вообще куда-то отправлялся. Он ведь так похож на ангела...

— Елена, — сказала она, — ты можешь... можешь сделать что-нибудь? Ты можешь помочь ему? — Ее голос дрогнул.

Лицо повернувшейся к Бонни Елены было нежным, но таким грустным, что ей стало еще страшнее. Оно кого-то ей напомнило, и Бонни тут же поняла, кого именно. Онорию Фелл. Такой взгляд был у Онории Фелл, которая словно видела перед собой все непреодолимое зло мира. Всю его несправедливость, все то, что не должно происходить, но все-таки происходит.

— Я могу сделать кое-что, — сказала Елена, — но не уверена, захочет ли он такой помощи. — Она снова повернулась к Стефану. — Стефан, я могу исцелить раны, которые нанес Клаус. Этой ночью у меня для этого достаточно Силы. Но я не смогу исправить то, что сделала Катрина.

Оцепеневший мозг Бонни некоторое время пытался осмыслить эти слова. «То, что сделала Катрина?..» Но ведь Стефан еще несколько месяцев назад оправился от пыток, которым Катрина подвергла его в склепе. Потом она поняла. Катрина сделала кое-что еще. Она превратила Стефана в вампира.

— Прошло слишком много времени, — сказал Стефан Елене. — Если ты это сделаешь, я обращаюсь в горстку праха.

— Да. — Елена не улыбалась, просто спокойно смотрела на него. — Ты хочешь, чтобы я помогла тебе, Стефан?

— Чтобы я и дальше жил в этом мире теней?.. — Голос Стефана понизился до шепота, а голубые глаза смотрели в никуда. Бонни захотелось схватить его и встряхнуть. «*Живи!*» — мысленно твердила она ему, но побоялась сказать это вслух, опасаясь, что тогда уж он наверняка решит по-другому. Но потом она еще кое-что вспомнила.

— Мы должны *пытаться*. И не оставлять попыток, — сказала Бонни, и оба они обернулись к ней. Она в ответ посмотрела на них, выпятив подбородок, и заметила, что на светящихся губах Елены начинает проступать улыбка. Елена повернулась к Стефану, и тень улыбки словно передалась от нее к нему.

— Да, — сказал он тихо и добавил, обращаясь к Елене: — Я хочу, чтобы ты помогла мне.

Она наклонилась и поцеловала его.

Бонни видела, как сияние рекой мерцающего света льется от Елены к Стефану и окутывает его полностью. Это алмазное сияние поглотило его, так же как перед этим темный туман поглотил Клауса, пока все его тело не засветилось, как у Елены. На мгновение Бонни показалось, что она видит, как его кровь становится совсем прозрачной, наполняет каждую вену, каждый капилляр и исцеляет все, с чем соприкасается. Потом сияние стало слабее и превратилось в золотую ауру, а потом и аура исчезла, словно впитавшись в кожу Стефана. Рубашка у него по-прежнему была рваной, но тело под ней было упругим и крепким. Бонни, у которой глаза расширились от удивления, не удержалась — она протянула руку и потрогала его.

На ощупь — кожа как кожа. Никаких ран.

Бонни громко засмеялась от счастья, а потом, посерьезнев, подняла глаза:

— Елена... Еще Мередит...

Но Елена уже двигалась через поляну. Мередит, голова которой лежала на коленях у Кэролайн, посмотрела на нее снизу вверх.

— Здравствуй, Елена, — сказала она почти нормальным, разве что слишком слабым, голосом.

Елена наклонилась и поцеловала ее. Снова потекла светлая струя, которая окутала Мередит. Когда она погасла, Мередит уже стояла на ногах.

То же самое Елена сделала с Мэттом, который успел очнуться и теперь в недоумении, но вполне осмысленно озирался по сторонам. Она поцеловала и Кэролайн; та перестала дрожать и выпрямилась.

Наконец она направилась к Дамону.

Он все еще лежал там, где упал. Мимо него летали призраки, не обращая на него никакого внимания. Свет Елены засиял прямо над ним, светящаяся рука дотронулась до волос. Елена наклонилась и поцеловала лежащую на земле голову.

Когда искрящийся свет потускнел, Дамон сел и тряхнул головой. Он увидел Елену и замер, а потом осторожно встал на ноги. Он ничего не говорил, просто смотрел, как Елена опять поворачивается к Стефану.

На фоне огня был ясно виден его силуэт. Бонни даже не заметила, когда рыжее пламя разрослось так сильно, что почти перекрыло золотое сияние, исходящее от Елены. Но сейчас она наконец обратила внимание на огонь и страшно забеспокоилась.

— Мой последний подарок, — сказала Елена, и начался дождь.

Это была не гроза, а просто сильный ливень. Он погасил огонь, залив всю окрестность и промочив одежду Бонни до нитки. Дождь был прохладным и свежим, и, казалось, смыл весь ужас последних часов, уничтожив все следы недавно происходившего тут кошмара. Бонни, зажмурившись, подставила лицо дождю, ей захотелось раскинуть руки и обнять его. Потом ливень прекратился, и она снова повернулась к Елене.

Елена смотрела на Стефана, и теперь на ее губах не было улыбки. Безмолвная скорбь вернулась.

— Уже полночь, — сказала она. — Мне пора уходить.

Бонни тут же поняла: «уходить» ей придется не на время. Навсегда. Елена отправлялась туда, откуда ее уже нельзя будет увидеть ни во сне, ни в трансе.

Стефан тоже это понял.

— Всего несколько минут, — сказал он, протягивая к ней руки.

— Прости меня...

— Елена, подожди... Я должен сказать тебе...

— Я не могу! — В последний раз безмятежная ясность исчезла со светящегося лица — мягкая грусть сменилась на нем разрывающим душу отчаянием. — Я не могу ждать, Стефан. Прости меня. — Ее словно тянула какая-то сила, уносила в другое измерение, туда, где Бонни уже не сможет ее увидеть. «Может быть, туда, куда ушла Онория Фелл, когда выполнила свою работу, — подумала Бонни. — Туда, где ее ждет покой».

Но в глазах Елены не было спокойствия. Она впиалась взглядом в Стефана и отчаянным жестом протянула к нему руку. Но их руки не встретились. В какое бы измерение ни уходила Елена, оно было слишком далеко.

— Елена... *Прошу тебя!* — таким же голосом он звал Елену тогда, в своей комнате. Голосом человека, у которого разрывается сердце.

— Стефан! — прокричала она, протягивая к нему обе руки. Но ее очертания таяли, расплывались.

Бонни поняла, что вот-вот расплечется, что рыдания уже комом подступают к горлу. Это было нечестно. Им хотелось одного — быть вместе. А теперь, когда Елена выполнила свой долг и спасла город, вместо награды ее навсегда разлучают со Стефаном. Это — *нечестно*.

— Стефан, — снова произнесла Елена, и теперь ее голос доносился откуда-то издалека. Сияние почти померкло, а потом Бонни увидела сквозь слезы, как оно погасло совсем.

Опять воцарилась мертвая тишина. Все исчезло. Исчезли призраки города Феллс-Черч, которые явились на одну ночь, чтобы спасти эти места от нового кровопролития. Светлый дух, который привел их, тоже пропал без следа, и даже месяц и звезды затянуло тучами.

Бонни понимала, что лицо у Стефана мокрое не из-за дождя, который снова полил с неба.

Стефан стоял выпрямившись, его грудь вздымалась. Он не отводил глаз от того места, где еще недавно было видно сияние Елены. И те боль и страдание, которые Бонни раньше порой видела на его лице, не шли ни в какое сравнение с тем, что было написано на нем сейчас.

— Это нечестно, — прошептала она. А потом крикнула в небо, даже не понимая, к кому обращается: — *Это нечестно!*

Дыхание Стефана все учащалось. Он тоже смотрел в небо, но не с гневом, а с невыразимой болью. Он вглядывался в облака, словно мог увидеть там хоть какую-то частичку золотого света, малейшую искорку погасшего сияния. Но там не было ничего. Бонни видела, что все его тело содрогнулось, словно от удара копьей Клауса. И крик, вырвавшийся из его груди, был страшнее всего, что ей приходилось слышать в жизни:

— *Елена!*

Потом Бонни так и не смогла восстановить в деталях то, что происходило в следующие несколько секунд. Вначале она услышала крик Стефана, от которого едва не затряслась земля у нее под ногами, и заметила, что в их сторону идет Дамон. А потом увидела вспышку.

Эта вспышка была похожа на молнии Клауса, только она была не сине-белой. Она была золотой.

Золотой и такой яркой, что Бонни показалось, будто прямо у нее на глазах взорвалось солнце. Несколько секунд она видела перед собой только цветной водоворот. А потом

заметила посреди поляны кое-что еще. Белую маленькую фигурку, по форме похожую на призраков, но более плотную на вид. Фигурка съежилась рядом с дымовой трубой, и Бонни была готова верить чему угодно, только не собственным глазам.

Ведь больше всего фигурка была похожа на тоненькую обнаженную девушку, которая, дрожа, сидела на траве. Девушку с золотыми волосами.

И по виду это была Елена.

Не пылающая, словно свеча, Елена из мира духов, не бледная, сверхъестественно красивая девушка, в которую превратилась Елена, ставшая вампиром. Нет, это была Елена, матово-белая кожа которой порозовела и покрылась пупырышками под проливным дождем. Елена, которая с ошарашенным видом медленно поднимала голову и озиралась по сторонам, словно видела эту хорошо знакомую поляну в первый раз.

Это обман зрения. Или, возможно, ей дали еще пару секунд, чтобы попрощаться. Бонни твердила это себе снова и снова, но никак не могла себя убедить.

— Бонни? — спросил неуверенный голос. Голос, который никак не напоминал перезвон музыкальной подвески. Голос перепуганной молоденькой девушки.

У Бонни задрожали колени. Ее переполняло какое-то сумасшедшее чувство. Она пыталась отогнать его прочь, не смея верить. Она просто смотрела на Елену.

Елена провела рукой по траве. Сначала опасливо, потом все более и более уверенно и быстро. Плохо слушающимися пальцами она подняла листок, снова положила его на траву и потрогала землю. Снова взяла в руки листок. Сгребла целую пригоршню мокрых листьев, поднесла их к лицу и понюхала. Потом посмотрела на Бонни, и листья выпали из ее руки.

Секунду они обменивались взглядами, стоя на коленях в метре друг от друга. Потом, дрожа, Бонни протянула руку. У нее перехватило дыхание. Ощущение безумия становилось все сильнее.

Рука Елены тоже протянулась к ней. Они дотянулись друг до друга, и их пальцы соприкоснулись.

Настоящие пальцы. В настоящем мире. Они обе были здесь.

Бонни завизжала и бросилась Елене на шею.

Минуту она в безумном восторге бешено хлопала по ней ладонями, не веря самой себе. Но Елена была настоящей. Она была мокрой от дождя, она дрожала, и руки Бонни не проходили сквозь ее тело. В волосах у нее застряли обрывки мокрых листьев и песчинки.

— Ты здесь, — плача, говорила Бонни. — Я могу тебя потрогать, Елена!

А Елена выдохнула ей в ответ:

— А я могу потрогать тебя! Я здесь! — Она снова схватила листья. — Я могу потрогать землю!

— А я вижу, как ты ее трогаешь! — Они могли бы продолжать так до бесконечности, если бы не Мередит. Она стояла в нескольких шагах, уставившись на них, ее темные глаза расширились, а лицо побелело. Она издала сдавленный звук.

— Мередит! — Елена повернулась, протянула к ней руки с прилипшими к ладоням листьями и раскрыла объятия.

А Мередит, которая держала себя в руках, когда тело Елены обнаружили в реке, когда Елена, превратившаяся в вампира, возникла у нее в окне, когда Елена в облике ангела появилась на поляне, — стояла молча, и ее колотила дрожь. Она была готова упасть без чувств.

— Мередит, она не прозрачная! Ее можно потрогать! Смотри! — Бонни в экстазе опять стала хлопать Елену по спине.

Мередит не шевелилась.

— Этого не может быть... — прошептала она.

— Может! Видишь? Это правда! — Бонни была на грани истерики и сама это понимала, но ей было наплевать. Если уж у кого и было право зайти в истерику, так это у нее. — Это правда, это правда, — нараспев кричала она. — Мередит, ну иди же сюда и убедись.

Мередит, по-прежнему не сводившая глаз с Елены, снова издала сдавленный звук. А потом кинулась к ней одним судорожным движением, дотронулась до ее кожи и убедилась, что ее руки касаются твердой плоти. Она заглянула Елене в лицо. А потом, не в силах сдерживать себя, в голос разрыдалась.

Она плакала и не могла остановиться, и ее голова лежала у Елены на плече.

Бонни радостно хлопала их обеих ладонями.

— Как ты думаешь, может, ей лучше что-нибудь накинуть? — раздался голос, и Бонни, подняв голову, увидела, что Кэролайн невозмутимо стягивает с себя платье. Она стояла в бежевой синтетической сорочке так, словно ходить по лесу в нижнем белье было для нее привычным делом. «Никакого воображения, — снова подумала Бонни, но на этот раз без всякой досады. — Глупо отрицать, что в некоторых ситуациях отсутствие воображения — огромный плюс».

Мередит и Бонни через голову натянули на Елену платье. В нем она стала совсем маленькой, мокрой и немножко ненастоящей, как будто отвыкла носить одежду. Но это была хоть какая-то защита от дождя.

Потом Елена прошептала:

— Стефан.

Она повернулась. Он стоял рядом с Дамоном и Мэттом, чуть в стороне от девушек. Он смотрел на нее. Смотрел так, словно не только его дыхание, но и вся его жизнь затаилась в ожидании.

Елена встала и сделала навстречу ему неуверенный шаг, потом еще один, потом еще. Тонкая и какая-то неожиданно хрупкая в чужом платье, она, чуть пошатываясь, шла к нему. «Как русалочка, которая впервые учится ходить», — подумала Бонни.

Сначала он стоял, не шевелясь, а потом, когда она преодолела половину разделявшего их расстояния, вдруг бросился к ней. Они встретились и в порыве восторга упали в траву, сплелись в объятиях, изо всех сил прижавшись друг к другу. Оба не произнесли ни слова.

Наконец Елена чуть отстранилась от Стефана, чтобы получше рассмотреть его, а он, молча глядя на нее, обхватил ее голову ладонями. Елена, громко рассмеявшись от счастья, несколько раз сжала и разжала пальцы, не сводя с них взгляда, а потом запустила их в шевелюру Стефана. Они поцеловались.

Бонни без всякого стеснения любовалась ими, чувствуя, что плачет от безумной, опьяняющей радости. У нее саднило горло, но это были не горькие слезы боли — они были сладкими, и, плача, она продолжала улыбаться. Она вся измазалась в грязи, насквозь промокла, но никогда в жизни она еще не была так счастлива. Ей хотелось танцевать, петь, вытворять всякие безумства.

Потом Елена оторвалась от Стефана и окинула всех взглядом, и лицо ее было почти таким же светлым, как и тогда, когда она появилась на поляне в облике ангела. Она сияла, как звездочка. «Вот теперь ее уже никто не назовет Снежной Королевой», — подумала Бонни.

— Друзья, — сказала Елена. Только одно это слово, но его было достаточно, — этого слова и едва слышного всхлипа, который она издала, протянув к ним руки. Через секунду все окружили ее, все пытались обнять ее одновременно. Даже Кэролайн.

— Елена, — начала Кэролайн, — прости меня...

— Все в прошлом, — сказала Елена и обняла ее так же радостно, как и всех остальных. Потом она схватила крепкую загорелую руку и быстро прижалась к ней щекой. — Мэтт, — проговорила она, а он улыбался ей, и в его глазах блестели слезы. «Он плачет не потому, что видит Елену в объятиях Стефана, — подумала Бонни. — У него на лице счастье, и только счастье».

И тут на маленькую группу упала тень — кто-то встал между ними и лунным светом. Елена подняла глаза и опять протянула руку.

— Дамон, — сказала она.

Ее лицо светилось такой радостью и любовью, которым невозможно было

сопротивляться. «Или, по крайней мере, незачем сопротивляться», — подумала Бонни. Однако Дамон, выступивший вперед, не улыбнулся, а его глаза были такими же, как всегда, бездонными и непроницаемыми. Ни один лучик звездного света, исходивший от Елены, не отразился в них.

Стефан посмотрел на него так же бесстрашно, как перед этим смотрел на болезненно яркий золотой свет, исходивший от Елены. А потом, не отводя взгляда, тоже протянул ему руку.

Дамон смотрел сверху вниз на них обоих, на их открытые, смелые лица, на их протянутые в молчании руки. Руки, предлагающие дружбу, тепло и доброту. Но ничто не отразилось на его лице; он не сделал ни единого ответного движения.

— Ну хватит уже, Дамон, — негромко сказал Мэтт. Бонни кинула на Мэтта быстрый взгляд и увидела, что он пристально разглядывает сумрачное лицо охотника.

Не двигаясь с места, Дамон произнес:

— Я не такой, как вы.

— Ты отличаешься от нас не так сильно, как тебе хочется думать, — сказал Мэтт. — Послушай-ка, — добавил он, и в его голосе появились странные нотки: он словно бы подзадоривал Дамона. — Я знаю, что ты убил мистера Таннера, потому что оборонялся, — ты сам мне об этом сказал. Я знаю, что ты появился в Феллс-Черч вовсе не потому, что тебя вызвала Бонни, — я своими руками разбирал волосы и знаю, что никакой ошибки быть не могло. Ты больше похож на нас, чем хочешь это признать, Дамон. Одного только я не могу понять — почему, *почему* ты не зашел в дом Викки, чтобы помочь ей?

Дамон коротко и резко, почти автоматически, ответил:

— Меня никто не пригласил!

На Бонни нахлынули воспоминания. Вот они с Дамоном стоят у дома Викки, а рядом звучит голос Стефана: «Викки, пригласи меня в дом». Но Дамона никто не приглашал.

— А как же тогда туда проник *Кlaus*?.. — начала она, следуя за ходом своих мыслей.

— Уверен, что тут постарался Тайлер, — коротко сказал Дамон. — Тайлер помог Клаусу в обмен на то, что тот научил его, как вступить в права наследства. Он наверняка пригласил Клауса в дом задолго до того, как мы стали там дежурить, — может быть, даже до того, как мы со Стефаном вернулись в Феллс-Черч. Клаус хорошо подготовился. Той ночью он оказался в доме и убил девушку быстрее, чем я успел сообразить, что происходит.

— А почему ты не позвал Стефана? — спросил Мэтт. В его голосе не было никакого упрека. Это был простой вопрос.

— Потому что он все равно ничего не смог бы сделать! Я понял, с *чем* мы столкнулись, сразу, как только увидел Клауса. Я не сомневался, что это — один из Древних. Стефан бы погиб, а беспокоиться о девушке все равно было уже поздно.

Бонни услышала холодок в его голосе, а, когда Дамон снова обернулся к Стефану и Елене, его лицо стало суровым. Он словно принял какое-то решение.

— Видите? Я не такой, как вы, — сказал он.

— Это не имеет значения. — Стефан так и не убрал руку. Не убрала свою и Елена.

— И иногда добро действительно побеждает, — негромко, ободряющим голосом сказал Мэтт.

— Дамон... — начала Бонни. Медленно, словно против воли, он обернулся к ней. Она вспомнила, как они оба стояли на коленях перед Стефаном, и он выглядел так молодо. Как они были просто Дамоном и Бонни на краю света.

Всего на один миг ей показалась, что в черных глазах засветились звезды. Она почувствовала какую-то мешанину чувств — там были и тоска, и недоумение, и страх, и гнев — все вместе. Но потом все стерлось, крепость снова наглухо закрылась, и экстрасенсорное чутье Бонни больше ничего ей не сказало. А черные глаза опять сделались непроницаемыми.

Он повернулся к парочке, сидевшей на земле. Потом снял куртку и подошел к Елене сзади и, не дотрагиваясь до нее, набросил куртку ей на плечи.

— Сегодня ночью свежо, — сказал он. Он закутал Елену в куртку, и на миг его взгляд

встретился со взглядом Стефана.

А потом он развернулся и пошел в темноту между дубами. Через секунду Бонни услышала шум крыльев.

Стефан и Елена, не говоря ни слова, снова взялись за руки, а золотоволосая голова Елены опустилась Стефану на плечо. Взгляд зеленых глаз Стефана в последний раз обратился поверх ее головы туда, где исчез в ночи его брат.

Бонни тряхнула головой, чувствуя, что у нее стоит ком в горле, и тут почувствовала чье-то прикосновение; подняв глаза, она увидела перед собой Мэтта, и комок сразу же исчез. Промокший до нитки, весь в кусочках мха и папоротника, Мэтт все равно был прекрасен. Она улыбнулась и ощутила, как к ней возвращается чувство радостного удивления. Безумный, бешеный восторг охватил ее, когда она вспомнила все, что произошло этой ночью. Мередит и Кэролайн тоже улыбались, и Бонни импульсивно сжала руку Мэтта и закружила его в танце. Прямо посреди поляны они подбрасывали в воздух листья, и кружились, и смеялись. Они были живыми, они были юными, и сегодня была ночь накануне солнцестояния.

— Ты ведь хотела, чтобы мы опять собрались все вместе! — крикнула Бонни Кэролайн и вовлекла ошарашенную девушку в танец. Мередит, забыв о чувстве собственного достоинства, присоединилась к ним.

И долго еще на поляне царило одно лишь веселье.

21 июня, 7.30, летнее солнцестояние

Дорогой дневник!

*Ох! Надо столько всего тебе рассказать, а ты мне все равно не поверишь. Я
иду спать.*

Бонни.